

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ**

2017 Том 16 № 3

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ Козьменко Владимир Матвеевич, доктор ист. наук, профессор, РУДН, Россия E-mail: kozmenko_vm@rudn.university	ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА Мосейкина Марина Николаевна, доктор ист. наук, профессор, РУДН, Россия E-mail: moseykina_mn@rudn.university	ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, кандидат ист. наук, доцент, РУДН, Россия E-mail: kornoukhova_gg@rudn.university
---	---	---

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Арсланов Рафаэль Амирович, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, РФ

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, Академический колледж Ахва, Биир-Тувиа, Израиль

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Уральский Федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, РФ

Кемпер Михаэль, доктор наук, профессор, Амстердамский университет, Амстердам, Голландия

Козн Стивен, доктор наук, профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Мартин Александр, доктор наук, профессор, Нотрдамский университет, Нотр Дам, США

Юнусова Айслу Билаловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, Уфа, РФ

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикина*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ**

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Выходит 4 раза в год.

<http://journals.rudn.ru/russian-history/index>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих
(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цель и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам публикаций.

Цель журнала – способствовать сотрудничеству и научному обмену в области исторического знания, публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по широкому кругу актуальных проблем российской истории, касающихся политики, экономики, культуры Российского государства, центральное место среди которых отводится истории народов России и проблемам российской регионалистики.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими достижениями отечественной и зарубежной исторической науки, дискуссионными проблемами российской истории, современными методологией и методами в области исторических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: социально-экономическая, политическая и социокультурная история народов России; российская общественно-политическая мысль; история национальной политики и межконфессиональных отношений в России; исторический опыт народов в периоды войн и конфликтов; контакты и связи народов России с народами мира; Русский мир; история эмиграции народов России и миграционная политика РФ; проблемы археологии, этнографии и антропологии народов России; российская регионалистика.

Кроме научных статей публикуются рецензии и историографические обзоры.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Подписано в печать 25.08.2017. Выход в свет 08.09.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500 экз. Заказ № 809. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY

2017 Volume 16 № 3

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Scientific journal

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Kozmenko,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail:

kozmenko_vm@rudn.university

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Marina Moseikina,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail:

moseykina_mn@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya Kornoukhova,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail:

kornoukhova_gg@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Rafael Arslanov, RUDN University, Moscow, Russia

Stephen Cohen, New York University, New York, USA

Vladimir Datsyshen, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Michael Kemper, University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands

Alexander M. Martin, University of Notre Dame, Notre Dame, USA

Olga Porshneva, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Irena Vladimirska, Academic College of Ahva, Biiir-Tuvia, Israel

Aislu Yunusova, Chief Scientific Officer, Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev, Ufa, Russia

Copy Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

Ordzhonikidze St., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board of RUDN Journal of Russian History:

Miklukho-Makhlaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Published four times a year.

<http://journals.rudn.ru/russian-history/index>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a peer-reviewed international academic journal publishing historical researches. It is international with regard to both its editorial board and contributing authors.

The goal of the *Journal* is to improve the research work efficiency in the field of historical knowledge, to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international researchers in the study of a wide range of issues (politics, economy and culture of the Ancient Russia – the Russian Empire – the Soviet Union – the Russian Federation), where the central place is given to the history of the peoples of Russia and Russian's regions.

General Journal Sections are the following: socio-economic, political and socio-cultural history of the peoples of Russia; history of national policies and inter-confessional relations in Russia; the historical experience of peoples during wars and conflicts; contacts and links of the peoples of Russia with the peoples of the world; the Russian world and the history of the emigration of peoples of Russia; migration policy of Russia; problems of archeology, ethnography and anthropology; Russian regionalistic.

In addition to research articles the journal also publishes book reviews and historiographical overviews.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university
© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

Арсланов Р.А., Климашин А.Л.

Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии 347

Безугольный А.Ю.

Проблема языковой адаптации военнослужащих РККА нерусских национальностей в межвоенный период (1920-е – 1941 гг.) 364

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Конкин Д.В.

Экономические «открытия» в Крыму в работах В.Ф. Зуева и К.И. Габлица: «дефект описания» 378

Коновалов И.А.

Сибирская полицейская бюрократия в государственном аппарате абсолютизма в первой половине XIX в. 400

Балашова Е.Г.

Новые сведения о пострадавших в годы гонений на Церковь в СССР в 1920–1930-е гг. (по материалам Высоко-Петровского монастыря г. Москвы) 414

Тряхов И.С.

Продовольственная проблема и стратегии ее решения во Владимирском крае в годы Великой Отечественной войны 429

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ И СВЯЗИ РОССИИ

Волосюк О.В.

Торговые отношения между Россией и Испанией в начале XIX в. 445

Эрдэнэбаяр Ганхуяг

Россия – Монголия: по пути стратегического партнерства 462

Adetokunbo Abiodun

Nigeria – Russia bilateral relations: problems and prospects / Нигерия – Россия: проблемы и перспективы двусторонних отношений 477

CONTENTS

PEOPLES OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE USSR

Rafael A. Arslanov, Alexey L. Klimashin

Russian periodicals at the turn of the 19th–20th centuries on Russian migrants' sociocultural adaptation in Central Asia 347

Alexey Yu. Bezugolny

Problem of language adaptation of the Red army soldiers of non-Russian nationalities in the 1920–1930-s 364

HISTORY OF REGIONS OF RUSSIA

Denis V. Konkin

Economic “discoveries” in Crimea in works by V.F. Zuyev and C.L. Hablitz: “Defect in description” 378

Igor A. Konovalov

Siberian police bureaucracy in the state apparatus of absolutism in the first half of the 19th century 400

Elena G. Balashova

New data on victims of Church persecution in the USSR in the 1920–1930s (based on the materials of the Vysokopetrovsky Monastery in Moscow) 414

Ilya S. Tryakhov

Food problem and strategies for its solution in Vladimir region during the Great Patriotic War 429

INTERNATIONAL CONTACTS AND RELATIONS OF RUSSIA

Olga V. Volosyuk

Commercial relations between Russia and Spain in the early 19th century 445

Erdenebayar Ganhuyag

Russia – Mongolia from the 1990s to 2016: On the way of strategic partnership 462

Adetokunbo Abiodun

Nigeria – Russia bilateral relations: problems and prospects 477

Уважаемые читатели!

Редакционная коллегия информирует, что журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России», сохраняя свою широкую тематическую направленность, одновременно приступает к специализации, посвященной *истории народов и регионов России*, делая основной акцент на многонациональном и поликонфессиональном составе населения страны как важнейшей особенности отечественной истории.

В рамках данной тематики редакционная коллегия приветствует исследования и дискуссионные материалы по истории формирования полиэтнической Российской государственности, по проблемам межэтнических/межнациональных отношений народов, проживавших в составе Российской империи, СССР и современной России, различным аспектам их социально-экономической, политической, этно-конфессиональной истории, контактов и связей с народами мира.

Научный интерес представляют также особенности этнического самосознания, сущность этнической идентичности, формы и способы межэтнической коммуникации народов, проживающих в различных регионах России, проблемы их интеграции в политическое и историко-культурное пространство России на протяжении всего исторического периода; закономерности и особенности этого процесса в контексте анализа природы и динамики социальных циклов в истории российского государства и общества.

Полиэтничность населения России, различия уровней развития отдельных ее народов, сложный механизм национально-государственного управления делают актуальными для изучения вышеуказанные проблемы.

В связи с этим предполагается введение следующих специальных рубрик:

- история регионов России;
- народы в составе Российской империи, СССР и РФ;
- проблемы археологии, этнографии и социальной антропологии народов России;
- история национальной политики и межконфессиональных отношений в России;
- социально-экономическая, политическая и социокультурная история регионов и народов России;
- общественно-политическая мысль народов России;
- контакты и связи народов России с народами мира;
- русский мир и миграционная политика России.

Редколлегия

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-347-363

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ РОССИИ РУБЕЖА XIX–XX вв. О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Р.А. Арсланов, А.Л. Климашин

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
ars_raf@mail.ru

В статье рассматривается отношение ряда периодических изданий России рубежа XIX–XX вв. к адаптации русских переселенцев в Средней Азии. Авторы реконструируют и анализируют взгляды публицистов на различные аспекты жизни русских колонистов, выясняют их восприятие, с одной стороны, миграционной политики государства, а с другой, адаптационных способностей переселенцев. Особое внимание уделяется освещению публицистами отношений между коренным населением и приехавшими из центральных губерний русскими крестьянами. Проведенный анализ дает возможность не только установить взгляды публицистов на миграционные процессы в России, но и выяснить общее и особенное в их восприятии колонизации Туркестана. Различия в походах служат одним из критериев определения идейно-политических направлений различных изданий.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, русские переселенцы, русская колонизация, русские колонисты, Туркестанский край

Введение

Одним из последствий присоединения Средней Азии к Российской империи стал процесс переселения крестьян из страдающих от малоземелья центральных губерний в Туркестан. Миграция в этот регион породила целый комплекс проблем, среди которых особую остроту приобрела адаптация русских переселенцев к новым условиям. Представители различных общественно-политических движений России интересовались последствиями миграционной политики государства, жизнью русских колонистов в среднеазиатском регионе, обращая особое внимание на их взаимоотношения с местным населением. От глубины понимания русскими публицистами данной проблемы, их способности донести до власти и общества ее историческое значение во многом зависело решение аграрного вопроса в самой России, будущее не только национальных окраин, но и всей империи.

Актуальность темы определяется той ролью, которую играют миграционные процессы в современном мире, остротой проблемы обустройства мигрантов в странах приема. Ирония истории заключается в том, что современная Россия принимает миграционные потоки, а выходцы из Средней Азии ищут пути адаптации к условиям жизни на среднерусской равнине. Естественно, подобная параллель достаточно условна, но опыт адаптации русских мигрантов начала XX столетия к иной социокультурной среде, как и миграционной политики государства того времени, заслуживают внимания и осмысления.

К тому же современная российская публицистика с диаметрально противоположных позиций оценивает трудовую миграцию из центральноазиатского региона. Одни издания связывают с ней сдерживание роста производительности труда, ухудшение ситуации на рынке рабочей силы, всплеск преступности, а в итоге, – отход от постиндустриальной модернизации и консервацию отсталости страны. Представляя мигрантов как угрозу социальной стабильности и национальной безопасности, они тем самым разжигают ксенофобские настроения в обществе [1; 2; 3]. Другие находят прагматический смысл в использовании труда мигрантов, подчеркивая, что они помогают не только российской экономике, но и развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве, отвечая тем самым геополитическим интересам России [4; 5; 6].

Изучение различий в публицистических трактовках миграции дает возможность, как и применительно к началу XX в., определить характер тех или иных изданий, раскрыть сущность их идеологических дискурсов.

Актуальность теме придает и тот факт, что в учебной литературе современных республик Средней Азии широкое распространение получил тезис о колониальной природе господства России, а затем СССР в регионе, о грабеже его ресурсов, чрезмерной эксплуатации населения, подавлении национально-освободительных движений и пр. Создание современными элитами стран Центральной Азии негативного образа России в целом и искаженного представления о русской колонизации в частности преследуют цель объяснить причины нынешних социальных бед и экономической отсталости бывших имперских провинций результатами их колониального прошлого, а не собственными ошибками и коррупцией [7]. Обращение к теме статьи позволит развеять создаваемые на волне русофобии мифы, показать подлинный вклад русских поселенцев в развитие Средней Азии.

В целом, обращение к русским периодическим изданиям позволит проанализировать особенности восприятия представителями различных общественно-политических движений России социальной и культурной составляющей жизни русских переселенцев в Туркестане на рубеже XIX – начала XX в., определить глубину их осмысления проблем миграции.

Изучение поставленной проблемы требует, прежде всего, обратиться к работам, посвященным процессу русской колонизации и освоения Туркестана [8–11]. Среди них особенного внимания заслуживают труды, в кото-

рых рассматривались особенности адаптации русских мигрантов в регионе, их связи с местным населением [12–14]. Авторы статьи обращались и к исследованиям истории тех периодических изданий, в которых затрагивалась политика России в Средней Азии [15–18].

Вместе с тем отражение миграции в российской публицистике начала XX в. не получило должного освещения в современной историографии.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе интерпретаций рядом периодических изданий процесса адаптации русских переселенцев к условиям Центральной Азии конца XIX – начала XX в.

В задачи статьи входят: реконструкция и осмысление взглядов публицистов различных журналов на содержание и значение процесса обустройства русских мигрантов в регионе; определение идейно-политического содержания их видения миграционной политики центра в имперских окраинах; установление степени объективности и глубины понимания проблем, возникавших у переселенцев на новых местах проживания.

Либеральные издания

В пореформенной России ведущим органом либерального общественного движения страны являлся журнал «Вестник Европы». Периодически на его страницах затрагивались и проблемы русской колонизации Средней Азии. При этом обращалось внимание на поверхностность и даже предвзятость суждений представителей образованного общества о жизни переселенцев. Так, по словам специалиста по вопросам сельского хозяйства Туркестанского края Н.А. Дингельштедта, «больше всего ... пишут о невообразимо жалком их положении, упрекают их в бродяжничестве и склонности к постоянной перемене мест, нередко не щадя красок, рисуют их тунеядство, лень и безделье и особенно корят их за любовь к получению от начальства денежных пособий...» [19, с. 237].

Отмечая незнание столичным бомондом подлинных условий жизни колонистов, автор, будучи помощником военного губернатора Сыр-Дарьинской области генерала Н.И. Гродекова и наблюдавший за местными порядками изнутри, подробно описал положение дел в нескольких русских поселках. Например, посетив Покровское, он отметил, что «по внешности селение это очень благоустроенное, дома чистенькие, глинобитные, на манер малороссийских хат, но с русскими покатыми соломенными крышами; главная улица прямая, очень широкая, дворы очень большие, и во внешности их можно было заметить только один изъян: многие дворы не огорожены. Отсутствие кабака много способствовало быстрому и мирному развитию поселка...». Автор подчеркнул также наличие школы в поселении и грамотность проживавших там детей [19, с. 241].

Весьма высоко Дингельштедт оценивал и положение дел в других поселках. Так, по его словам, в Дмитровском живет «народ красивый, здоровый, НАРОДЫ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

довольный. Каждый год свадьбы; девки и парни все свои, и искать невест на стороне почти не приходится. Среди селения построено казною хорошее кирпичное здание – училище, которое служит местом общественной молитвы» [19, с. 242].

В конце статьи автор приходит к выводу, что первый опыт колонизации Туркестана прошел успешно. Он полагает, что в основной массе переселенцы, несмотря на все те трудности, которые им довелось испытать на новых местах, успешно адаптировались к жизни в Средней Азии. Кроме того, освобождение колонистов от государственных повинностей, получение ими денежного пособия, богатство урожая в Туркестане – все это, по мнению публициста, создавало не только благодатные условия, но и дополнительные стимулы для дальнейшей колонизации края. Свои заключения он подкреплял статистическими данными, отражающими, например, достаточную обеспеченность поселенцев крупным и мелким рогатым скотом [19, с. 255].

Таким образом, основными критериями успешной адаптации мигрантов публицист считал их материальный достаток, благоустроенность поселков, строительство школ и училищ.

Вместе с тем, отмечая положительные стороны обустройства русских переселенцев, Дингельштедт заключал, что успех колонизации всецело зависел от действий правительства, которое на данный момент не выработало ни политические, ни экономические меры по освоению региона. В итоге публицист, несколько противореча содержанию своей статьи, утверждал, что «... все дело предоставлено скорее случайности и доброй воле охотников ехать в далекий Туркестан и там искать счастья» [19, с. 253].

В духе, свойственном государственным либералам, автор возлагал именно на правительство решение основных задач по освоению края. При этом он высоко оценивал адаптационные способности русского крестьянства, не затрагивая, правда, проблем личной инициативы переселенцев и их отношений с местным населением.

Знаменитый исследователь Сибири и Центральной Азии Н.М. Ядринцев предлагал создать специальные конторы, которые «могли бы заведовать благоустройством поселков и деревень», возводимыми переселенцами [20, с. 825]. Подобного рода учреждения предоставляли бы информацию о свободных для заселения территориях и выдавали бы ссуду на несколько лет. «Такие ссуды и такой кредит прекратит блуждание переселенцев и предупредит нищенство, бродяжничество и батрачество у местного населения, ... положит конец тем недоимкам, которые накапливаются год от года, ... и которые служат признаком ненормального положения переселенцев» [20, с. 825].

В предложении публициста, как мы видим, содержалась идея создания местного органа управления, одной из задач которого стало бы решение проблем, возникавших в отношениях между переселенцами и местным населением. Целью же его плана являлось обеспечение условий для мирного укоренения мигрантов в регионе.

Автор либеральной «Русской мысли» Г.В. Тарновский в своей статье остановился на трудностях, стоявших на пути адаптации переселенцев. Их обустройству мешали жаркий климат, незнакомая и враждебная обстановка, отсутствие со стороны правительства крупной материальной помощи [21, с. 36]. В итоге русское население, занимавшееся мелкой торговлей и различными ремеслами, не выдерживало конкуренции со стороны персов, армян, грузин, татар. Причина, по мнению автора, заключалась в том, что местные народы были более сплоченные между собой, давно адаптировались к климату и жизненным условиям края [21, с. 37].

Вместе с тем публицист обратил внимание на то, что успешнее всех из переселенцев в Закаспийском крае адаптировались рыбаки, проживавшие в основном на Мангышлакском побережье. «В станице Николаевской, – писал он, – есть церковь и двухклассное училище, при котором в 1892 году открыты учебные лодочно-плотничная и кузнечная мастерская» [21, с. 38, 39]. Вместе с тем Тарновский утверждал, что переселенческого пособия в размере 100 рублей на семью не хватает, чтобы покрыть расходы, связанные с устройством колонистов на новых землях [21, с. 39–40].

Таким образом, либеральные издания с прагматических позиций рассматривали процесс адаптации русских колонистов. Ее успешность связывалась, прежде всего, с результатами хозяйственной деятельности, установлением экономических связей с местным населением, строительством школ, церквей и мастерских. В этом либеральные авторы видели, вероятнее всего, социально-экономическую и духовную основы укоренения русских людей. Сходились публицисты и в оценке деятельности правительства по оказанию помощи переселенцам. В целом она представлялась авторам различных либеральных изданий недостаточной и малоэффективной. Как ни парадоксально, но они практически не затрагивали проблему личной инициативы переселенцев, их правового положения, а также отношений с местным населением. Вероятно, в конце XIX в. они еще не получили той остроты, которая возникнет позднее в связи с ростом миграции, изъятием части пастбищ и участков у коренного населения и возникавшими в связи с этим спорами между прибывшими крестьянами и «туземцами».

Народническая публицистика

Народнические публицисты рассматривали переселение в Азиатскую Россию, прежде всего, как одно из средств «восстановления крестьянского хозяйства» центральных губерний, призванное его спасти от малоземелья и разрушения общины. При этом они, изучая жизнь русских колонистов, выясняли, насколько успешно они обустроивались на новом месте. Например, народник-экономист К.Р. Качоровский, оказавшийся в ссылке в Степном крае, на основании статистических материалов писал о «высоком благосостоянии новоселов в Семиреченской области». Одним из свидетельств успешной

адаптации было, по мнению экономиста-аграрника, незначительное количество обратных переселенцев, составлявшее не более 6% от всех приехавших в Азиатскую Россию. При этом чаще всего отъезд вызывался не экономическими факторами, а тем, что «русский мужик не сумел приспособиться к новым, хотя и очень благоприятным условиям. ... И его может пугать непривычная природа, чуждый склад жизни, одиночество, и его может гнать домой тоска по родным и родине. ... удивительно, что их бежит так мало» [22, с. 70, 73].

Народнический публицист отмечал высокие культурно-экономические результаты, достигнутые переселенцами, то благоприятное воздействие, которое они оказывали на хозяйственную деятельность местного населения. Эти успехи, по его мнению, служили свидетельством того, «...чего может достигнуть русский мужик, когда дорвется до вольной земли» [22, с. 77]. Основную же причину успешного укоренения русских мигрантов К.Р. Качоровский видел в их «хозяйственной самостоятельности», под которой он подразумевал прежде всего отсутствие экономической зависимости от помещиков и рынка.

Вместе с тем экономист-народник полагал, что продолжение колонизации может ухудшить условия жизни переселенцев, порождая, например, нехватку земельных наделов, снижение оплаты труда и, соответственно, падение зарплат. Выход из положения он в народническом духе видел, прежде всего, в сохранении крестьянской общины наряду с уменьшением налогов и повышением земледельческой культуры. По его словам, крестьянское хозяйство переселенцев «лишь при общинном землевладении может быть устойчивым». Однако все большую угрозу ему нес «индивидуалистический порядок», который приобрел себе теперь «...цивилизованную союзницу в лице “свободной конкуренции”, движущей торговым и промышленным капиталом» [22, с. 79, 80].

Таким образом, основное условие адаптации русских мигрантов для народнического публициста заключалось в укреплении среди них общинных порядков. Развитие же индивидуального хозяйства и рыночной конкуренции несло угрозу существованию общины, а в итоге, если следовать его логике, и делу укоренения русских крестьян в новых для них местах.

Следует подчеркнуть, что в переселенцах он видел носителей прогресса, способных коренным образом улучшить условия жизни местного населения. Констатируя недостатки переселенческой политики центра, он отмечал, что во многом от правительства зависит экономическая эволюция региона.

В народническом журнале «Северный Вестник» историк и этнограф, бывший народоволец, а ныне ведущий статистик Туркестанского края И.И. Гейер особое внимание обращал на положение прибывших в Сыр-Дарьинскую область русских крестьян. Он отметил, что переселенцы долгое время кочевали по региону в поисках лучшего места для обустройства. При этом его волновало, прежде всего, не материальное положение приехавших крестьян, а их культурное развитие. Так, высоко оценивая хозяйственное состояние села Александровки, где русские крестьяне занялись земледелием, отмечая их ма-

териальный достаток, автор с горечью констатировал отсутствие у них стремления улучшить свой быт, внедрить нормы цивилизованной жизни. По его словам, у колонистов «...как бы анестезировались свойственные культурному человеку потребности удобства и опрятности, и реставрация культурного самочувствия в среде таких переселенцев совершается очень медленно» [23, с. 11].

Гейер объяснял обнаруженный им феномен воздействием целого комплекса факторов: сложными отношениями с «туземцами» и невозможностью перенять их опыт в условиях сохранявшейся на то время «межнациональной вражды», незнанием местных языков. В духе народнической традиции он отмечал и такую проблему в жизни крестьян, как отсутствие помощи со стороны местной русской интеллигенции, оказавшейся просто некомпетентной в вопросах ирригации и сельского хозяйства [23, с. 14].

Публицист журнала «Русское богатство» А.В. Белевский остановился на проблемах, с которыми столкнулись переселенцы в Акмолинской и Семипалатинской областях. По его мнению, правительство, пытаясь создать условия для их адаптации, организовало строительство школ и церквей на земельных участках, принадлежащих инородцам. В результате это вызвало недовольство со стороны «туземцев», т.к. такие действия противоречат традициям кочевников и негативно влияют на их экономическое положение. «Изгнанные хозяева земли мстят пришельцам повальным воровством скота и потравами, и жизнь новоселов становится до крайности тяжела» [24, с. 16].

Автор пришел к выводу о необходимости предоставления большей свободы действий переселенцам и организации их жизни согласно традициям русского крестьянства. Иными словами, А.В. Белевский надеялся на то, что воссозданная переселенцами крестьянская община станет лучшим средством адаптации крестьян к новым условиям. Кстати, еще в своих работах 1880-х гг. он демонстрировал приверженность сельской общине, доказывая, что ее существование вытекало из характера крестьянского землепользования и хозяйственных условий России [25, с. 161].

В журнале «Русское богатство» автор под псевдонимом Сандра¹ рассмотрел жизнь уральских казаков в Средней Азии. Публицист отметил их успешную адаптацию, которой немало способствовало уважительное отношение к традициям, забота об образовании детей, сохранение культурных связей с Уралом [26, с. 28].

Как мы видим, для публицистов народнических изданий русские переселенцы представляли собой, прежде всего, часть русского крестьянского мира. Их обустройство воспринималось сквозь призму народнической идеологии, предполагавшей сохранение общинного быта, культурных традиций, обеспечение образования для подрастающего поколения. Более того, И.И. Гейер об-

¹ Тавастштерн Александр Вильгельмович. См. о нем: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1958. Т. 3. С. 96.

ратил внимание на то, что переселенцам недостает поддержки интеллигенции, призванной не только поднять культурный уровень мигрантов, помочь им вести хозяйство в новых условиях, но и наладить отношения с местным населением. Народников волновали возможные последствия втягивания переселенческих хозяйств в рыночные отношения, в которых, например, К.Р. Качоровский видел угрозу не только общинным порядкам, но и их благосостоянию. Народнические публицисты уделяли внимание и нарастающему противоречий мигрантов с местным населением, предлагали мирным путем с учетом взаимных интересов решать земельные споры.

Консервативные и официальные издания

Консервативные издания при рассмотрении различных аспектов миграции старались придерживаться официальной позиции, выступая, прежде всего, против самовольного переселения. Нерегулируемые перемещения крестьян из центральных губерний в Туркестан могли привести к их столкновениям с местным населением, требовали дополнительных и нежелательных финансовых затрат. В итоге же они подрывали политическую стабильность в регионе и несли угрозу имперским замыслам правительства.

Один из авторов «Русского вестника», писавший под псевдонимом А. Иванов¹, защищая интересы переселенцев в Средней Азии, весьма критично оценивал действия местной администрации по их обустройству. Беспокойло же публициста, прежде всего, отсутствие в большинстве поселков церквей и священников, что, по его мнению, могло привести к утрате переселенцами религиозного мировоззрения и традиций, а главное, – их способности культурного воздействия на местное население. Более того, автор полагал, что при таком ходе событий второе поколение колонистов «примет образ жизни, одежду и язык туземцев, что мы видим в Сибири» [27, с. 179]. К тому же, по его мнению, плачевное состояние церквей на фоне мечетей подрывало авторитет русской администрации, оскорбляло чувства православных.

Представляется, что публициста волновала, прежде всего, возможность утраты русскими переселенцами «ассимиляционной силы», т.е. того привлекательного для местных жителей образа, создаваемого хозяйственными успехами, доброжелательностью и готовностью русских оказать им помощь, приверженностью вере и культурным традициям. Именно благодаря этим качествам русские переселенцы веками воздействовали на жителей осваиваемых ими регионов, вовлекая их в орбиту православной цивилизации. По мнению же публициста, оказавшись в среднеазиатском мусульманском регионе, они не только теряли способность ассимилировать «инородцев», но сами

¹ Настоящее имя, скорее всего, Потапов Александр Иванович. См. о нем: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 426.

могли оказаться под их влиянием. В конечном счете такое развитие событий ставило под угрозу интересы государства, наносило ущерб имперским планам центральной власти и даже могло привести к утрате недавно завоеванного края.

Вот почему в качестве первоочередной автор ставил перед государством задачу финансирования строительства церквей, а не оказания материальной поддержки самим переселенцам [27, с. 182]. Кроме того, их непосредственное финансирование могло привлечь нелегальных мигрантов, чего, как уже отмечалось, и опасались власти на местах и в центре.

Консервативно настроенный автор отмечал и ряд факторов, препятствующих адаптации колонистов к новым условиям: отсутствие личной инициативы и трудолюбия, пьянство и бродяжничество [27, с. 185].

С другой стороны, он отмечал необходимость открытия учебных заведений с различным профессиональным уклоном, технических школ и реальных училищ, что отвечало потребностям не только экономического развития края, но и прибывающих сюда русских людей [27, с. 185].

А. Иванов призывал переселенцев осваивать неизвестные ранее виды хозяйства, а также перенимать сельскохозяйственный опыт у местного населения. Сейчас же переселенцы, по его словам, «... смотрят какими-то сиротами, требующими опеки, без которой не могут обойтись, и нигде не слышали мы, чтобы они находили себя довольными и счастливыми в своем новом положении. Нигде веселых лиц и речей. Никто из них не пустил корней в новую почву, на которой сел. Все сейчас же готовы сняться с якоря и двинуться в новые страны, где по их понятиям, чуть ли не текут молочные реки в кисельных берегах» [28, с. 237]. Все это мешало укоренению переселенцев, создавало условия для «возвратной миграции», что, в конечном счете, наносило ущерб государственным интересам не только на имперских окраинах, но и в центре, обостряя здесь проблему малоземелья и безработицы, приводя в итоге к росту социальной напряженности в стране.

Публицист отмечал, что болезни, тяжелые климатические условия, долгие скитания в поисках пригодных для проживания земель истощают финансовые средства и физические силы переселенцев, подрывают моральный дух людей. С другой стороны, он приводил в качестве примера успешных переселенцев русских раскольников, которых сравнивал с североамериканскими колонистами. По его словам, «...наши раскольники устраивают свои образцовые поселения не только в своем отечестве, но и даже и в немецких и в мусульманских странах. Вот каковы должны быть переселенцы!» [28, с. 239]. При этом А. Иванов подчеркивал, что старообрядцы отличаются более предприимчивым характером, у них развит дух солидарности, что и дает им возможность самостоятельно приспособиться к среднеазиатским условиям, не требуя помощи со стороны государства.

Автор, исходя из своего понимания целей и задач колонизации Туркестана, предложил ряд мер по обустройству мигрантов. Прежде всего, он указал

на необходимость открывать в каждом поселении хотя бы небольшие церкви, расположенные не более чем в 20 верстах друг от друга. Безопасность русских поселений, а также их защиту от влияний «иноверцев» предполагалось обеспечить за счет их компактного расположения. Кроме того, публицист считал необходимым создать учреждение, которое помогало бы колонистам адаптироваться к условиям жизни в среднеазиатском регионе. При этом, настаивая на необходимости поддержки переселенцев со стороны правительства, автор уточнял, что они не нуждаются в мелочной опеке, что с ними не следовало «... нянчиться как с малым ребенком, как делают некоторые сентиментальные и недальновидные администраторы...» [28, с. 243, 244].

Чрезмерная поддержка переселенцев со стороны государства, согласно логике публициста, не только требовало значительных финансовых затрат, но и могла помешать им адаптироваться к новым условиям.

Официальный орган Переселенческого управления – «Вопросы колонизации», как и «Русский вестник», прежде всего, искал пути укрепления положения России в Средней Азии, считая, что здесь свою роль должны сыграть ассимиляционные качества русских крестьян. Вот почему его авторы обосновывали необходимость сближения переселенцев с местными народами, развитие межкультурной коммуникации и хозяйственных связей, в основе которых должны были лежать экономические успехи колонистов.

Так, по мнению П.П. Румянцева, во многом благодаря тому, что русское население региона многочисленно и зажиточно, коренные народы в целом лояльны России [29, с. 216].

Г. Логанова, подготовившего объемную статью «Россия в Средней Азии», волновали различные проблемы, связанные с колонизацией Туркестана. В первую очередь он отмечал экономическую отсталость региона, вызванную во многом тем, что далеко не в полной мере использовались его природные богатства. Экономическая неразвитость в свою очередь препятствовала росту материального достатка русских переселенцев, а следовательно, мешала их укоренению в регионе. По мнению автора, «добывание и переработка этих горных богатств могли бы дать и летом и зимой громадные заработки массам русского народа, но неопределенность прав на землю затрудняет и парализует развитие горного дела». Вот почему Г. Логанов выступал за урегулирование земельных отношений и совершенствование Туркестанского земельного положения, что, по его мнению, дало бы возможность местной администрации использовать земельный фонд в интересах развития горной промышленности и переселенцев [30, с. 14–15].

К тому же экономическое развитие Туркестана должно было бы сократить государственные расходы на его содержание, которые, по подсчетам Г. Логанова, превышали доходы, получаемые из региона [30, с. 17].

Но особенно автора официального органа беспокоила проблема обеспечения безопасности региона. Он доказывал, что «на границах нам нужен не кордон, а надежная база – людской массив. Устроить себе такую базу есть

насушная задача настоящего времени» [30, с. 63]. В итоге укрепление позиций империи в регионе, защиту ее границ Г. Логанов связывал с увеличением численности проживающего здесь русского населения, его экономическими успехами, а следовательно, с успешной адаптацией, которая, согласно логике публициста, и создавала условия для ассимиляции местного населения и «обеспечения безопасности на этой окраине государства» [30, с. 76].

Таким образом, консервативные и официальные издания рассматривали жизнь русских переселенцев прежде всего под углом зрения государственного интереса, укрепления позиций империи в Средней Азии. Обращали они внимание и на ассимиляционные способности прибывших в регион русских людей, которые ранее во многом и помогали государству утвердиться на новых землях.

Выводы

Анализ материалов периодических изданий, отражавших позиции основных общественно-политических движений России конца XIX – начала XX в., показал, что в отношении к адаптации русских переселенцев в Средней Азии их взгляды не только различались, но и в некоторых аспектах совпадали. Практически большинство авторов отмечало, что обустройство мигрантов во многом зависело от политики правительства, которой не хватало гибкости и дальновидности, учета особенностей отдельных территорий региона. Их объединяло и понимание проблемы выстраивания отношений с местными народами, хотя конкретные предложения по их развитию во многом определялись позициями, разделяемыми тем или иным изданием. Все они являлись сторонниками колонизации региона, выступали за укоренение переселенцев, поддерживали с незначительными оговорками имперскую политику правительства.

Для либеральных публицистов был характерен интерес к материальным условиям жизни русских мигрантов, а основным критерием успешной адаптации служил достигнутый ими уровень благополучия. В частности, отмечалось наличие в русских поселениях школ и церквей, установление хозяйственных связей с местным населением, вовлеченность в рыночные отношения. Вместе с тем описательный характер материалов о колонистах, публикация в либеральных изданиях статей народнических авторов, отсутствие специального внимания к складывавшимся внутри переселенческого сообщества отношениям затрудняет проведение идеологической идентификации их «колониционной парадигмы».

Народнические издания рассматривали мигрантов как часть крестьянского мира России. Их волновало, прежде всего, существование у колонистов общины, в которой они видели эффективное средство адаптации, противостоящее разлагающему крестьянское хозяйство воздействию рыночных отношений, сохраняющее культуру и моральные качества русского человека.

Вероятно, в этом они видели и залог выстраивания справедливых отношений с местным населением.

Для консервативных и официальных изданий актуальной являлась проблема взаимодействия между русскими переселенцами и представителями местных народов, рассматриваемая ими сквозь призму обеспечения безопасности региона и интересов государства. Вот почему особое внимание они уделяли сохранению ассимиляционных качеств русского народа, опасались, что в мусульманском окружении они могут быть утрачены. С другой стороны, консервативные авторы возлагали особые надежды на политику правительства, призванную, по их мнению, помочь переселенцам адаптироваться к новым условиям.

Однако представляется, что идеологические различия изданий отступали перед патриотическими настроениями и надеждами на выполнение русским народом своей цивилизаторской миссии в Средней Азии.

© Арсланов Р.А., Климашин А.Л., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Миронов Н.* Мигранты переделывают Москву на свой лад // Комсомольская правда, 11 августа 2011.
- [2] *Стешин Дм.* Мигрант крепкий пошел – в московском котле не плавится... Интервью с М. Ремизовым // Комсомольская правда, 26 мая 2016.
- [3] *Лукьянов А.* Жители Узбекистана корреспонденту КП: нелегальных мигрантов отправляйте обратно // Комсомольская правда 14 декабря 2016.
- [4] *Рязанцев С.* Переселение народов в национальных интересах // Независимая газета, 27 февраля 2007.
- [5] *Вшивневский А.* Человеческий капитал: качество без количества? // Независимая газета, 24 декабря 2013.
- [6] *Трифонова Е.* Мигрантов предложили отдать минтруду (Общественность требует от властей гуманизма к приезжим) // Независимая газета, 2 июня 2016.
- [7] Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. М.: Государственный Клуб, 2009.
- [8] *Бартенева И.Ю.* Переселенческое движение в Кыргызстан. Дис. ...канд. ист. наук. Бишкек, 2010.
- [9] *Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевание и преобразования. Ч. 2. Устроение края. М.: Центрполиграф, 2010.
- [10] *Литвинов П.П.* Государственно-религиозные и этноконфессиональные отношения в Туркестане, 1865–1917 гг. По арх. материалам. Дис. ... док. ист. наук. Москва, 1997.
- [11] *Фомченко А.П.* Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент: Госиздат УзССР, 1958.
- [12] *Брежнева С.Н.* Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Том 37. Выпуск № 1 (222). С. 112–118.

- [13] *Лурье С.* Особенности русской колонизации в Средней Азии. URL: <http://kungrad.com/history/st/ruskolon> (Дата обращения: 26.12. 2016).
- [14] *Сорока Н.Н.* Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX в. Дис... канд. ист. наук. Омск, 2009.
- [15] *Васильева Т.А.* Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916 гг.). Дис... канд. историч. наук. М., 1988.
- [16] *Гапоненков А.А.* Журнал «Русская мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа. Литературно-философский контекст. Издательство Саратовского университета, 2004.
- [17] *Куприяновский П.В.* «Оглядываясь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж. Изд. полиграф. Фирма «Воронеж», 2009. 200 с.
- [18] *Никитина М.А.* «Вестник Европы» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. С. 4–43.
- [19] *Дингельштедт Н.А.* Наша колонизация Средней Азии // Вестник Европы. 1892. № 11. С. 231–257.
- [20] *Ядринцев Н.М.* Десятилетие переселенческого дела // Вестник Европы. 1891. № 8. С. 790–826.
- [21] *Тарновский Г.В.* Русские поселения в Закаспийском крае // Русская мысль. 1895. № 5. С. 36–49.
- [22] *Качоровский К.Р.* Крестьянское хозяйство и переселение // Русская мысль. 1894. № 6. С. 60–81.
- [23] *Гейер И.* Переселенцы в Туркестане // Северный вестник. 1893. № 7. Отд. 2. С. 1–22.
- [24] *Белевский А.В.* К переселенческому вопросу // Русское богатство. 1904. № 8. С. 1–20.
- [25] *Белевский А.* Сельскохозяйственные основания общинного землевладения и землепользования // Юридический вестник. 1888. № 9. С. 77–91.
- [26] *Сандра.* Уральцы в Туркестанском крае // Русское богатство. 1905. № 6. С. 1–35.
- [27] *Иванов А.* Одна из наших окраин // Русский вестник. 1889. № 11. С. 159–199.
- [28] *Иванов А.* Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1890. № 11. С. 226–244.
- [29] *Румянцев П.* Условия колонизации Семиречья // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 191–224.
- [30] *Логанов Г.* Россия в Средней Азии // Вопросы колонизации. 1909. № 4. С. 1–76.

История статьи:

Поступила в редакцию: 18 января 2017 г.

Принята к печати: 22 июня 2017 г.

Для цитирования:

Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Сред-

ней Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 347–363. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-347-363.

Об авторах:

Арсланов Рафаэль Амирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, РФ;

Климашин Алексей Львович – аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов (РУДН), Москва, РФ.

**RUSSIAN PERIODICALS AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES
ON RUSSIAN MIGRANTS' SOCIOCULTURAL ADAPTATION
IN CENTRAL ASIA**

R.A. Arslanov, A.L. Klimashin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Mikloukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
ars_raf@mail.ru

In the Russian historiography, the views of the publicists of the early 20th century of the Russian colonists' life in Central Asia aren't duly highlighted. The novelty and aim of the research consist in revealing the general and particular in the Russian periodicals' perception of the colonization of Turkestan, in determining their ideological bent.

The authors have discovered that all the reviewed periodicals were adherents of Central Asia colonization. They supported the imperial policy of the government with minor reservations. Most publicists noted that the settling of colonists depended on the actions of the central government, which insufficiently took into account the local conditions. However, publicists differed in the choice of the main direction and in the assessments of the value of colonists' adaptation activity; they proposed various ways of developing the intercultural dialogue.

The authors come to the conclusions that liberal periodicals paid special attention to the economic activities of Russian immigrants, assessing the degree of their adaptation by the level of well-being achieved. The Narodnik periodicals considered migrants as a part of the peasant world of Russia. They were concerned, above all, about the colonists' community, which they considered an effective means of adaptation, preserving the culture and moral qualities of the Russians. Probably, they considered it a pledge of building fair relations with the local population. Conservative and official publicists viewed Russian immigrants primarily as support of the Russian government in Central Asia. That is why they paid special attention to the preservation of assimilation qualities of the Russians, the loss of which could become, in their view, an obstacle to the strengthening of the empire positions in the region.

Key words: Adaptation, Russian settlers, Russian colonization, Russian colonists, Turkestan region

REFERENCES

- [1] Mironov N. Migranty peredelyvayut Moskvu na svoi lad [Migrants remake Moscow in their own way]. *Komsomol'skaya pravda*, 11 August 2011 (in Russian).
- [2] Steshin Dm. Migrant krepkii poshel – v moskovskom kotle ne plavitsya... Interv'yu s M. Remizovym [Migrant strong went – in the Moscow boiler does not melt... Interview with M. Remizov]. *Komsomol'skaya pravda*, 26 May 2016 (in Russian).
- [3] Luk'yanov A. Zhiteli Uzbekistana korrespondentu KP: nelegal'nykh migrantov otpravlyajte obratno [Residents of Uzbekistan to the KP correspondent: of illegal migrants send back] *Komsomol'skaya pravda*, 14 December 2016 (in Russian).
- [4] Ryazantsev S. Pereselenie narodov v natsional'nykh interesakh [Resettlement of peoples in national interests]. *Nezavisimaya gazeta (NG)*, 27 February 2007 (in Russian).
- [5] Vishnevskii A. Chelovecheskii kapital: kachestvo bez kolichestva? [Human capital: quality without quantity]. *Nezavisimaya gazeta (NG)*, 24 December 2013 (in Russian).
- [6] Trifonova E. Migrantov predlozhili otdat' mintrudu (Obshestvennost' trebuet ot vlastei gumanizma k priezzhim) [Migrants were offered to give up the Ministry of Labor (The public demands from the authorities of humanism to visitors)]. *Nezavisimaya gazeta (NG)*, 2 July 2016 (in Russian).
- [7] Danilov AA, Philippov AV, editors. *Osveshchenie obshchei istorii Rossii i narodov post-sovetskikh stran v shkol'nykh uchebnikakh istorii novykh nezavisimyykh gosudarstv* [Coverage of the general history of Russia and the peoples of the post-Soviet countries in school textbooks of the history of the new independent states]. Moscow: Gosudarstvennyi Klub Publ.; 2009 (in Russian).
- [8] Barteneva IYu. *Pereselencheskoe dvizhenie v Kyrgyzstan. Dis. ... kand. ist. nauk* [Resettlement movement in Kyrgyzstan.: PhD thesis]. Bishkek; 2010 (in Russian).
- [9] Glushchenko E.A. *Rossiya v SredneiAzii. Zavoevanie i preobrazovaniya. Ch. 2. Ustroeniekraya* [Russia in Central Asia. Conquest and transformation. Part 2. Edge arrangement]. Moscow: Centrpoligraf Publ.; 2010 (in Russian).
- [10] Litvinov PP. *Gosudarstvenno-religioznyie i etnokonfessionalnyie otnosheniya v Turkestane, 1865–1917 gg. : po arh. materialam. Dis. ... dok. ist. nauk* [State-religious and ethno-confessional relations in Turkestan, 1865–1917.: According to the arch. materials.: PhD thesis]. Moscow; 1997 (in Russian).
- [11] Fomchenko AP. *Russkie poseleniya v Bukharskom emirate* [Russian settlements in the Bukhara emirate]. Tashkent; 1958 (in Russian).
- [12] Brezhneva SN. Russkie pereselentsy v Turkestane: problemy vzaimootnosheniya s mestnym naseleniem [Russian settlers in Turkestan: problems of relationship with the local population]. *Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political science*. 2016; 37(1): 112–118 (in Russian).
- [13] Lur'e S. *Osobennosti russkoj kolonizatsii v Srednej Azii* [Features of Russian colonization in Central Asia]. URL: <http://kungrad.com/history/st/ruskolon> (Date of access: 26 December 2016) (in Russian).
- [14] Soroka NN. *Krest'yanskie pereseleniya i ikh vliyanie na ekonomiku kazakhskogo kochevogo aula Stepnogo kraja vtoroi poloviny XIX–nachala XX v. Dis... kand. ist. nauk* [Peasant resettlements and their influence on the economy of the Kazakh nomadic aul of the Steppe territory of the second half of the 19th – early 20th centuries.: PhD thesis]. Omsk; 2009 (in Russian).

- [15] Vasil'eva TA. *Zhurnal «Russkoe bogatstvo» i ideino-politicheskaya evolyutsiya narodnichestva (1876–1916 gg.). Dis.... kand. istorich. nauk* [The magazine «Russkoye Bogatstvo» and the ideological and political evolution of populism.: PhD thesis]. Moscow; 1988 (in Russian).
- [16] Gaponenkov AA. *Zhurnal «Russkaya mysl'» 1907–1918 gg. Redaktsionnaya programma. Literaturno-filosofski ikontekst* [The journal “Russkaya mysl” in 1907–1918. Editorial program. Literary and philosophical context]. Izdatel'stvo Saratovskogo Universiteta.; 2004 (in Russian).
- [17] Kupriyanovskii PV. «Oglyadyvayas' naproshloe...»: zhurnal «Severnyvestnik» 1890-kh godov i ego literaturnaya pozitsiya [«Looking back at the past ...»: the magazine” Severny Vestnik “of the 1890s and his literary position]. Voronezh: Voronezh Publ.; 2009 (in Russian).
- [18] Nikitina MA. «Vestnik Evropy» Literaturnyi protsess i russkaya zhurnalistika kontsa XIX nachala XX veka. 1890–1904. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniya [«Herald of Europe». Literary process and Russian journalism of the late XIX beginning of the XX century. 1890–1904. Bourgeois liberal and modernist publications]. Moscow: Nauka Publ.; 1982, pp. 4–43 (in Russian).
- [19] Dingel'shtedt NA. Nasha kolonizatsiya Srednei Azii [Our colonization of Central Asia]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1892; (11): 231–257 (in Russian).
- [20] Yadrintsev NM. Desyatiletie pereselencheskogo dela [Decade of the resettlement]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1891; (8): 790–826 (in Russian).
- [21] Tarnovskii GV. Russkie poseleniya v Zakaspiiskom krae [Russian settlements in the Caspian territory]. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1895; (5): 36–49 (in Russian).
- [22] Kachorovskii KR. Krest'yanskoe khozyaistvo i pereselenie [Peasant farming and resettlement]. *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1894; (6): 60–81 (in Russian).
- [23] Geier I. Pereselentsy v Turkestane [Settlers in Turkestan]. *Severnyi vestnik* [Northern herald]. 1893; (7): 2: 1–22 (in Russian).
- [24] Belevskii AV. K pereselencheskomu voprosu [A resettlement issue]. *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth]. 1904; (8): 1–20 (in Russian).
- [25] Belevskii A. Sel'skokhozyaistvennye osnovaniya obshchinnogo zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya [Agricultural foundations of communal land tenure and land-use]. *Yuridicheskii vestnik*. [Law Herald] 1888; (9): 77–91 (in Russian).
- [26] Sandra, Ural'tsy v Turkestanskom krae [Ural settlers in the Turkestan territory]. *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth]. 1905; (6): 1–35 (in Russian).
- [27] Ivanov A. Odnaz iz nashikh okrain [One of our borderlands]. *Russkii vestnik* [Russian herald]. 1889; (11): 159–199 (in Russian).
- [28] Ivanov A. Russkaya kolonizatsiya v Turkestanskom krae [Russian colonization in the Turkestan]. *Russkii vestnik* [Russian herald]. 1890; (11): 226–244 (in Russian).
- [29] Rumyantsev P. Usloviya kolonizatsii Semirech'ya [The conditions of colonization of the Semirechie]. *Voprosy kolonizatsii* [Colonization issues]. 1911; (9): 191–224 (in Russian).
- [30] Loganov G. Rossiya v Srednei Azii [Russia in Central Asia]. *Voprosy kolonizatsii* [Colonization issues]. 1909; (4): 1–76 (in Russian).

Article history:

Received: 18 January 2017

Accepted: 22 June 2017

For citations:

Rafael' A. Arslanov, Alexey L. Klimashin, Periodicals in Russia at the turn of the 19th–20th centuries on russian migrants' sociocultural adaptation in Central Asia. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 347–363. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-347-363.

About the authors:

Rafael' A. Arslanov, Dr. in History, Professor of the Department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia;

Alexey L. Klimashin, graduate student of the Department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-364-377

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РККА НЕРУССКИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920-Е – 1941 ГГ.)

А.Ю. Безугольный

Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба ВС РФ
119330, Россия, Москва, Университетский пр-т, 14
besu111@yandex.ru

В статье рассматривается проблема низкого уровня владения русским языком красноармейцами из союзных и автономных республик СССР, массово поступавшими на укомплектование частей Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) накануне войны. насыщение этим контингентом приграничных военных округов существенно сказывалось на боеспособности воинских частей, поскольку затрудняло обучение личного состава. Экстренные меры, предпринятые правительством и военным командованием в предвоенные годы, оказались малоэффективными из-за выявившейся сложности и масштабности проблемы, что не могло не сказаться на боеспособности войск в первый период Великой Отечественной войны и потребовало крупных организационных изменений в военном строительстве, в частности, возврата к мононациональному комплектованию частей (национальным формированиям), которое перед войной признавалось бесперспективным.

Ключевые слова: нерусские национальности, национальные формирования, коренизация, обучение русскому языку, Рабоче-Крестьянская Красная армия, И.В. Сталин

Введение

Воинское обучение и воспитание – сложный и многогранный процесс, требующий максимального взаимопонимания командира и бойца. В боевой обстановке значение этого фактора лишь усиливается в интересах успешного управления, взаимодействия, командования личным составом. В этом плане возможности простой языковой коммуникации становятся во главу угла. И напротив, отсутствие или недостаток таковой ведут к излишним потерям и препятствуют выполнению боевой задачи и ведут к излишним потерям.

Обзор литературы. В советской историографии языковая проблема в Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны затрагивалась лишь вскользь, как малозначащая. В последние годы глубина проблемы

обозначилась более рельефно благодаря исследованиям таких зарубежных ученых, как Т. Мартин [1], Р.Г. Суни [2, с. 14–40], Д.Л. Бранденбергер [3, с. 336–365], Й. Баберовски [4, с. 309–320] и др. К ряду отечественных исследований относятся работы О.К. Кайкова [5, с. 111–118], Л.Д. Якубова [6, с. 76–85]. Все они посвящены политике коренизации в национальных регионах, прямо влиявших на ситуацию с языковым обучением в национальной школе и использованием русского языка в повседневном общении. Современные исследователи показывают, что во второй половине 1930-х гг. произошел мощный идеологический разворот от интернационализма и курса на мировую революцию к построению автономной социалистической державы. С этим была связана реабилитация русской истории, культуры и языка, ставших новым хребтом новой идеологии. Языковой ситуации в конце 1930-х гг. посвящена статья П.Э. Блитстейна [7, с. 310–335]. Однако отражение этих перемен в военном строительстве пока не изучено историками.

Автор ставит своей целью дать оценку эффективности решения проблемы русского языка в РККА в предвоенные годы, предпринятые советским руководством.

Источниковую основу статьи составили документальные материалы Российского государственного военного архива: фонд Политуправления РККА (Ф. 9), Главного управления РККА (Ф. 54), Организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба РККА (Ф. 40442); протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) союзных республик, обкомов и крайкомов ВКП(б), хранящиеся в Российском архиве социально-политической истории (Ф. 17, оп. 3); опубликованные документы в сборниках по национальной политике [8], партийно-политической работе в РККА [9] и деятельности Военного совета при народном комиссаре обороны [10]; кроме того, в работе использованы материалы документальной коллекции фундаментальной военно-исторической библиотеки Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ. Ссылки на последний источник даны в краткой форме (без указания номеров фондов, описей и дел), поскольку в статье использованы только копии документов, хранящихся в других архивах.

Коренизация и национальные формирования РККА в 1920-е – первой половине 1930-х гг.

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, численность РККА выросла более чем в четыре раза. Этот прирост был обеспечен, в числе прочего, за счет многократного расширения призыва в национальных республиках СССР, где до этого проводился лишь ограниченный набор в армию для укомплектования национальных частей. В последних военное обучение велось на родных языках. В начале 1938 г. национальные части были упразднены, а призыв был распространен на всю призывную молодежь союзных республик

и автономных республик РСФСР. В армию влились сотни тысяч бойцов, слабо понимавших или вовсе не понимавших русскую разговорную речь, что существенно затрудняло и замедляло процесс боевой подготовки частей.

В значительной степени эта ситуация была связана с предыдущей эпохой в истории страны. 1920-е и начало 1930-х гг. пришлись на период политической и культурной эмансипации национальных окраин, выразившейся в государственной политике коренизации, которая заключалась в предоставлении комплексных политических, социальных, культурных преференций коренному населению (отсюда специфические неологизмы – «украинизация», «белорусизация», «тюркизация» и т. п.) перед этническими группами, считавшимися пришлыми, некоренными, как правило, ими являлись русские. Новая политика стала выражением своего рода покаяния «русской нации перед «угнетенными» царизмом «культурно отсталыми» малыми народами, которые теперь подлежали «освобождению» [4, с. 309–310].

Реализацией политики коренизации в военной сфере стала масштабная программа создания национальных воинских формирований, расцвет которой пришелся на 1920-е – первую половину 1930-х гг. В этот период новобранцы-«националы» распределялись в основном в национальные части, и языковая проблема в этой связи лежала в плоскости поиска оптимального соотношения между родным и русским языками в главных сферах общения в воинском коллективе: военном обучении, командовании, политпросветработе, общеобразовательном обучении и бытовом общении.

Первоначально чаша весов однозначно склонялась в пользу родного языка; предпринимались меры к переводу на местные языки военной терминологии, уставной литературы, пособий и наставлений с тем, чтобы занять родным языком как можно больше вербального пространства военнотружущего-«национала».

Порой меры по национализации казались избыточными для самих бойцов, особенно если они обрусели и частично утратили свою национальную идентичность в виде языка, обычаев и пр. Например, в середине 1920-х гг. политорганы отмечали в Белорусской дивизии «сопротивление белорусизации или, по меньшей мере, пассивность в этом вопросе», вызванное неприятием основной массой бойцов белорусского языка как языка устаревшего, излишнего («нам надо переучиваться, т. к. в школе мы учились русскому языку»; «белорусский язык – мужицкий язык, литература на нем очень бедная, белорусская литература читается очень слабо»)¹. До половины личного состава белорусских частей не владело родным языком. То же самое наблюдалось в немецких частях, особенно среди командного состава².

Если же «националы» распределялись не в национальную, а в обычную, так называемую номерную часть (преимущественно славянскую по национальному составу), командиры, как правило, не располагая возможностью

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 16.

² РГВА Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 29.

организовать их обучение русскому языку, определяли таких военнослужащих на хозяйственные работы. В 1927 г. на одном из совещаний заместитель начальника ПУ РККА И.Е. Славин отмечал, что желательно не использовать нерусских бойцов («*всех их*») на хозработах, «*как это обычно водится*» (курсив мой. – А.Б.)¹. Понятно, что такой способ использования национальных контингентов не приносил пользы ни армии, ни бойцу-«националу».

Постепенно задачи универсализации процесса боевой учебы заставили, по крайней мере, сделать языком командования и военного обучения русский. 31 июля 1925 г. было издано специальное постановление Президиума Реввоенсовета СССР «О введении в национальных частях исполнительных команд на русском языке». Но это была довольно узкая сфера общения, не требовавшая от красноармейца глубоких познаний в русском языке. Русский язык преподавался в рамках внешкольной учебы, и результаты такой учебы, как правило, были невысоки. Часто камнем преткновения становились организационные и кадровые вопросы: на внешкольную работу оставалось мало времени, и охват красноармейцев из-за нарядов, работ, полевых занятий был неполным; к преподаванию нередко привлекались случайные люди, не владевшие методикой преподавания языка и к тому же не имевшие необходимых пособий. Что касается мотивации самих красноармейцев-«националов», то, как свидетельствуют документы, тяга их к изучению русского языка была высокой. «Тяга к изучению русского языка больше, чем к родному», – отмечалось в одном из отчетов Политуправления СКВО, обследовавшего Отдельный кавалерийский полк горских национальностей в марте 1926 г.²

Не произошло твердого освоения русского языка командным составом национальных частей, хотя с середины 1920-х гг. оно было обязательным. В одном из материалов Политуправления РККА в 1930 г. отмечалось: «Крайне слабо обстоит дело с изучением командирами-националами русского языка, что создает большие трудности в деле повышения ими своей военной и политической подготовки»³. Тоже можно было сказать и о русских командирах национальных частей, практически не усваивавших местные языки⁴. В ноябре 1937 г. командующий войсками Закавказского военного округа комкор Н.В. Куйбышев сообщал на Военном совете при НКО, что значительная масса командиров местных национальностей не владела русским языком и не могла самостоятельно работать с уставами и прочей литературой. «Это страшно мешает уровню боевой подготовки, – отмечал он. – Сами посудите: как может [профессионально] расти командир, который не может прочесть устав?» [10, с. 76].

Подготовка и публикация уставов и пособий на местных языках очень затянулась, а в ряде случаев издание не было осуществлено вплоть до самого

¹ РГВА Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 46.

² РГВА Ф. 9. Оп. 26. Д. 237. Л. 300.

³ РГВА Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 104.

⁴ РГВА Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 105.

упразднения национальных формирований в 1938 г. «В отношении пособий, особенно на национальном языке, мы находимся в очень тяжелом положении. Переведенных учебников у нас нет, а националы плохо знают русский язык, средств нет», – подтверждал на том же Военном совете при НКО заместитель командующего САВО комкор О.В. Городовиков¹.

Итак, установлено, что к концу 1930-х гг., несмотря на определенные успехи, проблема языка командования и языка общения в национальных частях РККА до конца не была решена. В то же время ознакомление с большим объемом документов военного ведомства дает основание утверждать, что языковая проблема в военной документации не занимала значительного места; относительно небольшие масштабы призывов мирного времени в республиках СССР, позволявших отбирать в армию только наиболее образованных «националов» и, главное, направление таких призывников для прохождения службы в основном в национальные части (до 1937 г. включительно) не оставляли для ее возникновения серьезной почвы. В предвоенные годы республиканские военкоматы не вели статистики владения русским языком контингентами военнообязанных и призывников.

Развертывание РККА в предвоенные годы и углубление языковой проблемы

Между тем в марте 1938 г. в рамках организационной перестройки и развертывания РККА все национальные части были переформированы в обычные (т.н. «номерные») и был осуществлен переход к экстерриториальному (вне регионов призыва) комплектованию войск личным составом. Нерусским языкам вовсе не осталось места в армии, и от бойцов-«националов» теперь требовалось свободное владение русским языком. В обстановке надвигающейся большой войны и быстрого наращивания численности армии командование и политорганы столкнулись с проблемой массового поступления на укомплектование войск призывной молодежи из республик СССР и национальных регионов РСФСР, среди которой было значительное число лиц, не владевших или слабо владевших русским языком. Массы национальной молодежи теперь вливались в обычные части РККА, где для них вовсе не предусматривалось никаких языковых льгот и послаблений. Национальным языкам не осталось места в армии, и от нерусских бойцов теперь требовалось свободное владение русским языком. Можно утверждать, что в предвоенные годы проблема русского языка стала ключевой в работе политорганов с нерусскими контингентами допризывников и военнослужащих. Пришло тревожное осознание того, что, говоря словами начальника ГлавПУ Л.З. Мехлиса, *«красноармеец, не владеющий русской речью, если он даже со средним образовани-*

¹ РГВА Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 274.

ем, представляет для армии бóльшую трудность, чем совсем неграмотный боец, с которым можно объяснить» (выделено мной. – А.Б.)¹.

Как показывает анализ документов, проблема владения русским языком уроженцами союзных и автономных республик носила системный характер и не могла быть решена «наскоком». До конца 1930-х гг. государственная политика в области изучения русского языка была непоследовательной. В 1920-е гг. в рамках политики коренизации приоритет в национальных школах, безусловно, отдавался родному языку, а русский изучался как второй или даже третий (иностраннй) язык, а где-то не изучался вовсе. Длительное время сам дискурс вокруг необходимости изучения русского языка в национальной школе квалифицировался как проявление «великорусского шовинизма». Коренизация часто достигалась за счет негативной повестки: «элементарной дерусификации, производившей глубокое впечатление на “местных людей”» [11, с. 14]. Этот способ поддержки национальных меньшинств путем подавления культурно-языкового диктата государства известный специалист по истории коренизации в СССР Т. Мартин называет принципом «позитивной дискриминации» [1, с. 31–32]. Специальные кадры преподавателей русского языка для национальных школ не готовились. В связи с этим качество обучения было низким. Как отдельный предмет в нерусских школах русский язык был введен лишь в 1934 г.

В октябре 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин поставил вопрос об обязательном изучении русского языка в школе. Причем необходимость этого он напрямую связывал с намечаемым «большим актом призыва красноармейцев в армию» и возможностью в дальнейшем маневрировать войсками и людскими ресурсами в интересах государства, «а не отдельных республик» [8, с. 298]. Фактически это было выступление против территориальной системы комплектования войск с его неременной привязкой частей к региону комплектования. Русский язык здесь напрямую связывался с намеченной на 1938 г. экстерриториальностью распределения молодого пополнения и необходимостью изъясняться на едином, понятном всем языке, каковым мог быть только русский. Таким образом, задачи обороны страны, многократного наращивания численности вооруженных сил быстро двигали вперед и решения по изучению нерусской молодежью русского языка.

При ближайшем рассмотрении ситуация с изучением русского языка в национальных республиках оказалась хуже, чем ожидалось. «Справлялись в Наркомпросе, – продолжал на том же пленуме Сталин. – Но ничего ясного мы не могли добиться: где со второго класса начинают изучать русский язык как обязательный предмет, где с третьего, где с четвертого, а где и вовсе не вводили» [8, с. 299].

К февралю 1938 г. масштабы проблемы выяснились. «Русский язык в подавляющем большинстве национальных школ вообще не преподается», – докладывал нарком просвещения РСФСР П.А. Тюркин секретарям ЦК ВКП(б)

¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

А.А. Андрееву и А.А. Жданову. А в большинстве школ, где русский язык преподавался, «уровень преподавания остается крайне неудовлетворительным и в результате этого успеваемость учащихся – крайне низкой»; а «в организации обучения учащихся нерусских школ русскому языку существует огромный разрыв» при остром недостатке преподавательских кадров [8, с. 347–348]. В атмосфере большого террора легко нашлась причина грандиозного провала в области изучения русского языка. «Буржуазные националисты немало поработали над тем, чтобы вытравить изучение русского языка в национальных республиках», – отмечал в одном из докладов нарком обороны начальник ГлавПУ Л.З. Мехлис¹.

24 января 1938 г. было упразднено большинство национальных школ, объявленных «очагами буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей» [8, с. 298]. А 13 марта 1938 г., спустя несколько дней после решения о расформировании национальных частей РККА, вышло совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик по единой программе. В постановлении была подчеркнута связь этой проблемы с задачами обороны: «Знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы...»². Согласно программе по окончании неполной средней школы (семи классов) ученик должен был свободно владеть русской разговорной речью, чтением и письменностью³.

Однако даже после этого ожидаемого прорыва в освоении русского языка в национальных и автономных республиках не произошло. Несмотря на то, что реализация постановления от 13 марта 1938 г. была на постоянном контроле высшего руководства страны, образовательный процесс оказался слишком громоздким и дорогостоящим для осуществления столь резких поворотов. Нехватка кадров учителей, единых программ, учебных пособий и учебников на десятках языков народов СССР – все это, несмотря на мощный административный нажим Наркомпроса, на многие годы затормозило реальное решение проблемы. Еще в сентябре 1940 г. Наркомпрос констатировал, что издание учебников провалено, а преподавание русского языка во многих школах даже не началось из-за отсутствия педагогов. Квалификация самих учителей из числа «националов» вследствие слабой методической поддержки оставалась крайне низкой [9, с. 320–321].

Вполне осознавая масштаб проблемы, руководство РККА со своей стороны предпринимало определенные усилия по обучению военнотружущих русскому языку непосредственно в войсках, хотя справедливо рассчитывало

¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 105–107.

³ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 105–107.

на то, что пополнения должны поступать в войска из республик уже подготовленными в языковом отношении призывниками. Требование обязательного освоения русского языка было сформулировано уже в приказе НКО от 6 апреля 1938 г. № 4/1/33791, объявлявшем о расформировании национальных частей и распределении их личного состава по другим округам. На военные советы округов и начальника Политуправления РККА возлагалась задача организовать при домах Красной армии и клубах специальные группы для командиров и красноармейцев, слабо владевших русским языком, обеспечить их преподавателями и пособиями. На два часа слушатели ежедневно освобождались от других занятий. Изучение русского языка было предписано закончить к 1 января 1939 г.¹

Однако приток военнослужащих, не владевших русским языком, по мере расширения масштаба призывов в союзных республиках только нарастал. Поэтому 3 января 1939 г. была издана директива начальника ПУ РККА «О порядке проведения занятий по общеобразовательной подготовке и изучению русского языка с красноармейцами нерусской национальности». Для бойцов первого года службы нерусской национальности, не владевших русским языком, было предписано в течение трех месяцев выделить 120 учебных часов за счет времени, предназначенного на изучение уставов, спецподготовку и самостоятельное чтение по политзанятиям.

Об экстренности этой меры говорит то, что этой же директивой строжайше запрещалось проводить занятия по ликвидации неграмотности и малограмотности в учебное время, однако для нерусских бойцов было сделано исключение [9, с. 354–365]. Напоминание об особом внимании к изучению русского языка повторилось в директиве Главного управления политической пропаганды в октябре 1940 г. [9, с. 440]. На практике приходилось призывать политработников требуемых национальностей из запаса и расходовать на обучение время, предназначенное для политзанятий².

Военное руководство выражало недовольство работой гражданских органов с допризывниками. 23 мая 1940 г. начальник ГлавПУ армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис писал наркому обороны маршалу С.К. Тимошенко: «Партийные организации национальных республик продолжают относиться беззаботно к тому, какое пополнение они дают Красной армии. Вопросы допризывной подготовки в Средней Азии и Закавказье, со включением в нее изучения русского языка, требуют своего разрешения»³. 26 мая 1940 г. нарком обороны, в свою очередь, обратился к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с просьбой «во избежание ненормальностей» предыдущего призыва дать необходимые

¹ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 14.

² Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

³ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

указания об обязательном привлечении к изучению русского языка допризывной молодежи, которая таковым не владеет [8, с. 552]. 6 июля 1940 г. поступило указание Оргбюро ЦК ВКП(б) № 44 обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка» [8, с. 559].

Проверка знаний допризывников 1921–1922 гг. рождения показала весьма тревожную картину: по восьми союзным республикам Средней Азии и Закавказья было выявлено 132,9 тыс. призывников, не владевших или плохо владевших русским языком, из них обученными к концу мая 1940 г. считались 21,9%; 67,9% проходили обучение и 10,2% не начинали его [8, с. 552]. Через месяц, в июне, число не владевших русским языком по тем же республикам было уточнено в сторону увеличения – до 152,7 тыс. человек [8, с. 556–557].

Однако фактически в связи с тем, что обучение во многих местах началось очень поздно, всего за 2–3 месяца до призыва 1940 г., результаты его оказались неудовлетворительными. За это время не удалось подобрать необходимый педагогический состав. От четверти до половины призывников по разным республикам показали неудовлетворительный результат при отправке в войска [8, с. 606]. Количество красноармейцев, весной 1941 г. не владевших русским языком, начальник Главного управления политической пропаганды РККА А.И. Запорожец оценивал в 60 тыс. человек, то есть около 1,5% всего личного состава РККА. Для их обучения армейские политорганы до сих пор не имели программы и учебника [8, с. 619].

По мере того, как напряженность на западных границах СССР нарастала, языковая проблема осознавалась уже как угроза мобилизации в случае начала войны. 23 мая 1940 г. Л.З. Мехлис докладывал наркому обороны, что в части укомплектования войск политсоставом «в случае мобилизации в этих округах (речь шла о ЗакВО и САВО. – Авт.) могут встретиться трудности из-за отсутствия политсостава запаса, владеющего одновременно русским языком и языками народов Средней Азии и Закавказья»¹. Мехлис считал нужным обратить внимание ЦК компартий республик «на то, что партийный актив этих республик не знает русского языка». На тот момент в ЗакВО и САВО работали специальные курсы, где обучалось «значительное количество» политработников среднеазиатских и закавказских национальностей.

В 1941 г. решено было начинать обучение русскому языку сразу после прохождения приписки допризывников (с января–февраля 1941 г.), а обучение проводить в специальных школах для неграмотных и малограмотных призывников, а также в групповом и индивидуальном порядке – ежедневно по 2–3 часа без отрыва от производства [8, с. 606].

В 1941 г. положение несколько улучшилось, хотя и не удалось наладить полноценного обучения нуждавшихся в нем допризывников. В 1941 г. прово-

¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

дился призыв во вновь присоединенных западных областях СССР, и численность контингента, нуждавшегося в обучении русскому языку, существенно выросла. Всего подлежало обучению (включая неграмотных и малограмотных) 626,7 тыс. допризывников, из которых к началу войны было охвачено обучением от 61 до 99% [8, с. 623].

Отдельной и особой проблемой, связанной с языковой интеграцией военнослужащих, стало включение в состав РККА в основном в 1940 г. больших масс призывников, военнообязанных и профессиональных военных со вновь присоединенных к СССР территорий – Западной Украины, Западной Белоруссии, Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии. Особенно сложной была интеграция прибалтов, поскольку их национальные армии включались в состав РККА фактически целиком в виде территориальных корпусов. Срочно создаваемый для них партийно-политический аппарат, по понятным причинам, в основном состоял из русскоязычных работников.

Для укомплектования территориальных корпусов политсоставом, знающим эстонский, латышский и литовский языки, в Прибалтийском округе были созданы курсы по подготовке младших политруков. В январе 1941 г. был проведен набор из числа местных коммунистов и комсомольцев, выпуск которого планировался на июль. Большинство курсантов прежде не служили в армии, и слишком высоких результатов от них не ожидалось¹. Между тем летом 1938 г. в порядке выполнения приказа НКО от 24 июня 1938 г. № 200/ш из РККА было уволено 863 политработника «иностранных» национальностей, в том числе латышей, литовцев и эстонцев². Многие из них впоследствии были репрессированы. Таким образом, партийно-политическая работа в прибалтийских территориальных корпусах накануне войны лишь разворачивалась и серьезным препятствием на ее пути был языковой барьер. Между тем именно в этих частях требовалась усиленная политическая работа, поскольку их политико-моральное состояние характеризовалось как низкое, а отношение личного состава к советской власти нередко оценивалось как враждебное³.

Выводы

Сложная и закоренелая языковая проблема в Красной армии не могла быть решена в короткие сроки. Поскольку ее масштабы для мобилизации армии были выявлены лишь в последние предвоенные годы, то времени на ее решение не хватило. Недостаточное внимание, которое уделялось русскому языку и ликвидации безграмотности и малограмотности красноармейского состава,

¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

² Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 52–53.

обернулось негативными последствиями в годы Великой Отечественной войны, когда в армию по мобилизации хлынули сотни тысяч военнообязанных из союзных и автономных республик, не владевших или слабо владевших русским языком. Военские части, укомплектованные таким личным составом, были хуже управляемы, менее устойчивы в бою и несли большие потери. В дальнейшем потребовались экстренные меры для решения языковой проблемы, в том числе сложная перестройка формировавшихся в национальных регионах воинских частей по мононациональному принципу.

© Безугольный А.Ю., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 18. Д. 54; Ф. 9. Оп. 26. Д. 394, Д. 237; Оп. 28. Д. 610; Ф. 54. Оп. 3. Д. 41; Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 997.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР: 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- [2] *Суни Р.Г.* Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 17–40.
- [3] *Бранденбергер Д.Л.* «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах: 1941–1945 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 336–365.
- [4] *Баберовски Й.* Враг есть везде: сталинизм на Кавказе. М., 2010.
- [5] *Кайкова О.К.* Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2007. № 3. С. 111–118.
- [6] *Якубова Л.Д.* Национальные районы: опыт осуществления политики коренизации в СССР // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 76–85.
- [7] *Блитстейн П.Э.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах: 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 310–335.
- [8] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос (Документы советской истории). Кн. 2: 1933–1945 / Сост. Л.С. Гагагова [и др.]. М.: РОССПЭН, 2009.

- [9] Партийно-политическая работа в Красной Армии: док: Июль 1929 – май 1941 / Составители Т. Ф. Каряева и др. М.: Воениздат, 1985.
- [10] Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы / Составители: Нонна Тархова, К. Абрамян, В. Арцыбашев, М. Астахова, В. Виноградов, Т. Голышкина, А. Князьков, Л. Роговая, Д. Узенков. М.: РОССПЭН, 2008.
- [11] *Кульчицкий С.* Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 6–16.

История статьи:

Поступила в редакцию: 14 января 2017 г.

Принята к печати: 22 июля 2017 г.

Для цитирования:

Безугольный А.Ю. Проблема языковой адаптации военнослужащих РККА нерусских национальностей в межвоенный период (1920-е – 1941 гг.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2017. Т. 16. № 3. С. 364–377. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-364-377.

Информация об авторе:

Безугольный Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Москва, РФ.

**PROBLEM OF LANGUAGE ADAPTATION
OF THE RED ARMY SOLDIERS OF NON-RUSSIAN NATIONALITIES
IN THE 1920–1930-s**

Alexey Yu. Bezugolny

Research Institute of Military History of
Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia
14 Universitetsky Ave., Moscow, 119330, Russia
besu111@yandex.ru

Under combat conditions, it is mutual understanding between a commander and a soldier by means of a simple language communication which becomes the cornerstone. The absence or lack of such communication may lead to excessive losses and hinder the execution of combat missions.

The author for the first time addresses the problem of mass conscription of soldiers from the Union and Autonomous republics of the USSR, who understood the spoken Russian speech very little or didn't understand it at all. The author aims to find out the degree of efficiency of solving the problem of the Russian language in the ranks of the Workers' and Peasants' Red Army (RKKA), undertaken by the Soviet leadership in the prewar years.

The author has found that in order to overcome this problem, there were taken actions in two directions. On the one hand, there was training of youth of pre-military age due to the introduction in 1938 of the mandatory teaching of the Russian language in national schools. On the other hand, there was training of recruits due to the introduction in 1939 of a three-month course for the soldiers of non-Russian nationalities. The work in these two directions failed to give the desired result in a short time due to the lack of teachers, unified curricula, textbooks and books in dozens of languages of the USSR peoples.

The author comes to the conclusion that the emergency measures taken by the government and the military command in the prewar years proved to be ineffective due to the complexity and large scale of the problem. In turn, the unresolved language issue lowered the level of combat readiness of the RKKA in the war.

Key words: national formations, indigenization, teaching the Russian language, Political Administration of the Red Army, I.V. Stalin

REFERENCES

- [1] Martin T. *Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR: 1923–1939* [Empire “positive activities”. Nations and nationalism in the Soviet Union. 1923–1939]. Moskow: ROSSPEN; 2011 (in Russian).
- [2] Suni RG. Sovetskoe i nacional'noe: edinstvo protivorechij [Soviet and national unity of contradictions]. *Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet and national unity of contradictions [Soviet nations and national policies in the 1920–1950-s: proceedings of the VI Intern. scientific. Conf. Kyiv, 10–12 October 2013]. Moskow: ROSSPEN, 2014; pp. 17–40 (in Russian).
- [3] Brandenberger DL. «Vydvinut' na pervyj plan motiv russkogo nacionalizma»: Spory v stalinskih ideologicheskikh krugah: 1941–1945 gg. [“To highlight the motive of Russian nationalism”: the Controversy in the Stalinist ideological establishment, 1941–1945]. *Gosudarstvo nacij: Imperija i nacional'noe stroitel'stvo v jepohu Lenina i Stalina* [State of Nations: Empire and nation-building in the age of Lenin and Stalin]. Moskow: ROSSPEN, 2011; pp. 336–365 (in Russian).
- [4] Baberovski J. *Vrag est' vezde: Stalinizm na Kavkaze* [The enemy is everywhere: Stalinism in the Caucasus]. Moskow: ROSSPEN, 2010; pp. 309–310 (in Russian).
- [5] Kajkova OK. Politika «korenizacii» v sel'sovetah nacional'nyh rajonov RSFSR (vtoraja polovina 1920-h – seredina 1930-h gg.) [The policy of “indigenization” in the councils of the national regions of the Russian Federation (second half of 1920s – mid 1930s)]. *RUDN Journal of Russian History*. 2007 (3): 111–118 (in Russian).
- [6] Jakubova LD. Nacional'nye rajony: opyt osushhestvlenija politiki korenizacii v USSR [National areas: the experience of implementing the policy of indigenization in the USSR]. *Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet and national unity of contradictions [Soviet nations and national policies in the 1920–1950-s: proceedings of the VI Intern. scientific. Conf. Kyiv, 10–12 October 2013]. Moskow: ROSSPEN, 2014; pp. 17–40 (in Russian).

- dunarodnaja nauchnaja konferencija. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet nation and national policies in the 1920–1950-ies: proceedings of the VI Intern. scientific. Conf. Kyiv, 10–12 October 2013]. Moskow: ROSSPEN, 2014; pp. 76–85 (in Russian).
- [7] Blitstejn PJe. Nacional'noe stroitel'stvo ili rusifikacija? Objazatel'noe izuchenie russkogo jazyka v sovetskih nerusskih shkolah: 1938–1953 gg. [Nation-building or Russification? Compulsory study of the Russian language in the Soviet non-Russian schools, 1938–1953]. *Gosudarstvo nacij: Imperija i nacional'noe stroitel'stvo v jepohu Lenina i Stalina* [State of Nations: Empire and nation-building in the age of Lenin and Stalin]. Moskow: ROSSPEN, 2011; pp. 310–335 (in Russian).
- [8] Gatagova LS., ed. *CK VKP(b) i nacional'nyj vopros. – (Dokumenty sovetskoj istorii)* [The Central Committee of the CPSU (B.) And the national question (Documents of Soviet history). Book. 2: 1933–1945]. Moskow: ROSSPEN, 2009. Book 2.
- [9] Karyaeva TE., ed. *Partijno-politicheskaja rabota v Krasnoj Armii: dok: Ijul' 1929 – maj 1941* [Party political work in the Red Army: dock: July 1929 – May 1941]. Moskow: Voenizdat Publ.; 1985.
- [10] Tarkhova N., Abramyan K., Artsybashev V., Astakhova M., Vinogradov V., Golyshkina T., Knyazkov A., Rogovaya L., Uzenkov D., eds. *Voennyj sovet pri narodnom komissare obo-rony SSSR: 1–4 iyunya 1937 g.: dokumenty i materialy* [Military Council under the People's Commissar of Defense of the USSR: 1–4 June. 1937: Doc. And materials]. Moskow: ROSSPEN; 2006.
- [11] Kul'chickij S. Status titul'nyh nacij v psevdofederativnoj gosudarstvennoj strukture SSSR na jetape sozdanija sovetskogo stroja (1917–1938 gg.) [The status of titular Nations in pseudophedrine state structure of the USSR on the stage of creation of the Soviet system (1917–1938)]. *Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet nation and national policies in the 1920–1950-ies: proceedings of the VI Intern. scientific. Conferans Kiev, 10–12 October 2013]. Moskow: ROSSPEN, 2014; pp. 6–16 (in Russian).

Article history:

Received: 14 January 2017

Accepted: 22 July 2017

For citations:

Alexey Yu. Bezugolny, Problem of language adaptation of the Red army soldiers of non-russian nationalities in the 1920–1930-s. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 364–377. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-364-377.

About the author:

Alexey Yu. Bezugolny, Candidate of Science (in History), Leading Researcher at Scientific Research Institute of Military History of Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia.

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-378-399

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ «ОТКРЫТИЯ» В КРЫМУ В РАБОТАХ В.Ф. ЗУЕВА И К.И. ГАБЛИЦА: «ДЕФЕКТ ОПИСАНИЯ»

Д.В. Конкин

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
295007, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, 4
denis_konkin@mail.ru

В статье анализируется содержание научных описаний Крыма конца XVIII в., подготовленных учеными-естествоиспытателями В.Ф. Зуевым и К.И. Габлицем, с точки зрения их практического применения и пользы для экономики региона в начальный период интеграции полуострова в общероссийское пространство. Сделаны выводы о том, что в этих описаниях содержались фактические ошибки, завышенные оценки хозяйственных возможностей полуострова, необоснованная восторженность его плодородием и климатическими условиями. Такие неточности объясняются объективными причинами, «дефектом описания», когда общие первоначальные эмоционально окрашенные восторженные отклики о южнобережных красотах, плодородии крымских земель, блестящем экономическом потенциале края не учитывали или же затмевали объективные трудности в практическом использовании природных богатств полуострова.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, В.Ф. Зуев, К.И. Габлиц, научные описания, экономика

Введение

Проблема адекватной, грамотной оценки хозяйственного, социального потенциала регионов имеет ключевое значение в успешных прикладных действиях государственной власти по их экономическому развитию. Качество экспертизы зависит от многих факторов и напрямую связано с квалификацией экспертов, их независимостью и способностью абстрагироваться от внешних эффектов и политической конъюнктуры. Для Крыма после его присоединения к Российской империи точное определение перспективных направлений развития экономических отраслей являлось важнейшей задачей коронной власти, залогом успешной интеграции в общероссийское пространство. Далеко не сразу полуостров стал рекреационным, культурно-историческим

центром, важнейшей военной базой России. В течение достаточно долгого времени происходил поиск и конструирование российским правительством оптимального формата внутренней и внешней социально-экономической повестки полуострова. Историческая ретроспектива выпукло демонстрирует, что неточности в оценке экономического потенциала, ошибочное профилирование перспективных отраслей хозяйства надолго могут стать препятствиями для экономического и социального развития края. Именно поэтому изучение исторического опыта по решению подобных проблем имеет актуальное звучание в современных условиях.

Одними из первых известных исследователей, которые непосредственно побывали в Крыму накануне и сразу после его присоединения к Российской империи, были адъютант Петербургской Академии наук В.Ф. Зуев и бывший сотрудник Академии, ее постоянный корреспондент К.И. Габлиц. Оба они стали авторами научных описаний полуострова, неоднократно переиздававшихся на русском, французском, немецком, английском языках. Первоначальные их работы о Крыме были опубликованы за счет российской казны в Санкт-Петербурге, что позволяет говорить о прямой заинтересованности государства и ведущих российских чиновников в появлении таких изданий и распространении их прежде всего среди отечественной публики. В то же время появившиеся иностранные реплики описаний свидетельствовали о внимании европейского читателя к подобной литературе.

Описания Крыма, подготовленные Зуевым и Габлицем, получили широкую известность в историографии, часто использовались в научной, научно-популярной, краеведческой литературе, посвященной самым разным отраслям знаний [см.: 1, с. 115–117; 2, с. XIX–XX; 3, с. 71–88].

Как правило, исследователей интересовала «иллюстративная» часть этих произведений, касавшаяся собственно «естественной» истории полуострова: описания флоры и фауны, географических, геологических особенностей, историко-этнографические экскурсии. Но в данном случае хотелось бы взглянуть на эти работы с точки зрения их практического применения и пользы для экономики региона в начальный период интеграции полуострова в общероссийское пространство. Оценка прикладного экономического значения «академических» экспедиций уже привлекала внимание специалистов [см.: 4; 5; 2; 6], однако применительно к Крыму данная тематика еще не получила соответствующего воплощения. Попытка отчасти осветить данную проблему предпринята в настоящей статье.

Российское правительство в рассматриваемый период было крайне заинтересовано в привлечении экономически активного населения в недавно приобретенные южные провинции для окончательного их закрепления в своем составе и исключения риска вторжения со стороны Турции. Для поддержки такой политики была разработана специальная переселенческая программа – «План о раздаче

в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению»¹ [7, с. 58–62; 8, р. 109–117], под действие которой после присоединения попал и Крым [7, с. 121].

Важной частью действий российской власти по поощрению экономической миграции являлась агитационная практика, рассчитанная не только на внутреннего потребителя, но и на потенциальных переселенцев из Европы. У России уже имелся в целом удачный опыт по привлечению колонистов из германских стран, которые были поселены в поволжских степях [9, с. 44–204; 8, р. 57–108; 10, с. 102–172]. Но прямая вербовка переселенцев на местах их жительства вызвала скандал и активное противодействие со стороны европейских правителей и буржуазии, лишившихся налогоплательщиков и дешевой рабочей силы [см.: 9, с. 309–312; 10, с. 62–65]. Поэтому в дальнейшем приходилось действовать косвенными методами, используя различного рода рекламные статьи в западных газетах, журналах, анонимных брошюрах, восхвалявших замечательные условия проживания иностранных колонистов в России и побуждавших их к эмиграции, в том числе и в Крым [см., например: 9, с. 308–309; 11, с. 208; 12, с. 218–223]².

Формирование и распространение благоприятного имиджа о привлекательной и счастливой жизни в Крыму было важно и для Г.А. Потемкина — Новороссийского правителя и одного из главных идеологов присоединения полуострова, который лично просил императрицу приказать российским послам распространять в газетах и журналах прокламации с призывом о переселении в Тавриду [13, с. 280]. Одним из проявлений таких методов можно считать распространение позитивных научных описаний, в которых отображались достоинства приобретенных Россией территорий. Нередко в такие исследования вкрадывались фактические ошибки, завышенные оценки хозяйственных возможностей полуострова, необоснованная восторженность его плодородием и климатическими условиями. Мы не склонны приписывать подобные неточности сознательному конструированию их авторами параллельной реальности в угоду придворной концепции выращивания «райского сада» в Крыму [см.: 14, с. 135–136; 15, с. 114–117; 16, р. 1–23; 17, с. 58–68], а объясняем объективными причинами, «дефектом описания», когда общие первоначальные эмоционально окрашенные восторженные отклики о южно-бережных красотах, плодородии крымских земель, блестящем экономическом потенциале края не учитывали или же затмевали объективные трудности в практическом использовании природных богатств полуострова. Фактические ошибки в оценках действительности не являлись исключительной прерогативой художественных произведений и научных описаний, но сопровождали

¹ ПСЗРИ-1. Т. 16. № 12099. С. 663–667.

² Например, баронесса Боде вместе со всем своим многочисленным семейством решила на переезд в Таврическую область после прочтения немецкого журнала, в котором описывались преимущества, предоставляемые Екатериной II французским эмигрантам в России. См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 960. Л. 174–176.

и сугубо прикладные, далекие от придворных концепций исследования, например, составление земельных реестров, имущественных описей, межевых планов [см.: 18, с. 232–236].

Крым в научных описаниях В.Ф. Зуева

Одним из первых известных российских ученых, который посетил Крым и оставил об этом визите описания, стал Василий Федорович Зуев (1752–1794)¹. В 1781 г. он по заданию Санкт-Петербургской Академии наук отправился в путешествие в «полуденные» (meridionales) губернии России, конечным пунктом поездки значился г. Херсон. Зимой 1781–1782 гг. уже по собственной инициативе исследователь посетил Константинополь, а затем весной 1782 г. побывал в Крыму² [см.: 21, стлб. 64–65; 22, стлб. 29–30].

Спустя год в связи с присоединением полуострова к империи любая тематическая, а тем более «свежая» научная информация о Крыме становится чрезвычайно актуальной и востребованной среди читающей публики в России. Поэтому ничего удивительного, что Зуев оперативно подготовил текст о Крыме, хотя и не успел достаточно подробно ознакомиться с природой и историей полуострова во время краткосрочного на нем пребывания из-за начавшегося бунта местного населения против хана Шагин-Гирея [см.: 24, с. 381; 25, с. 559–560]. Тем не менее его «Выписки из путешественных записок, касающихся до полуострова Крыма» были опубликованы в академическом «Месяцеслове историческом и географическом на 1783 год» [26], а затем переиздавались в «Собрании сочинений, выбранных из Месяцесловов» [27]. Привлекла внимание работа о Крыме и частных книгоиздателей. Известные столичные типографы И.Я. Вейтбрехт, И.К. Шнор, И.З. Логан в 1783 г. публикуют немецкоязычные варианты работы путешественника [28; 29]. В том же году в продолжение крымской темы в «Месяцеслове» появляется еще одна работа Зуева – «О российской торговле по Черному морю» [30], которая позднее была переиздана в вышеназванном «Собрании Месяцесловов» [31]. Наконец, в течение 1785 г. Зуев подготовил «Размышления» о Таврике, своеобразные наставления для продолжавшего изучать в это время Крымский полуостров Габлица [32]³.

¹ О точной дате рождения Зуева см.: [19, с. 18; 20, с. 16].

² В.Ф. Гнучева считала, что путешествие Зуева в Крым состоялось все-таки по заданию Академии [24, с. 119], когда пришлось искать замену изначально утвержденному для отправки на полуостров сотруднику Моисеенкову, скоропостижно скончавшемуся в Москве. Но подтверждения такому перепоручению в опубликованных «Протоколах заседаний Конференции Академии наук» [21] не находится.

³ Следует заметить, что в то же самое время, как появлялись многочисленные тематические «крымские» издания Зуева, на подготовку которых автором, несомненно, тратилось много времени, у самого ученого возникли серьезные неприятности по основному месту работы – в Академии. Главными формальными причинами проблем стали долгая подготовка отчета, чистовой рукописи о своем «официальном» путешествии в Херсон (отдельные записки

В век Просвещения академические «физические» экспедиции, осуществлявшиеся по заказу российского правительства, вплотную были связаны со сферой «государственной экономики» [24, с. 13–14, 28; 23, с. 9, 12–13; 4, с. 17–20]. Помимо естественнонаучных, географических, топографических, историко-описательных функций большое внимание уделялось оценке «полезности» обследуемого региона с точки зрения общего «анализа богатств» (концепт, введенный М. Фуко [см.: 33, с. 193–195]). Классик-систематик Карл Линней в своем «Наставлении путешественнику» указывал на важную прикладную экономическую, «домостройственную» функцию в процессе экспедиции [см.: 4, с. 17]. Исследователи внимательно отмечали плодородие земель, природные богатства, климатические, географические особенности окружающего мира, культурные традиции населения в разрезе их практической, хозяйственной пользы для государства, которое, в соответствии с принципами камерализма, считалось главным двигателем экономического развития, и единственное было способно нести «общее благо» для жителей, его населявших [35, с. 52–55; 36, с. 328–329; 37, с. 305–307]. Не стала исключением и работа Зуева о Крыме.

С самого начала автор отмечал большой потенциал степных земель для «хлебопашества». Его не смущал засушливый климат северного Крыма. Причиной отсутствия растительности и малого количества травы здесь Зуев считал многочисленные стада овец, которые вытаптывают молодые побеги («...весною, осенью и летом в большую засуху после дождей не успевает трава из земли отпрыскнуть, как скот ее или сорвет, или помнет ногами» [27, с. 267])¹. Но это лишь третья по важности причина, почему в крымских степях не было развито земледелие. Первые же две – это «ленность и несклонность татар к хлебопашеству».

Однако, по мнению ученого, если распределить земли Крыма «на уезды или на дачи», скот направить в определенные места «соразмерно довольству жителей», а «ровные степи занять пашнями», то можно сделать его «обетованным полуостровом: ибо нет никакой причины, которая бы хлебородию земли и богатству жителей препятствовала» [27, с. 268]. Сия «малая земляца»

и чертежи Зуев продолжал сдавать в Академию по прошествии более чем двух лет после возвращения из экспедиции [см.: 21, с. 723–725, 780]), и некая «работа на стороне», которая более всего возмутила главу Академии княгиню Е.Р. Дашкову [21, с. 724–725]. «Посторонние дела» Зуева принято связывать с его участием в работе «Комиссии о народных училищах» [23, стлб. 30; см. также: 26, с. 562–563]. Но возможно, что подготовка многочисленных публикаций о Крыме у частных издателей, тормозивших написание основного отчета о поездке в Причерноморье, также сыграла свою роль. Как бы то ни было, исследователь сам расставил приоритеты в своей работе, и в результате основательные «Записки» ученого об экспедиции из Санкт-Петербурга в Херсон были изданы только спустя пять лет после ее окончания, в 1787 г. [35], в отличие от оперативно публиковавшихся «крымских» заметок.

¹ Здесь и далее работа Зуева цитируется по доступному автору статьи «Собранию Месяцесловов» 1790 г. [28].

(то есть Крым), считал Зуев, «изобильно» всем снабжена, чтобы быть самодостаточной.

Природным богатствам Горного Крыма предсказуемо достались еще более позитивные характеристики. Причем сам Зуев признавался, что Горный Крым известен ему лишь понаслышке, побывать там он не успел в связи с начавшимся бунтом крымских татар против Шагин-Гирея. Основную же информацию ученый черпал из «рассказов людей там бывалых» [27, с. 270]. Горные долины в Крыму, по мнению Зуева, «изобилуют богатейшими паствами; по косогорам родится хлеб и вино в весьма довольном количестве», а «в недрах есть богатые руды». Но и здесь пасторальную картину портят местные «горные жители», которые «нерачительнее тех по степи с стадами пасущихся». Они «во всем сем счастья своего не полагают, а также думают как и те, что был бы лишь у него баран жирной и столько хлеба, сколько ему с сим бараном съесть надобно, так он и доволен» [27, с. 271–272].

Стоит отметить, что топос о «лености» татар, их беззаботности, неспособности вести регулярное хозяйство происходил, по-видимому, из абстрактных размышлений писателей, путешественников эпохи Просвещения [38, с. 466–467], и связан был с концепцией «рая» в Крыму [14, с. 135–138; 15, с. 114–122; 17, с. 61–62; 39, с. 460–461]. Являясь изначально общим литературным приемом, абстрактной выдумкой, ничем не доказанной игрой интеллектуалов¹, в дальнейшем в устах «приземленных» практиков – новоприбывших крымских помещиков, этот шаблон стал популярным и весомым аргументом в доказательной базе их собственных прикладных проектов, направленных на осуществление конкретных экономических действий и оправдывавших дискриминационные планы в отношении мусульманского населения Крыма [39, с. 164; 40; 41, с. 382–383].

Таким образом, собранная Зуевым информация о Крыме в целом была весьма поверхностна, с большими допущениями в оценке экономических возможностей края, его природных богатств, с непропорционально оцененными достоинствами в сравнении с рисками и объективными трудностями хозяйственных преобразований. Тем не менее, описание быстро было опубликовано и массово разошлось среди читающей публики, формируя благоприятное общественное мнение в отношении хозяйственно-экономических перспектив края у потенциальных переселенцев в крымские земли: российских помещиков, чиновников, отставных военных и т.д.

Экспертные оценки, исследования являлись крайне важным источником для проектирования государственных программ по хозяйственному освоению полуострова. Дефицит информации практического свойства о Крыме стал пер-

¹ Сравните, например, с похожими замечаниями российских и французских авторов к. XVIII – н. XIX вв. в отношении украинцев («малороссов») [48, с. 101–112; 49, с. 178–180], или же с аналогичными по смыслу характеристиками «русской лени» со стороны «Других» европейцев [50, с. 118] (благодарю за ценные ссылки Н.И. Храпунова).

вопричиной уже не академических, а ведомственных заказов по разноплановому изучению полуострова. Новороссийский наместник Г.А. Потемкин вскоре после присоединения полуострова дает задание правителю Таврической области О.А. Игельstromу провести инвентаризацию присоединенных земель¹ [42, с. 20–21], в это же время активно проводится картографическая, топографическая съемка [см.: 43, с. 177; 44, с. 316–317, 374–376]. Одновременно Потемкин инициирует проведение подробного энциклопедического описания полуострова. Для исполнения этой работы князь привлек талантливого ученого Карла Ивановича Габлица [13, с. 292–293; 45, с. 146]. Тяжелая болезнь Потемкина и эпидемия чумы в Крыму отложили начало проекта. Но уже через год Габлиц командирован в Крым, где в течение лета–осени 1784 г. проводит огромную работу по изучению края, систематизации полученных сведений, и в декабре того же года высылает Потемкину готовую рукопись описания [45, с. 147].

«Физическое описание Таврической области» К.И. Габлица

Насколько точная научно-практическая информация о Крыме являлась важной и востребованной не только для российской власти, но и для правителей других европейских государств, можно судить по степени внимания к Габлицу и его произведению со стороны иностранных дипломатов и агентов. Французский посланник в России граф Луи-Филипп де Сегюр буквально «из-под пресса» запрашивал еще не переплетенные отдельные листы книги с целью ее скорейшего перевода на французский язык и дальнейшей отправки в Париж [49, с. 207]. А позднее, когда ученый работал над историческим исследованием о Крыме и имел доступ к закрытой информации из канцелярии Потемкина, Габлиц был, выражаясь современной терминологией, «завербован» сотрудником французского посольства Шареттом де ла Колиньером и передавал иностранному агенту секретную информацию о структуре населения Крыма, его численности, об экспедиции графа М.И. Войновича к южному побережью Каспийского моря, в которой исследователь принимал участие [49, с. 213–214].

Оперативно изданное за счет казны в 1785 г. «Физическое описание Таврической области» [50] произвело сильное впечатление на современников. В короткие сроки книга была переведена на французский, немецкий и английский языки [51; 52; 53]. Работа прославила автора, который не остался в стороне и от императорской благосклонности. Екатерина II, помимо того, что лично распорядилась издать книгу за свой счет, также пожаловала Габлицу осыпанную бриллиантами табакерку [45, с. 149]. А Потемкин распорядился наделить исследователя крупным имением в Крыму (более 3 330 дес.) в районе Черной речки² [54, с. 148]. В дальнейшем Габлиц оставил занятия наукой и

¹ Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1881. Т. 12. С. 285–286.

² РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 12. Л. 8 об.

сделал замечательную бюрократическую карьеру сначала в Таврической области, а затем в Санкт-Петербурге¹.

Предпринятое Габлицем описание несравненно более подробное и тщательное, чем работа Зуева. В соответствии с традицией естественноисторических исследований он произвел оценку региона по «трем царствам Природы» (ботаника, зоология, науки о земле) и по возможности оговорил перспективы развития тех или иных отраслей хозяйства, промыслов, производств. В начале автор описал степную часть полуострова, отметив, что земля здесь «способствует хлебопашеству и к разным насаждениям удобна», лес не встречается, но «около Козлова» (Евпатории) и на Тарханкуте находятся плодоносные сады, которые растут «без всякого почти присмотра», что доказывало возможность («нет невозможности») их культивирования [50, с. 4].

Львиная доля описания предсказуемо была посвящена Горному и Южному Крыму. Габлиц с восхищением отзывался о живописных ландшафтах и природных богатствах этой части полуострова. «В редких, может быть, других странах света можно найти столько разных совокупленных вместе совершенств, как в сей горной здесь полосе. Приятнейшие местоположения, плодоносная земля, дающая изобильные жатвы, поля, испещренные цветами и другими полезными растениями, пригодный на разные потребности лес, сады с лучшими плодоносными деревьями, и бесчисленное множество ключей и ручейков повсюду из горы истекающих, и составляющих нарочитые речки, из коих все сие почти всегда в небольшом одно от другого расстоянии усмотреть можно» [50, с. 8].

Упоминание о высоком плодородии местных земель рефреном проходит по всему описанию. Плодородны земли в окрестностях Ялты [50, с. 26], Гурзуфа [50, с. 39], Старого Крыма [50, с. 29], предгорья между Салгиром и Альмою [50, с. 32] (долина Салгира вообще вся покрыта «толстым слоем чернозема» [50, с. 32]), «тучная земля» встречается на яйлах [50, с. 35], благоприятны для земледелия долины горных и югобережных рек вплоть до Судака [50, с. 10–11, 42–44], а пространства Керченского полуострова считаются «хлебороднейшими местами во всей области», здесь, как и «в большей части мест... Таврической области» земля покрыта все тем же «толстым слоем чернозема» [50, с. 51].

Благоприятным и многообещающим для развития сельского хозяйства, по мнению Габлица, являлся и климат в Таврической области, обладавший «всеми лучшими свойствами, каких только ... ожидать можно» [50, с. 60]. Доказательством чему служили местные растения, свойственные только южным регионам, которые без всякого «старания и призрения» приносят «самые нежнейшие плоды» [50, с. 60–61]. Здоровый воздух в Крыму «не содержит никаких вредностей» [50, с. 64], отсутствовали здесь и серьезные эпидемические болезни местного происхождения [50, с. 65].

¹ Габлиц, Карл Иванович // Русский Биографический словарь. Т. 4: Гаагь–Гербель. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собкор, 1914. С. 10–14.

При этом следует заметить, что во время обследования полуострова естествоиспытатель вынужден был избегать татарских селений и ютиться в землянке, так как опасался, что на полуострове еще могли оставаться опасные очаги чумы, свирепствовавшей там накануне [45, с. 145–147], но в книге автор решил не обременять читателя этими подробностями.

Описывая «растительное царство», Габлиц в первую очередь указывал на «изобилие» местных садов и виноградников. Садовые культуры, по его мнению, по своему составу схожи с растениями Южной Европы и Малой Азии. Отличия в размере и качестве плодов объяснялись не природными условиями, а разным уровнем ухода за насаждениями [50, с. 66–67].

Ученый рисовал радужные перспективы для отрасли: количество садов «достаточно изобильно», но их легко преумножить, если еще «полезнейшие продукты» заимствовать из-за границы [50, с. 67]. Но особенно сильное впечатление на Габлица произвел местный виноград, «который необычайной величины бывает, несмотря на то, что он в крайнем небрежении произрастает» [50, с. 68].

Габлиц перечислил перспективные с его точки зрения направления растениеводства и промышленности в Крыму. Отметил большие возможности для развития шелководства: хотя среди крымских татар эта отрасль не получила распространения, но «климат, воздух и все прочее к тому повсюду споспешествуют» [50, с. 71]. Полезным считал культивирование гранатовых деревьев, для чего нужно только завести сорта, способные «приносить лучший плод» [50, с. 77]. Оливковые деревья также «нужно размножать», и хотя плоды у них «не весьма крупные», но это, по мнению ученого, можно было легко исправить путем прививания и пересадки деревьев на лучшие места [50, с. 77–78]. В максимальной степени и разнообразии снабжен был Крым лекарственными растениями, в этом исследователь видел перспективу для всей России [50, с. 127]. Среди полезных ископаемых и минералов Габлиц выделял т.н. мыльную глину (кил), которую использовали в банях для мытья голов [50, с. 19], в районе Инкермана – железистый купорос, применимый для чернения кож, изготовления чернил и в медицине [50, с. 23]. Встречавшаяся в районе Балаклавы шпатовая железная руда являлась, по представлению исследователя, лучшей из руд, позволявшей изготавливать отличную сталь [50, с. 25]. Отдельно Габлиц отмечал исключительную приспособленность полуострова к развитию овцеводства [50, с. 170], также указывал на изобилие морской и речной рыбы в Таврической области, что открывало замечательные перспективы для рыболовецкой отрасли [50, с. 179–180].

Отметим, что практически ни разу Габлиц не обозначил, не перечислил какие-либо проблемы или сложности природных, географических, экономических условий в Крыму. Вслед за Зуевым главной причиной недостаточного процветания этого края Габлиц видел в местном населении, крымских татарах, из-за их лени, неумении воспользоваться замечательными дарами природы. Неоднократно в тексте он вставлял соответствующие реплики [50, с. 68, 75, 77–78].

Исходя из логики таких замечаний, напрашивался вывод, что стоит лишь прийти в Крым более рачительному хозяину, и полуостров преобразится, превратится в настоящий рай. Именно этой мыслью завершает Габлиц свое удивительно позитивное и благосклонное описание: Крым «по всем трем царствам природы» производит «нужные для человека потребности и... для увеселения его служащие вещи», которые «через искусство побуждаемое ободрением... в лучшее состояние приведены быть могут». И «водворившийся здесь земледелец, вертоградарь и купледетель» (винодел и купец), как в результате собственного «рачения», так и «от самого местоположения ... и самоестественно успевающих землепроизводств» получит «существенную по своим намерениям пользу, и наиприятнейшее удовольствие» [50, с. 198]. Небезлюбопытно, что эти восторженные строки, напоминавшие скорее рекламе, чем взвешенный «анализ богатств» региона, без каких-либо изменений были продублированы в немецком и французском изданиях книги [см.: 51, р. 297–298; 52, р. 355–356].

Подобная идиллическая картина, конечно, была далека от действительности, создавала деформированное представление о возможностях края в глазах потенциальных землевладельцев, включая иностранных колонистов. В этой связи полезно сравнить данное описание с более поздними оценками Габлицем крымской действительности, когда он уже приобрел огромный административный опыт по управлению Таврической областью, на практике столкнулся с объективными трудностями экономического преобразования края. Отчасти у нас есть такая возможность благодаря отзывам и мнениям Габлица в рамках его работы в «Новороссийском комитете». Этот Комитет был учрежден императором Александром I в 1801 г. с целью определить важнейшие перспективные направления хозяйственно-административного развития края [41, с. 375–377]. Габлиц был включен в состав этого авторитетного органа и стал, по сути, главным экспертом по Крыму, к нему на оценку поступали проекты по преобразованию полуострова. Один из таких проектов «О развитии промышленности, торговли и сельского хозяйства Крымского полуострова» был сочинен французским купцом Вильгельмом Рувье и в декабре 1801 г. получил рецензию от чиновника¹. Рувье не предлагал ничего принципиально нового для развития экономики Крыма и во многом повторял тезисы и предложения, высказанные самим Габлицем в своем описании. Но теперь, почти 20 лет спустя, опытный администратор-хозяйственник значительно прагматичнее смотрел на перспективы по преобразованию полуострова.

Рувье, как и Габлиц в своем «Физическом писании» 1785 г., обращал внимание на богатство морской фауны вокруг крымского побережья и предлагал развивать там промышленное рыболовство. В частности, восстановить рыбную ловлю в Азовском море, в особенности судака, который, по его мнению, «при искусном приготовлении мог заменить треску». А поскольку треску

¹ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 19.

французы и англичане в большом количестве везли в Испанию и Италию, то Рувье всерьез рассматривал возможность заменить импорт трески в эти страны крымским судаком¹.

Габлиц образца 1801 г. был предельно реалистичен и в своем замечании указывал, что для развития рыболовства необходимо было сначала увеличить количество людей в Крыму, а пока что заниматься рыбной ловлей на Азове просто было некому. К тому же хорошо бы (здесь чувствуется ирония) «убедить испанцев и итальянцев, что судак лучше трески»².

Далее Рувье предлагал построить торговую верфь в Крыму. Ранее в «Физическом описании» Габлиц также предполагал подобную возможность. В частности, отмечал, что так называемая «приморская сосна» может быть пригодна для кораблестроения [50, с. 97–98]. Но теперь считал данную идею невыполнимой. Практика показала, что «целое судно изготовить из местного леса невозможно», последнего едва хватало для починки военного флота³. На предложение Рувье строить в Крыму винокурни и пивоварни Габлиц возражал, аргументируя свою позицию тем, что для этих производств необходимо использовать большое количество дров и воды. Лесоматериал, как говорилось выше, в Крыму был в дефиците, а вода, по мнению Габлица, была плохого качества⁴. Характерно, что в «Физическом описании» Габлиц, напротив, нахваливал качество крымской воды в горных реках и в глубоких степных колодцах [50, с. 4–5, 10–11]. Теперь, как видно, его позиция поменялась.

По-видимому, Рувье был хорошо знаком с работой Габлица, потому что порой обращал внимание на такие подробности, которые встречались только в «Физическом описании» и вряд ли могли самостоятельно прийти на ум стороннему неподготовленному прожектору. Например, француз предлагал сжигать многочисленные соленые травы в Крыму для получения соды, которую затем можно было использовать для производства мыла и стекла. И то, и другое Рувье планировал производить в промышленных масштабах, создавая конкуренцию импортным товарам. В своем исследовании Габлиц действительно описывал произрастающий в большом количестве около соленых озер и солончаков «травистый вербейник» (слонец), из которого можно было добывать соду, и, по аналогии с Южной Европой, применять ее для стеклянных и мыльных фабрик [50, с. 141–142]. Но в 1801 г. восторженность ученого-первооткрывателя сменил скептицизм чиновника-практика. Комментируя предложения француза, Габлиц отмечал, что хотя польза от добычи соды значительная, но для промышленного производства необходимы рабочие руки, которые в Крыму отсутствовали. Для мыловаренных и стекольных заводов помимо людей нет в достаточном количестве и леса. К тому же местные сте-

¹ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 19. Л. 26.

² РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 19. Л. 26 об.

³ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 19. Л. 27.

⁴ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 19. Л. 27.

клянные изделия вряд ли могли оставить конкуренцию левантийским и европейским образцам¹.

Нужно отметить, что подобный критический подход полностью отсутствовал в «Физическом описании» Габлица, опубликованном в 1785 г. В новом веке набравшемуся опыта чиновнику пришлось отказываться от ранних представлений и идей об экономических возможностях и природных условиях полуострова, возражать самому себе.

Не все предложения Рувье были раскритикованы. Габлиц, в целом, соглашался с необходимостью развивать в Крыму хлебопашество, виноградарство и виноделие, шелководство и овцеводство. Собственно, эти отрасли Габлиц отмечал в качестве особо перспективных и в своей книге. Но теперь он хорошо осознавал все проблемы и нюансы экономического развития полуострова и четко указывал на них. Тем не менее корректировку ранний текст Габлица, равно как и сочинение Зуева, не получили, в результате чего во многом искаженные, неточные сведения о Крыме, изложенные в их работах, разошлись в дальнейшем в многочисленных разноязычных переизданиях.

Выводы

Недостоверная информация, опубликованная в научных работах, становилась предметом интерпретации и источником ошибочных утверждений в произведениях менее строгой жанровой направленности. Так, в эмоциональном плане академические ограничения не сдерживали путешественника и литератора В.В. Измайлова и он нарисовал идиллическую картину процветающего Крыма [55, с. 116–125]. Элементы достоверности своему произведению Измайлов придал путем апелляции к авторитету известных ученых: «Не думайте, чтобы я увеличивал его достоинство, – уверял “философ-путешественник”, – прочтите Палласа², загляните в Габлица; заметьте, что живописные картины сего края не укрылись от пера сих Натуралистов, которые писали только о Крыме, как Физики и Ботанисты» [55, с. 116].

Прямые отсылки к работам российских естествоиспытателей с повторами их неточных и искаженных оценок крымской действительности можно найти и в стилистически куда более строгих и уравновешенных словарных статьях о полуострове рассматриваемого периода³ [см.: 58, с. 167–168; 59, стлб. 21–28; ср., например: 27, с. 266–272].

Иллюзорная картина (дефект описания) легкой, благополучной и изобильной хозяйственной практики на полуострове многих вдохновляла на переселе-

¹ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 19. Л. 28.

² Известный ученый в 1794 г. побывал в Крыму в составе академической экспедиции и сочинил по мотивам своего путешествия «Краткое описание», опубликованное в 1795 г. на французском и русском языках [56; 57], где также восторженно и некритично отзывался об экономическом потенциале полуострова.

³ Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. Ч. 5: С–Т. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. с. 216–220.

ние в Крым. Российские помещики ради крымской авантюры продавали свои имения во внутренних регионах империи и уже в новых владениях становились заложниками обстоятельств, не имея средств и возможности бороться с неожиданными хозяйственными препятствиями, требовавшими значительных вложений, к которым затем присоединились и имущественные споры со стороны крымских татар [см.: 60, с. 48–49, 52–54, 61–62, 66; 41, с. 383].

Таким образом, объективность итоговых оценок экономических возможностей края, который подвергался первоначальному обследованию, была весьма условной и зависела от подготовленности и наблюдательности исследователя. Можно сказать, что Крыму в этом плане «не повезло» из-за того, что яркие и увлекательные картины и богатая природа Южной и Горной частей полуострова неизменно вносили эмоциональный подтекст в научные описания. Даже в объеме повествования рассказы о сравнительно небольшом участке Южного берега занимали значительно больше места, нежели описание всей оставшейся территории, что, несомненно, создавало искаженное представление в умах читателей и потенциальных колонистов об экономических возможностях и природных богатствах этой земли. Крымский миф экономического рая и выгод был быстро сформирован, об объективных проблемах жизнедеятельности в Крыму первоначально никто не писал.

© Конкин Д.В., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ушатая Р.И.* Из плеяды первых. К 255-летию со дня рождения К.И. Габлица. Библиографический список // *Культура народов Причерноморья*. 2007. № 98. Т. 2. С. 115–117.
- [2] *Кавун М.Э.* Академик Василий Зуев и его «Путешественные записки» в контексте культурной географии Северного Причерноморья эпохи Просвещения // *Зуев В.Ф.* Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. Днепропетровск: Герда, 2011. С. VIII–XXVII.
- [3] *Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В.* Открыватели земли Крымской. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007.
- [4] *Бекасова А.В.* Изучение Российской империи экспедициями 1760–1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // *Историко-биологические исследования*. 2010. Т. 2. № 4. С. 13–34.
- [5] *Moon D.* The Russian Academy of Sciences Expeditions to the Steppes in the Late Eighteenth Century // *Slavonic and East European review*. 2010. Vol. 88. N 1/2. P. 204–236.
- [6] *Гуркин В.А.* Исследования Среднего Поволжья современниками Карла Линнея // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2011. Т. 20. № 2. С. 182–197.
- [7] *Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- [8] *Bartlett R.P.* Human capital: The settlement of foreigners in Russia, 1762–1804. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979.

- [9] Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909.
- [10] Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 3-е изд. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008.
- [11] Строев А. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- [12] Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. С. 212–237.
- [13] Болотина Н.Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М.: Вече, 2006.
- [14] Зорин А. Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 123–143.
- [15] Зорин А. «Кормя двуглавого орла...». Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- [16] Shönle A. Gardens of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // Slavic Review. 2001. Vol. 60. N 1. P. 1–23.
- [17] Храпунов Н.И. Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 61–62.
- [18] Конкин Д.В. Землеустройство Крыма в конце XVIII – начале XIX вв.: исследования в процессе интеграции (дефект описания) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 232–236.
- [19] Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. Т. 2.
- [20] Каушлиев Г.С. Путешествие в Крым академика В.Ф. Зуева в контексте деятельности Академии наук по изучению новых территорий // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «История». 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 16–20.
- [21] Любименко И.И. Письма академика В.Ф. Зуева. Из его экспедиции на юг России (1781–1782) // Вестник Академии наук СССР. 1934. № 11–12. Стлб. 57–66.
- [22] Соловьев М.М. Академик В.Ф. Зуев (1754–1794) // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 7. Стлб. 25–30.
- [23] Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- [24] Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание. 1766–1782 / Под общ. ред. акад. Д.С. Рождественского; сост. И.И. Любименко. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
- [25] [М-въ]. Зуев, Василий Федорович // Русский Биографический словарь. Т. 7. Жабокритский–Зяловский. Петроград: Тип. Главного Управления Уделов, 1916. С. 558–565.
- [26] Зуев В.Ф. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб.: Императорская Академия наук, [1782]. С. 122–169.
- [27] Зуев В.Ф. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма, 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. СПб.: Императорская Академия наук, 1790. Ч. 5. С. 265–303.

- [28] *Zuief*. Nachrichten von der Krim // Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd-und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie. St. Petersburg; Leipzig: Johann Zacharias Logan, 1783. Bd. 4. P. 249–270.
- [29] *Zuief*. Nachrichten von der Krim // Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783. St. Petersburg: Buchbructeren ben Schnoor, 1783. Bd. 1. P. 3–29.
- [30] *Зуев В.Ф.* О российской торговле по Черному морю // Месяцеслов исторический и географический на 1784 год. СПб.: Императорская Академия наук, [1783]. С. 9–33.
- [31] *Зуев В.Ф.* О российской торговле по Черному морю // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. СПб.: Императорская Академия наук, 1790. Ч. 5. С. 377–401.
- [32] *Zouyef*. Reflexions sur le Territoire Taurique et ses environs // Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1788. T. 3. P. 76–80.
- [33] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой, вступ. ст. Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994.
- [34] *Зуев В.Ф.* Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб.: Императорская Академия наук, 1787.
- [35] *Раев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVIII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 48–79.
- [36] *Герасимов И., Могильнер М., Глебов С.* Новая имперская история Северной Евразии. Гл. VII. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 323–386.
- [37] *Ибнеева Г.В.* Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009.
- [38] *Храпунов Н.И.* Крымский полуостров после присоединения к России в сочинениях Бальтазара фон Кампенгаузена // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики*. 2013. Вып. 18. С. 456–473.
- [39] *Дерий С.П.* К вопросу о деятельности Комиссии по разрешению земельных споров (1802–1810 гг.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики*. 1993. Вып. 3. С. 161–169.
- [40] *Конкин Д.В.* «Мнение относительно Крыма» Н.С. Мордвинова: взгляд русского помещика на земельный вопрос в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.) // *Крымское историческое обозрение*. 2015. № 3. С. 31–46.
- [41] *Конкин Д.В.* Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): «мнения» и «проекты» // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики*. 2016. Вып. 21. С. 375–390.
- [42] *Лашков Ф.Ф.* О камеральном описании Крыма 1784 г. // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. Второе издание. Симферополь, 1897. № 2. С. 22–30.
- [43] Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / сост. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997.
- [44] *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- [45] *Габлиц К.И.* Краткое описание жизни и службы тайного советника Карла Ивановича Габлица // *Сын Отечества*. 1821. Ч. 73. С. 98–112, 145–164.
- [46] *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Laurus, 2012.

- [47] *Ададуров В.* «Наполеонида» на Схoдi Еврoпи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо пiвденно-захiдних країн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів: Видавництво Католицького Університету, 2007. 560 с.
- [48] *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- [49] *Чудинов А.В.* Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования: Сборник памяти Г.С. Кучеренко. М.: РГГУ, 2001. С. 202–243.
- [50] *Габлиц К.И.* Физическое описание Таврической области, по ея местоположению и по всем трем царствам природы. СПб.: Имп. типография у Ивана Вейтбрехта, 1785.
- [51] [*Hablizl C.L.*] Discription physique de la contree de la Tauride, relativement aux trois regnes de la nature. Traduite du russe et enrichie de notes. La Haye: Chez. J. van Cleef, 1788. 298 p.
- [52] [*Hablizl K.*]. Physikalische Beschreibung der Taurischen Statthalterschaft nach ihrer Lage und allen drei Naturreichen / Aus dem Russischen übersetzt von L. Guckenberger. Hannover und Osnabrück: Schmidt 1789. IV, 386 p.
- [53] [*Hablitz*]. The Natural History of East Tartary Traced Through the Three Kingdoms of Nature. Published at Petersburg by the Academy of Sciences. Translated into English from the French Translation, by William Radcliffe. London: Printed by M. Vint; for W. Richardson, 1789. VIII, 199, [1] p.
- [54] *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1896. № 25. С. 89–158.
- [55] *Измайлов В.* Путешествие в Полуденную Россию. Часть третья. М.: Тип. Христоф. Клаудия, 1805.
- [56] *Pallas P.S.* Tableau physique et topographique de la Tauride, tire du journal d'un voyage fait en 1794. St. Petersburg: [De l'Imprimerie de l'Academie Imperiale des sciences], 1795, [6] p.
- [57] *Паллас П.С.* Краткое физическое и топографическое описание Таврической области // пер. Ив. Рижского. СПб.: Императ. Типография, 1795. 72 с.
- [58] *Плещеев.* Обзорение Российской империи в нынешнем ея новоустроенном состоянии. Издание 4-е. СПб.: Импер. типография, 1793. 221 с.
- [59] Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком. Часть 6: Т–Х / Сост. А. Щекатов. М.: Вольная тип. Федора Любиа, 1808. 798 стлб.
- [60] *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1897. № 26. С. 24–154.

История статьи:

Поступила в редакцию: 25 марта 2017 г.

Принята к печати: 22 июля 2017 г.

Для цитирования:

Конкин Д.В. Экономические «открытия» в Крыму в работах В.Ф. Зуева и К.И. Габлица: «дефект описания» // Вестник Российского университета

дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 378–399. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-378-399.

Об авторе:

Конкин Денис Валериевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825» № 15-31-10112.

**ECONOMIC “DISCOVERIES” IN CRIMEA
IN WORKS BY V. F. ZUYEV AND C. L. HABLITZ:
“DEFECT IN DESCRIPTION”**

Denis V. Konkin

Research center of archaeology and history of Crimea,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Prospekt Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295007, Russia
denis_konkin@mail.ru

The problem of adequate and reliable evaluation of the economic and social potential of regions plays a key role in the successful actions of state authorities on their economic development. The historical retrospective shows that incorrect evaluation of economic potential and erroneous shaping of perspective branches may hinder the economic and social development of the region.

The works on Crimea by Vasilii Zuyev and Carl Hablitz are well-known in historiography. However, researchers are usually interested in the “illustrative” materials of these works, which concerned the “natural history” of the peninsula; flora, fauna, geographic and geological peculiarities. The author analyses the works by Zuyev and Hablitz from the point of view of their practical use and profit for the regional economy at the initial stage of the region integration into all-Russia economic space.

The author has found that the data on Crimea collected by Zuyev and Hablitz were rather superficial, with incorrect evaluations of the region’s economic potential and its natural resources, with overestimation of its benefits in comparison with risks and objective difficulties of economic transformations. In spite of their obvious shortcomings, these works were published and widely spread among the literate audience, thus shaping a fair public opinion regarding the economic perspectives of the region among the potential colonists of Crimea: Russian landowners, officials, retired military men, and others.

The author comes to the conclusion that these researches often contained factual errors, thus giving readers and potential colonists incorrect ideas of the economic and natural wealth of this region.

Key words: Russian Empire, Crimea, V.F. Zuyev, C.L. Hablitz, research, economy

REFERENCES

- [1] Ushataja RI. Iz plejady pervyh. K 255-letiju so dnja rozhdenija K.I. Gablica. Bibliograficheskij spisok [From the galaxy the first. To the 255-th anniversary of the birth of K. I. Gablitz. References]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja* [The culture of the black sea]. 2007; 2(98): 115–117 (in Russian).
- [2] Kavun MJe. Akademik Vasilij Zuev i ego «Puteshestvennye zapiski» v kontekste kul'turnoj geografii Severnogo Prichernomor'ja jepohi Prosveshhenija [Academician Vasily Zuyev and his “Travel notes” in the context of the cultural geography of the Northern black sea in the age of Enlightenment]. Zuev VF. *Puteshestvennye zapiski Vasil'ja Zueva ot S. Peterburga do Hersona v 1781 i 1782 godu* [Travel notes Vasilij Zuev from St. Petersburg to Kherson in 1781 and 1782]. Dnepropetrovsk: Gerda Publ., 2011: VIII–XXVII (in Russian).
- [3] Ena VG., Ena AlV., Ena AnV. *Otkryvateli zemli Krymskoj* [Discoverers of the Crimean land]. Simferopol': Biznes-Inform Publ.; 2007 (in Russian).
- [4] Bekasova AV. Izuchenie Rossijskoj imperii jekspedicijami 1760–1780-h gg.: «vzgljad» estestvoispytatelej i formirovanie predstavlenij o gosudarstvennyh bogatstvah [The study of the Russian Empire expeditions 1760–1780-ies: “view” scientists and the formation of a state resources]. *Istoriko-biologicheskie issledovanija* [History of biological research]. 2010; 2 (4): 13–34 (in Russian).
- [5] Moon D. The Russian Academy of Sciences Expeditions to the Steppes in the Late Eighteenth Century. *Slavonic and East European review*. 2010; 88 (1/2): 204–236.
- [6] Gurkin VA. Issledovanija Srednego Povolzh'ja sovremennikami Karla Linneja [Research of the Middle Volga region by the contemporaries of Carl Linnaeus]. *Samarskaja Luka: problemy regional'noj i global'noj jekologii* [Samarskaya Luka: problems of regional and global ecology]. 2011; 20 (2): 182–197 (in Russian).
- [7] Druzhinina EI. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [The Northern black sea region in 1775-1800 years]. Moscow: AN SSSR Publ.; 1959 (in Russian).
- [8] Bartlett RP. *Human capital: The settlement of foreigners in Russia, 1762–1804*. Cambridge etc.: Cambridge University Press; 1979.
- [9] Pisarevskij G. *Iz istorii inostrannoj kolonizacii v Rossii v XVIII v.* [From the history of foreign colonization in Russia in the XVIII century]. Moscow: Pechatnja A.I. Snegirevoj; 1909 (in Russian).
- [10] Pleve IR. *Nemeckie kolonii na Volge vo vtoroj polovine XVIII veka* [The German colonies on the Volga in the second half of the XVIII century]. 3^d ed. Moscow: AOO «Mezhdunarodnyj sojuz nemeckoj kul'tury» Publ.; 2008 (in Russian).
- [11] Stroev A. «Te, kto popravljaet Fortunu». *Avantjursty Prosveshhenija* [“Those who corrects your Luck”. Adventurers of Education]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 1998 (in Russian).
- [12] Godzhi D. Kolonizacija i civilizacija: russkaja model' glazami Didro [Colonization and civilization: Russian model eyes Diderot]. *Evropejskoe Prosveshhenie i civilizacija Rossii* [European Education and civilization of Russia] / otv. red. S.Ja. Karp, S.A. Mezin. Moscow: Nauka Publ.; 2004: 212–237 (in Russian).
- [13] Bolotina NYu. *Knjaz' Potemkin. Geroj jepohi Ekateriny Velikoj* [Prince Potemkin. The hero of the era of Catherine the great]. Moscow: Veche Publ.; 2006 (in Russian).
- [14] Zorin A. Krym v istorii russkogo samosoznaniya [Crimea in the history of Russian national consciousness]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. 1998 (31): 123–143 (in Russian).

- [15] Zorin A. “*Kormja dvuglavogo orla...*”. *Literatura i gosudarstvennaja ideologija v Rossii v poslednej treći XVIII – pervoj treći XIX veka* [“Feeding the two-headed eagle...” Literature and state ideology in Russia in the last third of XVIII – the first third of the XIX century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2004 (in Russian).
- [16] Shönle A. Gardens of the Empire: Catherine’s Appropriation of the Crimea. *Slavic Review*; 2001; 60 (1):1–23.
- [17] Khrapunov NI. Alushta as a Crimean Paradise in the Accounts of Foreign Travelers of the Late 18th – Early 19th. *Izvestija Ural’skogo federal’nogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki* [News of the Ural Federal University. Series 2. Humanitarian sciences]. 2014; 3 (3): 61–62 (in Russian).
- [18] Konkin DV. Zemleustrojstvo Kryma v konce XVIII – nachale XIX vv.: issledovanija v processe integracii (defekt opisaniya) [Land of the Crimea in the late XVIII – early XIX centuries: studies in the integration process (defect description)]. *XVII Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov’ja. Issledovateli i issledovanija* [Researchers and research]. Kerch’; 2016: 232–236 (in Russian).
- [19] Nepomnjashnij AA. Podvizhniki krymovedeniya [Devotees crimidine]. Simferopol’: OAO «Simferopol’skaja gorodskaja tipografija» (SGT); 2008, vol. 2 (in Russian).
- [20] Kaushliev GS. Travel to Crimea academician V.F.Zueva in a context of activity of Academy of sciences on studying of new territories. *Scientific Notes of Taurida V. Vernadsky National University. – Series: History*. 2008; 21 (1): 16–20 (in Russian).
- [21] Lyubimenko II. Pis’ma akademika V.F. Zueva. Iz ego jekspedicii na jug Rossii (1781–1782) [The letter of academician V. F. Zuev. From his expedition to southern Russia (1781–1782)]. *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. 1934; (11–12): 57–66 (in Russian).
- [22] Solov’ev MM. Akademik V.F. Zuev (1754–1794) [Academician V. F. Zuev (1754–1794)]. *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. 1933; (7): 25–30 (in Russian).
- [23] Gnucheva VF., *Materialy dlja istorii jekspedicii Akademii nauk v XVIII i XIX vekah. Hronologicheskie obzory i opisanie arhivnyh materialov* [Materials for the history of the expeditions of the Academy of Sciences in the XVIII and XIX centuries. Chronological overviews and description of archival materials]. Moscow – Leningrad: Akademii nauk SSSR Publ.; 1940 (in Russian).
- [24] Rozhdestvenskii DS., Lyubimenko II., eds. *Uchenaja korrespondencija Akademii nauk XVIII veka. Nauchnoe opisanie. 1766–1782* [Scientific correspondence of the Academy of Sciences of the XVIII century. The scientific description. 1766–1782]. Moscow – Leningrad: Akademii nauk SSSR Publ.; 1937 (in Russian).
- [25] [M-v]. Zuev, Vasilij Fedorovich. *Russkij Biograficheskij slovar’* [Russian Biographical dictionary]. Petrograd: Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov Publ.; 1916; 7: 558–565 (in Russian).
- [26] Zuev VF. Vypiska iz puteshestvennyh zapisok Vasil’ja Zueva, kasajushhihsja do poluostrova Kryma. 1782 goda [Extract from notes to travel Vasili Zuev relating to the Peninsula of Crimea. 1782]. *Mesjaceslov istoricheskij i geograficheskij na 1783 god* [A calendar of historical and geographical in 1783]. St-Petersburg: Imperatorskaja Akademija nauk Publ.; [1782]: 122–169 (in Russian).
- [27] Zuev VF. Vypiska iz puteshestvennyh zapisok Vasil’ja Zueva, kasajushhihsja do poluostrova Kryma, 1782 goda [Extract from notes to travel Vasili Zuev relating to the Peninsula of Crimea. 1782]. *Sobranie sochinenij, vybrannyh iz Mesjaceslovov na raznye gody*

- [A collection of essays selected from Mesyatseslov on different years]. St. Petersburg: Imperatorskaja Akademija nauk Publ., 1790; 5: 265–303 (in Russian).
- [28] Zuief. Nachrichten von der Krim. *Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*. St. Petersburg; Leipzig: Johann Zacharias Logan Publ., 1783; (4):249–270.
- [29] Zuief. Nachrichten von der Krim. *Neues St-Petersburgisches Journal*, vom Jahre 1783. St. Petersburg: Buchbructeren ben Schnoor; 1783; (1): 3–29.
- [30] Zuev VF. O rossijskoj trgovle po Chernomu morju [About the Russian trade on the Black sea]. *Mesjaceslov istoričeskij i geografičeskij na 1784 god* [A calendar of historical and geographical in 1783]. St-Petersburg: Imperatorskaja Akademija nauk Publ.; [1783]: 9–33 (in Russian).
- [31] Zuev VF. O rossijskoj trgovle po Chernomu morju [About the Russian trade on the Black sea]. *Sobranie sočinenij, vybrannyh iz Mesjaceslovov na raznye gody* [A collection of essays selected from Mesyatseslov on different years]. St-Petersburg: Imperatorskaja Akademija nauk Publ.; 1790; 5: 377–401 (in Russian).
- [32] Zouyef. Reflexions sur le Territoire Taurique et ses environs. *Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1788; 3: 76–80.
- [33] Fuko M. *Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk* [Words and things. The archeology of the Humanities]. V.P. Vizgin, N.S. Avtonomov, translators. St-Petersburg: A-cad Publ., 1994 (in Russian).
- [34] Zuev VF. *Puteshestvennye zapiski Vasil'ja Zueva ot S. Peterburga do Hersona v 1781 i 1782 godu* [Travel notes Vasili Zuev from St. Petersburg to Kherson in 1781 and 1782]. St. Petersburg: Imperatorskaja Akademija nauk Publ.; 1787 (in Russian).
- [35] Raev M. Reguljarnoe policejskoe gosudarstvo i ponjatie modernizma v Evrope XVIII–XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podhoda k probleme [Regular police state and the concept of modernism in Europe, the XVIII–XVIII centuries: an attempt of a comparative approach to the problem]. *Amerikanskaja rusistika: Vehl istoriografii poslednih let. Imperatorskij period: Antologija* [American Russian studies: Milestones in the historiography of recent years. The Imperial period: an anthology]. Samara: Samarskij universitet Publ.; 2000: 48–79 (in Russian).
- [36] Gerasimov I., Mogilner M., Glebov S. A New Imperial History of Northern Eurasia [New Imperial history of Northern Eurasia. Ch. VII: The long eighteenth century and the formation of the modernization of the Empire. *Ab Imperio*. 2015; (1): 323–386 (in Russian).
- [37] Ibneeva GV. *Imperskaja politika Ekateriny II v zerkale vencenosnyh puteshestvij* [The Imperial policies of Catherine II, crowned mirror travel]. Moscow: Pamjatniki istoričeskoj mysli Publ.; 2009 (in Russian).
- [38] Hrapunov NI. Krymskij poluostrov posle prisoedinenija k Rossii v sočinenijah Bal'tazara fon Kampengauzena [The Crimean Peninsula after joining Russia in the writings of Balthasar von Campenhausen]. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavriki* [Materials on archeology, history and Ethnography of Taurica]; 2013: (18); 456–473 (in Russian).
- [39] Derij SP. K voprosu o dejatel'nosti Komissii po razresheniju zemel'nyh sporov (1802–1810 gg.) [To the question about the activities of the Commission on settlement of land disputes (1802-1810)]. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavriki* [Materials on archeology, history and Ethnography of Taurica]. 1993: (3); 161–169 (in Russian).
- [40] Konkin DV. N.S. Mordvinov's "The Opinion Regarding the Crimea": A Russian Landlord's Point of View on the Land Question in the Crimea (Late Eighteenth and Early Nine-

- teenth Centuries). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean historical review]. 2015; (3): 31–46 (in Russian).
- [41] Konkin DV. Zemel'nye konflikty v Krymu (konec XVIII – nachalo XIX vv.): «mnenija» i «proekty» [Land conflicts in Crimea (end of XVIII – beginning of XIX centuries): “opinions” and “projects”]. *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavriki* [Materials on archeology, history and Ethnography of Taurica]. 2016; (21): 375–390 (in Russian).
- [42] Lashkov FF. O kameral'nom opisanii Kryma 1784 g. [On the Desk the description of the Crimea, 1784]. *Izvestija Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii* [News of the Taurian scientific archival Commission]. Vtoroe izdanie. Simferopol'; 1897; (2): 22–30 (in Russian).
- [43] Lopatin VS., ed. *Ekaterina II i G.A. Potemkin. Lichnaja perepiska 1769–1791* [Ekaterina II i G.A. Potemkin. Personal correspondence 1769-1791]. Moscow: Nauka Publ.; 1997 (in Russian).
- [44] Tunkina IV. *Russkaja nauka o klassicheskikh drevnostjakh juga Rossii (XVIII – sere-dina XIX v.)* [Russian science of classical antiquities of southern Russia (XVIII – mid XIX century)]. St-Petersburg: Nauka Publ.; 2002 (in Russian).
- [45] Gablic KI. Kratkoe opisanie zhizni i sluzhby tajnogo sovetnika Karla Ivanovicha Gablica [Brief description of the life and service of privy councillor Karl Ivanovich Gablitz]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland]; 1821. Ch. 73; pp. 98–112, 145–164 (in Russian).
- [46] Tolochko A. *Kievskaja Rus' i Malorossija v XIX veke* [Kievan Rus and little Russia in the XIX century]. Kiev: Laurus Publ.; 2012 (in Russian).
- [47] Adadurov V. «Napoleonida» na Shodi Evropi: Ujavlennja, proekti ta dijaj'nist' urjadu Francii shhodo pivdenno-zahidnih okraïn Rosijs'koï imperii na pochatku XIX stolittja [“Napoleonica” in Eastern Europe: Performance, projects and activities of the government of France concerning the South-Western outskirts of the Russian Empire in the early nineteenth century]. L'viv: Vidavnictvo Katolic'kogo Universitetu; 2007 (in Ukrainian).
- [48] Noymann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostej* [The use of “Other”: Images of the East in the formation of European identities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.; 2004 (in Russian).
- [49] Chudinov AV. Francuzskie agenty o polozhenii v Krymu nakanune russko-tureckoj vojny 1787–1791 godov [The French agents on the situation in Crimea before the Russian-Turkish war of 1787–1791]. *Russko-francuzskie kul'turnye svjazi v jepohu Prosveshhenija: Materialy i issledovanija. Sbornik pamjati G.S. Kucherenko* [Russian-French cultural relations in the age of Enlightenment: Materials and studies: Collection in memory of G. S. Kucherenko]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ.; 2001; pp. 202–243 (in Russian).
- [50] Gablic KI. *Fizicheskoe opisanie Tavricheskoy oblasti, po eja mestopolozheniju i po vsem trem carstvam prirody* [The physical description of the Taurian region, she location and across the three kingdoms of nature]. St. Petersburg: Imp. tipografija u Ivana Vejtbrehta Publ.; 1785 (in Russian).
- [51] [Hablizl CL.] *Discription physique de la contree de la Tauride, relativement aux trois regnes de la nature. Traduite du russe et enrichie de notes.* La Haye: Shez. J. van Cleef; 1788.
- [52] [Hablizl K.]. *Physikalische Beschreibung der Taurischen Statthalterschaft nach ihrer Lage und allen drei Naturreichen. Aus dem Russischen übersetzt von L. Guckenberger.* Hannover und Osnabrück: Schmidt 1789: IV.
- [53] [Hablitz]. *The Natural History of East Tartary Traced Trough the Three Kingdoms of Nature.* Published at Petersburg by the Academy of Sciences. Translated into English

- from the French Translation, by William Radcliffe. London: Printed by M. Vint; for W. Richardson, 1789: VIII.
- [54] Lashkov FF. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladienija [Collection of documents on the history of Crimean Tatar land ownership]. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* [News of the Taurian scientific archival Commission]. Simferopol'; 1896; (25): 89–158 (in Russian).
- [55] Izmaylov V. *Puteshestvie v Poludennuju Rossiju. Chast' tret'ja* [The Midday trip to Russia]. Moscow: Tipografija Hristof. Kladija Publ.; 1805 (in Russian).
- [56] Pallas PS. *Tableau physique et topographique de la Tauride, tire du journal d'un voyage fait en 1794*. St. Petersburg: De l'Imprimerie de l'Academie Imperiale des sciences, 1795; (6).
- [57] Pallas PS. *Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisanie Tavricheskoj oblasti* [Brief physical and topographical description of the Taurian region]. St-Petersburg: Imperat. Tipografija Publ.; 1795 (in Russian).
- [58] Pleshchev. *Obozrenie Rossijskoj imperii v nyneshnem eja novoustroennom sostojanii* [Review of the Russian Empire in its present condition Novostroika]. 4th ed. St. Petersburg: Imper. Tipografija Publ.; 1793 (in Russian).
- [59] Shhekatov A. *Slovar' geograficheskij Rossijskogo gosudarstva, opisyvajushhij azbuchnym porjadkom* [Dictionary of the Russian state, describing alphabetic order]. Moscow: Vol'naja tip. Fedora Ljubija Publ.; 1808. Part 6 (in Russian).
- [60] Lashkov FF. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladienija [Collection of documents on the history of Crimean Tatar land ownership]. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii* [News of the Taurian scientific archival Commission]. Simferopol'; 1897; (26): 24–154 (in Russian).

Article history:

Received: 25 March 2017

Accepted: 22 July 2017

For citations:

Denis V. Konkin, Economic “discoveries” in Crimea in works by V.F. Zuyev and C.L. Hablitz: “Defect in description”. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 378–399. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-378-399.

About the author:

Denis V. Konkin, Candidate of sciences (History), Head of the Department of Modern History, Crimean History and Archaeology Research Centre at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol', the Crimean Republik, Russia.

Financing. The study has been carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFFI), the project “Problems of Integration of Crimea into Russia, 1783–1825” No. 15-31-10112.

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-400-413

СИБИРСКАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АППАРАТЕ АБСОЛЮТИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

И.А. Коновалов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, Омск, 50 лет профсоюзов, 100
konov77@mail.ru

В статье на основании дореволюционного законодательства и архивных материалов комплексно рассматривается процесс формирования сибирской полицейской бюрократии. Автор приходит к выводу, что полномочия административно-полицейских органов в регионе имели свою специфику и были значительно более широкими, чем в центральных губерниях Российской империи. Специфической чертой сибирского администрирования с самого начала была большая, чем в центре страны, самостоятельность государственного аппарата. Она обуславливалась отдаленностью от центра и отсутствием в регионе дворянских корпораций, в связи с чем контролирующие, судебные и попечительские функции, выполнявшиеся в центре дворянством, в Сибири возлагались на государственных служащих.

Ключевые слова: История Сибири, власть, местное управление, реформа, администрация, губернатор, полиция, полномочия, выборы, национальная политика

Введение

Возникновение полицейской бюрократии находилось в непосредственной связи со становлением и развитием в стране абсолютизма (полицейского государства), который являлся способом реализации этатистских идей – попыткой организации государства, которое стояло бы над тогдашними социально-классовыми группами. В стремлении доминировать над всеми сословными группами абсолютизм не мог опираться на какую-либо из них. Поэтому возникла потребность создания особой категории людей, которые в известной мере стояли вне сословий и непосредственно занимались государственной службой. Оторванные от общества, эти люди, всем обязанные монарху, являлись послушным инструментом в его руках. Из них образовался сплоченный класс – сибирская полицейская бюрократия. От глубины понимания данной

проблемы во многом зависело решение управленческих вопросов в самой России, будущее не только Сибири, но и всей империи.

Актуальность темы определяется той ролью, которую играет бюрократия в современном мире, в том числе коррупционной составляющей государственной службы.

Изучение поставленной проблемы требует прежде всего обратиться к работам, посвященным местному управлению в Российской империи [1–6]. Среди них особого внимания заслуживают труды, в которых рассматривались особенности местного управления и полицейской бюрократии в Сибири [2; 7–10]. Автор статьи обращался и к исследованиям, в которых затрагивалась политика России на ее Сибирской окраине [11–14].

Вместе с тем процесс формирования сибирской бюрократии XIX в. не получил должного освещения в современной историографии.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе процессов становления и развития полицейской бюрократии в Сибири в начале XIX в. В задачи статьи входят: реконструкция и осмысление как положительного, так и отрицательного опыта, накопленного дореволюционными органами регионального управления, особенностей сибирской полицейской бюрократии; объяснение характера взаимоотношений власти и населения на окраинах Российской империи; выявление тех аспектов в деятельности местных органов власти, которые в силу различных причин редко попадают в поле зрения исследователей.

Структура и полномочия органов Министерства внутренних дел в сибирском регионе

В первой половине XIX в. местное управление в сибирском регионе осуществлялось Министерством внутренних дел (МВД), которое сосредоточило в своих руках почти все административно-полицейские и административно-хозяйственные полномочия. К органам МВД на местах относились губернаторы и их канцелярии, губернские правления, окружные и городские полицейские управления, а также структурно не входившая в систему министерства политическая полиция. Законодательство Российской империи в первой половине XIX в. рассматривало органы МВД прежде всего как органы местного управления общей компетенции, из чего следовало, что почти все действия и дела по управлению подведомственными территориями относились к полномочиям органов полиции.

«Устав благочиния или полицейский» 1782 г. Екатерины II предъявлял достаточно жесткие требования к лицам, заступавшим на руководящие полицейские должности (полицмейстеров, земских исправников и городничих), а именно: честность, верность, человеколюбие, усердие к службе и здравый

рассудок¹. К заступавшим на должности квартальных надзирателей и частных приставов требования «Устава» были пониже – они лишь должны были иметь «прилежание к своим должностям». Однако даже на должности полицмейстера в Томске некоторое время был беглый каторжник Шершпинский, который вошел в доверие к губернатору Санкт-Петербурга Г.Г. Лерхе, скрыв свое преступное прошлое [7, с. 179]. На службе в полиции в сибирском крае часто оказывались лица с неблаговидными формулярами и даже бывшие политические преступники. Из-за нехватки профессиональных управленцев на службе в органах МВД в Сибири состояли декабристы и ссыльные поляки.

На должности полицмейстеров и городничих назначались, как правило, казацкие или армейские офицеры. Вакансии частных приставов заполнялись чиновниками или казачьими офицерами. Квартальными надзирателями часто становились унтер-офицеры казачьих городских полков. Широкое применение городских казаков в сибирских органах МВД удешевляло полицейскую службу, однако, с другой стороны, делало ее менее квалифицированной. В Нерчинске и Барнауле на должностях квартальных надзирателей несли службу чиновники горно-заводского ведомства, а полицейскими стражниками были заводские мастеровые².

Руководящий состав сибирских органов Министерства внутренних дел был заполнен по большей части лицами, хотя и получившими специальное военное образование, но не знакомыми с гражданским и административным законодательством, со способами его толкования и существовавшей практикой правоприменения. Руководители полиции, будучи, как правило, в прошлом армейскими офицерами, попадали на свои должности без специальной подготовки и становились заложниками своих имевших большой служебно-профессиональный опыт приставов и секретарей, которые, в свою очередь, также не имели никакого специального профессионального образования, необходимого для замещения должностей на государственной службе. И образовательный ценз рядовых сотрудников полиции края был недостаточен.

При назначениях на руководящие полицейские должности было широко распространено кумовство и взяточничество. Бывший квартирмейстер Сибирского корпуса И.Ф. Бабков так писал о деятельности статского советника Почкунина, который имел неограниченное доверие западносибирского генерал-губернатора Т.Х. Гасфорда: «Он так ловко повел дело, что назначение на разные должности, например полицейских исправников, зависящие от власти генерал-губернатора, находились в его руках. Ходили слухи, что эти должности были обложены таксой» [8, с. 51]. Почкунин был отстранен от службы лишь при следующем западносибирском генерал-губернаторе А.И. Дюгамеле³.

¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 21. СПб., 1830. № 15379.

² Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 228. Л. 181.

³ ГИАОО. Ф.2200. Оп.11. Д.633. Л.4.

Бюрократизация системы административно-полицейского управления

Финансирование полицейских органов в городах края в первой половине XIX в. осуществлялось главным образом за счет средств органов местного самоуправления. В тех случаях, когда этих средств не хватало, финансирование шло из государственной казны, из сумм, которые поступали от общего земского сбора¹. Квартальный надзиратель в Сибири получал постоянный оклад, в среднем 143 руб. в год, частный пристав – 228 руб., городничий – 429 руб., полицмейстер – 572 руб.² Между тем стоимость проживания в крае возрастала, что получило выражение в падении курса рубля и достаточно серьезном росте цен на продукты и предметы первой необходимости. Так, пшеничная мука в главном административном центре Западной Сибири – г. Омске с 1823 г. за двенадцать лет подорожала на 45 коп., мясо – на 80 коп., масло – на 3 руб., пара сапог – на 1 руб.³ Это серьезно било по интересам полицейских служащих, живших за счет постоянного жалования, поскольку должностные оклады полицейских, которые были установлены еще в XVIII в., оставались неизменными на протяжении первой половины XIX в.

Подобное положение вещей было характерно и для других частей Российской империи. Так, киевский губернатор князь Васильчиков восклицал: «Квартальный надзиратель получает 28 руб. в год, то есть меньше заработка чернорабочего, такое положение управления не может привести ни к чему хорошему» [1, с. 281]. Скучное денежное довольствие подталкивало служащих полиции к взяточничеству, их руководство, как правило, было информировано об этом и даже иногда поощряло коррупцию. Указ от 24 мая 1809 г., который устанавливал за получение взяток даже смертную казнь, остался в Сибири лишь на бумаге [11, с. 281].

Одной из главных причин полицейского произвола была безнаказанность полицейских по отношению к простым подданным, а также их почти полная незащищенность перед начальством. Сотрудники МВД передавались органам суда и прокуратуры своим руководством, которое прежде назначало их на должности. Руководители полиции слишком близко стояли к своим сотрудникам и не могли беспристрастно привлекать их к юридической ответственности. Дореволюционный исследователь В.М. Гессен по этому поводу писал, что руководство полиции, от которого зависели назначения на службу в полицию, было заинтересовано в таких делах, поскольку было ответственно и за назначения на должности в полицию лиц недостойных, и за отсутствие надзора за подчиненными, который обусловил возможность совершения ими правонарушений [2, с. 11]. Сотрудники МВД, известные своим мздоимством,

¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1449. Л. 5.

² ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2327. Л. 31–35.

³ ГИАОО, Ф. 3. Оп.1. Д.1630. Л. 142; Ф. 9. Д. 106. Л. 8.

неисполнением или превышением должностных обязанностей, были защищены от судебно-прокурорских проверок и преследований своими полицейскими руководителями. Наказания полицейских сотрудников были очень редкими, касались как правило рядовых сотрудников и обходили руководителей местных органов внутренних дел [9, с. 83].

В губернских правлениях – главных органах МВД на местах – все сотрудники были подавлены мелочным канцелярским трудом, переписыванием всякого рода бумаг. Кроме того, губернские правления МВД находились в еще более худшем финансовом состоянии, чем другие ведомственные учреждения в губерниях, получавшие с учреждением соответствующих министерств более высокое денежное содержание и более высокие должностные оклады. «Положение в губернской полиции, – утверждал Е.Н. Анучин, – было еще более безотрадным, если что-нибудь еще может быть безотраднее дореформенных российских губерний» [1, с. 37].

В конце 20-х гг. XIX в. городничий г. Ишима Мищенко заставлял работать на строительстве дорог стариков и детей, а некоторых ишимцев принуждал к работе в колодках. Канцелярист Толстик и отдельный заседатель томского окружного земского суда Сергеев «подвешивали подсудимых на дыбе, а также били их палками»¹. В деревне Жуковской местные крестьяне жаловались М.М. Сперанскому на то, что в 1818 г. местный земский исправник Попов велел им навести порядок в деревне, чего раньше не требовал, а затем отдал приказ городовым казакам нарезать целую телегу розг и, собрав крестьян, приказал казакам высечь их, принудил выдать ему пятьсот рублей, после этого чистоты больше с них не требовал, сказав, «теперь живите как хотите» [10, с. 110]. Тюменский окружной земский исправник Де Граве и отдельный заседатель местного окружного земского суда Стрелков незаконно привлекли местных обывателей к дорожному строительству зимой 1825 г., заставляя их давать подписки, что работы выполняются исключительно на добровольной основе². Городничий г. Енисейска Куколевский проехал по городу на местных купцах и чиновниках из-за их жалобы и просьбы о его замене [12, с. 4].

По мнению дореволюционного исследователя В.М. Гессена, полицейской бюрократии было присуще особое отрицательное свойство, редко встречающееся среди западной бюрократии. «Имеется в виду, прежде всего отсутствие самого чувства и понятия законности, – писал он – отсутствие страха и уважения перед законами. Российские чиновники не стеснены в своих действиях законами; собственное противозаконное усмотрение нигде не имеет такого размера, как у нас. Пороки нашей чиновничьей бюрократии такие как взяточничество, неуважение к личности, насилие в административной практике – возникли на почве неуважения к законам и самовластия» [2, с. 11].

¹ РГИА. Ф.1409. Оп. 2. Д. 5212. Л. 4.

² ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 711. Л.1.

Вместо привлечения коррумпированных сотрудников к уголовной ответственности их начальники ограничивались административными взысканиями или прекращением дел после долгой бюрократической переписки. Однако, с другой стороны, в соответствии с действующим законодательством каждый сотрудник полиции, неспособный, по мнению руководства, к выполнению возложенных на него полномочий, мог быть уволенным со службы в полиции без объяснения причин. Увольнение признавалось как окончательное, и никакие апелляции и жалобы на этот счет не принимались. Подобное положение дел создавало полную зависимость служащих от их руководителей: любое, даже противоправное указание руководства, должно было быть выполнено подчиненным [2, с. 12].

Кадровый состав чиновничества и его полномочия

Эффективность деятельности местного администрирования всегда обусловлена не только причинами объективного характера, но и целым рядом субъективных факторов, в частности, кадровым потенциалом сотрудников, которые выполняют административно-полицейские полномочия. Произвол и высокий уровень коррупции в первой половине XIX в. объясняется также сильной бюрократизацией системы административно-полицейского управления, отсутствием самоуправленческих элементов, финансового контроля и независимых судов в крае, социальным составом населения Сибири, где в отличие от центральной России не было дворянских землячеств, способных ограничить вопиющий полицейский произвол.

Выход из создавшегося положения виделся прежде всего в повышении образовательного, нравственного и материального уровня сотрудников, правовой регламентации службы в полиции. В этой связи декабрист Н.В. Басаргин призывал сибирских генерал-губернаторов обращать внимание на морально-нравственные качества назначенных на службу в Сибирь чиновников [13, с. 204]. На всем протяжении первой половины XIX в. в сибирском регионе не только не хватало профессионально подготовленных служащих, но была их постоянная нехватка для простого замещения вакансий. Губернатор Томской губернии в отчете за 1838 г. указывал, что не может быть сколько-нибудь разборчивым в отношении подбора полицейских чиновников, поскольку отстранение нерадивого сотрудника без возможности его заменить «влекло за собой больше проблем и неудобств, чем пользы для местного управления»¹.

Чиновники сибирских органов МВД имели следующие привилегии: как и всем другим чиновникам, им при направлении на службу в сибирский регион выдавались пособия; сокращались сроки выслуги ордена Святого Владимира; были установлены двойные прогоны до места службы и прибавки к окладам

¹ ГИАОО. Ф.3. Оп.2. Д.1805. Л.86.

за каждые пять лет службы; три года службы в Сибири считались за четыре года; предоставлялись пособия на образование детям; были сокращены сроки выслуги первого (XIV) классного чина, кроме того, им предоставлялись и другие более мелкие льготы. Особенно привлекательно выглядело преимущество при производстве в должность, дающую право на получение личного дворянства. Полицейские служащие в Сибири могли стать статскими советниками, не имея аттестата об образовании, требуемого для чинов V–VIII классов. Кроме того, сибирским губернаторам было предоставлено право замещать административно-полицейские должности до девятого класса лицами, вообще не имевшими классного чина. В правление Николая I было издано несколько указов, создававших условия для заполнения местных чиновничьих вакансий лицами с высшим образованием. Так, было запрещено принимать выпускников университетов на службу в столицах, пока они не прослужат несколько лет в губернских органах власти [3, с. 223].

Важнейшими социально-значимыми факторами, оказавшими большое воздействие на реалии прохождения службы в Сибири, были уровень образования, социальное происхождение и имущественное положение чиновников. Манифест «О вольности дворянской» 1762 г. Петра III и «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. Екатерины II упразднили главный сословный пережиток в области прохождения государственной службы – ее обязательный характер для дворянства – и серьезно ослабили границы между сановной бюрократией и простыми служащими, что и стало основой формирования всесословной «чиновной бюрократии» [4, с. 213]. Однако для Сибири также было традиционным деление всех государственных служащих на приезжих из центральной России и местных – с более низким статусом. Они, как правило, были более низкого происхождения, материально хуже обеспечены, имели меньше доверия у высших администраторов и не имели связей в столичных коридорах власти, но хорошо знали положение дел на местах, а также имели родственные и иные связи с верхушкой местного населения.

Среди чиновников высших и средних (IV–VIII) классов преобладали выходцы из дворянства. Значительно меньше дворян, не более 25%, было среди служащих низших (IX–XIV) классов. Служащие IX – XIV классов составляли до 90% управленческого персонала региона. Главным источником существования для большинства сибирских чиновников официально являлась зарплата. По данным А.В. Ремнева, в 20-х гг. XIX в. земельные собственники составляли примерно 1% сибирских чиновников, имевшие собственные жилые дома – около 6,5%. Необходимые месячные расходы неженатого служащего составляли около 48 руб., при зарплате от 15 до 20 рублей в месяц [14, с. 199].

Местные сибирские уроженцы не достигали высших ступеней бюрократическо-иерархической пирамиды, заполняя ее средние и низшие уровни. В первой половине XIX в. не было ни одного генерал-губернатора и губернатора из коренных сибиряков. Большая часть значимых полицейских должностей (губернаторы, вице-губернаторы, полицмейстеры, земские исправники

и городничие) в системе местного управления была занята представителями дворянства. Больше половины высокопоставленных служащих либо приезжали в Сибирь вместе с очередными губернаторами или генерал-губернаторами, либо назначались ими из числа ранее прибывших, либо были присланы коронной администрацией уже в достаточно высоких званиях и чинах на значимые посты.

Среди приезжих особо выделялась группа, в которую входили приезжие дворяне. «Земские почти все были приезжие, закончившие университеты, люди цивилизованные, – указывал исследователь А.В. Ремнев, – они свысока смотрели на иркутских уроженцев, и те сами понимали, что им нельзя равняться с этими великими людьми» [14, с. 61].

Молодые чиновники со связями в Санкт-Петербурге высокомерно держали себя не только по отношению к казачьим офицерам, но и по отношению ко всему сибирскому «служилому классу», что порождало неприязненное отношение к ним со стороны сибиряков. Недовольные надменным поведением приезжих чиновников, карьеристскими и рваческими настроениями, распространенными в их среде, коренные сибиряки присвоили им презрительную кличку «навозные». Кроме льгот по прохождению службы, уроженцев центральной России притягивали в Сибирь слухи о том, что здесь можно быстро сделать карьеру или поправить свое материальное положение. Подобными лицами пополнялся средний и высший слой сотрудников органов внутренних дел, часть из которых быстро адаптировалась на местах и нередко после нескольких лет пребывания в крае уже входила в состав местной элиты.

Деление на сибиряков и приезжих накладывалось на сословную стратификацию, но не совпадало с ней – среди сибирских чиновников было значительно меньше дворян, чем в центральных губерниях, к тому же сибирское дворянство было беспоместным. Довольно значительный слой полицейских руководителей среднего звена (частные и стантовые приставы) рекрутировались в Сибири из представителей казачьего сословия, детей канцелярских служащих и священников. Социально-активные дети казачьих офицеров, разночинцев и духовенства являлись главным источником кадрового обеспечения низшего звена полицейского аппарата в Сибири.

Таким образом, в Сибири в среде управленческой элиты в первой половине XIX в. достаточно часто возникали противоречия между старыми сибирскими полицейскими бюрократами, породнившимися с местным купечеством, и высшими администраторами, окружившими себя выходцами из центральной России. Служба на низших, даже офицерских полицейских должностях была непрестижна среди сибирской элиты. «Должности и исправника, и заседателей земского суда, и, особенно впоследствии, стантовых приставов, – писал И.Е. Андреевский, – сделались не только неприглядными и непочетными, но умалили почет тех, которые соглашались попробовать в этой области свои дворянские силы» [5, с. 128].

Сибирская полицейская бюрократия приобрела в первой половине XIX в. качества кастовой, олигархичной и замкнутой организации. «Так же как любая олигархия, чиновничья бюрократия стремилась к обособленности; она создавала свой особый мирок самодовлеющих интересов, особый род людей “командующих”, – указывал В.М. Гессен, – отсюда происходил тот особый “бюрократический дух”, который выражался в преувеличенной оценке бюрократов-чиновников и в пренебрежении к простым подданным. Этот дух бюрократии имелся в виду Чичериным и Модем, признававшими “высокомерие бюрократии” одним из главных ее качеств. Также как олигархи, бюрократы любят окружать себя тайнами. Поскольку тайное нравится массам. Спутники таинственности – недоверие и подозрительность. Бюрократы боятся всего – одаренных личностей, самостоятельности гражданского общества, свободы в любых проявлениях, а сильнее всего – свободы слова. Они любят покой; к ним применимо древнее изречение: *solitudinem faciunt, pacem appellant* (они делают пустыню и это называют миром)» [2, с. 8].

Главным источником средств к существованию для основной массы сибирских полицейских чиновников было получаемое за службу денежное довольствие, которое делало их зависимыми от государства, способствовало лояльному отношению к существующему политическому режиму и формированию верноподданнической психологии. Воля непосредственного начальства, служебное усердие, личная предприимчивость были существенными факторами их жизни. В рассматриваемый период рядовые сотрудники полиции не могли похвалиться высокими доходами и достойным материальным положением.

Служба в органах полиции, кроме соответствующей профессиональной подготовки, требовала также знаний текущего имперского законодательства. Несмотря на проведенную М.М. Сперанским кодификацию российского законодательства за период с 1842 по 1854 г., в стране было отменено, дополнено или изменено 16430 статей Свода законов. Кроме того, каждый год принималось до тысячи новых нормативно-правовых актов [1, с. 79]. Однако сколько-нибудь систематическое образование (высшее и среднее) имела только 1/10 часть всех служащих полиции¹. Остальные полицейские соответствовали лишь минимальным требованиям, которые предъявлялись к заступавшим на службу, то есть умению писать, читать, знать основы математики и грамматики². Генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич докладывал в Санкт-Петербург, что сибирские земские суды комплектуются полицейскими «с самыми ограниченными способностями»³.

С момента учреждения полиции вплоть до середины XIX в. в Российской империи отсутствовал сколько-нибудь систематический перечень правонару-

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 31. Л. 109; ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1630. Л. 53; Оп. 2. Д. 2759. Л. 158.

² СЗ РИ. Т. 3. Кн. 1. СПб., 1842. Ст. 10.

³ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228. Л. 15.

шений и наказаний, совершенных сотрудниками полиции. За совершенные должностные преступления и проступки, если это не было оговорено специально в законе, полицейские несли ответственность, как и военнослужащие, в соответствии с «Воинским Уставом». За проступки по службе нижние чины полиции, так же как и нижние чины в вооруженных силах, наказывались битьем шпицрутенами и арестом.

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. упорядочило систему наказаний полицейских. Статьи 475–488 «Уложения» специально были посвящены преступлениям и проступкам полицейских.

Статья 475 «Уложения» гласила, что полицейский, по «нерадению» допустивший правонарушение, которое он мог предотвратить, должен был быть подвергнут в зависимости от важности правонарушения вычету из срока службы до 1 года или выговору с занесением его в послужной список или увольнению. Если же это было умышленное деяние, то «Уложение» предусматривало отстранение от должности, увольнение, тюремное заключение до 2 лет, ссылку в отдаленные местности до 2 лет, с лишением преимуществ и прав. В случае умышленного превышения должностных полномочий или при противозаконных бездействиях и попустительствах сотрудник МВД мог быть привлечен к уголовной ответственности и уголовному наказанию. Уволенный со службы полицейский был лишен права вновь быть принятым на службу органы внутренних дел. Отрешенные от должностей полицейские не могли быть приняты на службу в органы МВД в течении трех лет [6, с. 297, 405].

За незаконное заключение и содержание под стражей статья 477 устанавливала отстранение от должности или вычет из общего срока службы до 1 года или увольнение. Статья 480 «Уложения» 1845 г. устанавливала ответственность полицейских за содержание под стражей свыше определенных судебными решениями сроков. В случае побегов арестантов или рекрутов ст. 481 устанавливала для полицейских чиновников арест до 3 месяцев, а для нижних чинов – наказание розгами до 30 ударов.

Статья 482 под угрозой увольнения категорически запрещала применять насилие в отношении лиц, находящихся под стражей. За противоправные действия и насилие в отношении заключенных для нижних чинов предусматривалось наказание розгами до 40 ударов. Строгий выговор с занесением в послужной список предусматривался за непредоставление начальству бумаг и прошений, поданных арестованными. Статьей 483 «Уложения» была установлена ответственность сотрудников МВД за «нерадение» при выполнении судебных решений, а также за вред, причиненный действиями полицейских. Ст. 484 установила, что за «пристрастное отношение» к «одной тяжущейся стороне» полицейский был должен возместить причиненный ущерб потерпевшей стороне. Впрочем, особенно в земской полиции, сибирские чиновники считали такое наказание несущественным, поскольку свои потери восполняли раскладкой на обывателей, поэтому такие наказания не достигали своих целей.

Кроме вышеуказанных видов наказаний полицейские могли быть подвергнуты «лишению всех преимуществ и прав», заключениям в смиренных домах на срок до одного года (ст. 485), ссылкам в отдаленные местности, каторжным работам и лишению всех прав состояния. Выговоры и замечания без внесений в послужной список, заключение под арест сроком до 7 дней могли назначаться полицейским не только решениями судов, но и по распоряжениям их непосредственных начальников [6, с. 406].

Отличительной чертой местного управления в Сибири была также большая самостоятельность государственного аппарата, чем в центре империи. Большинство сибирских полицейских чиновников рассматривали свою службу не только как государственную, но и как источник пополнения личного бюджета, превращая свои должности в доходные места. Такое положение на окраине было более живучим и заметным, чем в центральных губерниях страны, где уровень квалификации сотрудников и их материальное обеспечение отличалось от сибирской окраины в лучшую сторону.

Выводы

Ситуация усугублялась также несоответствием высокого социального статуса, сообщаемого должностью на государственной полицейской службе, и относительно невысоким материальным содержанием, особенно среднего звена, сибирской полицейской бюрократии. Это создавало и в последующие десятилетия дополнительные стимулы для существования коррупционной системы. Для подтверждения высокого общественного положения сибирская полицейская бюрократия в XIX в. искала дополнительные источники доходов, занимаясь не только предпринимательством, но взяточничеством и казнокрадством. Коронная власть, не имея возможностей создать достаточно высокий прожиточный уровень местным чиновникам, была вынуждена смотреть сквозь пальцы на процветавшую в Сибири коррупцию.

© Коновалов И.А., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 228, 711, 1449, 1630, 2327; Ф. 3. Оп. 2. Д. 1805, 2759; Ф. 9. Д. 106; Ф. 2200. Оп. 11. Д. 633.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 21. СПб., 1830. № 15379.

Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 31; Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5212.

Собрание законов Российской империи (СЗ РИ). Т. 3. Кн. 1. СПб., 1842. Ст. 10.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Анучин Е.Н.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872.
- [2] *Гессен В.М.* Вопросы местного управления. СПб., 1904. 136 с.
- [3] *Лохвицкий А.* Губерния. Ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб., 1864.
- [4] *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 205–210.
- [5] *Андреевский И.Е.* Реформа исполнительной полиции в России // Сборник государственных знаний. СПб., 1878.
- [6] Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Под ред. О.И. Чистякова Т. 5. М., 1984.
- [7] Город Томск. Томск, 1912.
- [8] *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. Т. 1–2. СПб., 1912.
- [9] *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2002.
- [10] *Прутченко С.М.* Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1–2.
- [11] *Андреевич В.К.* Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Т. 2.
- [12] *Альциулер М.И.* Земство в Сибири. Томск, 1916.
- [13] *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1988.
- [14] *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995.

История статьи:

Поступила в редакцию: 6 марта 2017 г.

Принята к печати: 22 июля 2017 г.

Для цитирования:

Коновалов И.А. Сибирская полицейская бюрократия в государственном аппарате абсолютизма в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 400–413. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-400-413.

Информация об авторе:

Коновалов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия.

SIBERIAN POLICE BUREAUCRACY IN THE STATE APPARATUS OF ABSOLUTISM IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Igor A. Konovalov

Omsk state University F.M. Dostoevsky Russia
100, 50 let Profsoyuzov, Omsk, 644077, Russia
konov77@mail.ru

Based on the pre-revolutionary legislation and archive materials, the article comprehensively considers the process of the formation of the Siberian police bureaucracy in the early 19th century. The objectives of the article are as follows: the reconstruction and comprehension of both positive and negative experience accumulated by the prerevolutionary regional government bodies, as well as of the peculiarities of the Siberian police bureaucracy; the explanation of the nature of the interrelations between the government and the population of the outskirts of the Russian Empire; the identification of those aspects in the activities of local authorities, which for various reasons rarely come into the view of researchers. The author concludes that in the first half of the 19th century the State administration was not separated from police activities, the administrative and police authorities in the region were de facto merged. A specific feature of the Siberian administration was the greater autonomy of the political machinery rather than in the country's centre. It was conditioned by the remoteness from the centre and by the absence of nobility associations in the region. Due to this, the controlling, judicial and trustee functions, exercised by the nobility in the centre, in Siberia were assigned to civil servants. The main conclusion is that the powers of the administrative and police authorities in the region had their own features and were much wider than in the central provinces of the Russian Empire.

Key words: Siberia, self-government, administration, governor, authorities, national policy

REFERENCES

- [1] Anuchin EN. *Istoricheskiy obzor razvitiya administrativno-policejskih uchrezhdenij v Rossii s Uchrezhdenija o gubernijah 1775 g. do poslednego vremeni* [A historical overview of the development of administrative and police institutions in Russia with the Establishment of the provinces in 1775 to the last time]. St. Petersburg; 1872 (in Russian).
- [2] Gessen VM. *Voprosy mestnogo upravlenija* [Local government issues]. St. Petersburg; 1904 (in Russian).
- [3] Lohvickij A. *Gubernija. Ejo zemskie i pravitel'stvennye uchrezhdenija* [Province. Its rural and government agencies]. St. Petersburg; 1864. Ch. 1. (in Russian).
- [4] Demidova NF. *Bjurokratizacija gosudarstvennogo apparata absolutizma v XVII–XVIII vv.* [The bureaucratization of the state apparatus of absolutism in the XVII–XVIII centuries]

- Absoljutzizm v Rossii (XVII–XVIII vv.) [Absolutism in Russia (XVII–XVIII)]. Moscow; 1964. P. 205–210 (in Russian).
- [5] Andrievskiy IE. *Reforma ispolnitel'noj policii v Rossii. Sbornik gosudarstvennyh znaniy* [A collection of public knowledge]. St. Petersburg; 1878 (in Russian).
- [6] Chistjakov OI., ed. *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V devjati tomah* [Russian legislation X–XX centuries]. Moscow, 1984. Vol. 5 (in Russian).
- [7] *Gorod Tomsk* [The City of Tomsk]. Tomsk; 1912 (in Russian).
- [8] Babkov IF. *Vospominanija o moej sluzhbe v Zapadnoj Sibiri* [Memories of my service in Western Siberia]. St. Petersburg; 1912. 1–2 (in Russian).
- [9] Mathanova NP. *Vysshaja administracija Vostochnoj Sibiri v seredine XIX v.: Problemy social'noj stratifikacii* [The higher administration of Eastern Siberia in the mid-nineteenth century: Problems of social stratification]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf Publ.; 2002 (in Russian).
- [10] Prutchenko SM. *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovlenija, svjazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravlenija russkogo gosudarstva. Istoriko-juridicheskie očerki* [Siberian margin. The regional setting associated with the Siberian institution of 1822, in the structure of management of the Russian state. Legal and historical essays]. St. Petersburg; 1899. 1–2 (in Russian).
- [11] Andrievich VK. *Sibir' v XIX stoletii* [Siberia in the XIX century]. St-Petersburg; 1889. 2. (in Russian).
- [12] Al'tshuler MI. *Zemstvo v Sibiri* [The Zemstvo in Siberia]. Tomsk; 1916 (in Russian).
- [13] Basargin NV. *Vospominanija, rassказы, stat'i* [Memories, stories, articles]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo; 1988 (in Russian).
- [14] Remnev AV. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaja politika v pervoj polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX century.]. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta; 1995 (in Russian).

Article history:

Received: 6 March 2017

Accepted: 22 July 2017

For citation:

Igor A. Kononov, Siberian police bureaucracy in the state apparatus of Absolutism in the first half of the 19th century. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 400–413. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-400-413.

About the author:

Igor A. Kononov, Candidate of sciences (History), Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law at Omsk State University, Omsk, Russia.

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-414-428

**НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПОСТРАДАВШИХ
В ПЕРИОД ГОНЕНИЙ НА РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ
В СССР В 1920–1930-Е ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ Г. МОСКВЫ)**

Е.Г. Балашова

Синодальный отдел религиозного образования и катехизации
Русской Православной Церкви
127051, Россия, г. Москва, ул. Петровка, 28/2
pravob@mail.ru

В статье приведены новые сведения о пострадавших за веру в XX в. клириках и прихожанах Высоко-Петровского монастыря г. Москвы, а также о плодах взаимодействия настоятеля монастыря архиепископа Варфоломея (Ремова) с католиками, путем привлечения вновь обнаруженных документов в частных и зарубежных архивах, более тщательного критического и сравнительного анализа уже известных источников, а также интервьюирования лиц, лично знавших тех, кто был репрессирован и дожил до второй половины XX в. Сведения открывают новые страницы в истории гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, новомученики, Высоко-Петровский монастырь, архивы, католичество

Введение

В 1990–2000-х гг. была проделана огромная работа по выяснению различных обстоятельств гонений на Русскую Православную Церковь в первой половине XX в. Результаты этих исследований были опубликованы, более того, во многих случаях стали основанием написания житий новомучеников и исповедников Церкви Русской, а также богослужебных текстов. Однако за пределами уже проведенной работы остается довольно большой массив источников, сведения которых представляют несомненный научный интерес. В частности, это касается источников по истории московского Высоко-Петровского монастыря.

Краткий обзор литературы. Наибольшее число публикаций о пострадавших в годы гонений относится к лицам, прославленным в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской. Среди них – работы игумена Дамаскина (Орловского) [1 и др.], девятитомник житий новомучеников Московской

епархии [2] (судебно-следственные дела священнослужителей и мирян, арестованных и осужденных в Москве и Московской области, были выявлены Московской епархиальной комиссии по канонизации святых в полном объеме) и многие другие. Истории гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. посвящена, например, значительная часть системного труда протоиерея Владислава Цыпина [3]. В этих и других изданиях есть и информация, касающаяся жизни и подвига прославленных в Соборе новомучеников и исповедников клириков и прихожан Высоко-Петровского монастыря – священномученика Макария (Гневушева), преподобномучеников Макария (Моржова), Игнатия (Лебедева), Варлаама (Никольского), Германа (Полянского), Космы (Магды), Феодора (Богоявленского), мучеников Николая (Варжанского) и Иоанна (Попова).

Некоторое число публикаций посвящено в целом жизни Высоко-Петровского монастыря в 1920–1930-е гг. [4–6] и его настоятелю епископу (с 1934 г. архиепископу) Варфоломею (Ремову), расстрелянному 10 июля 1935 г. [6–13].

Изучение материалов и источников, связанных с именами новомучеников и пострадавших в годы гонений клириков и прихожан обители, помогло восстановить более полную картину жизни монастыря и православной Москвы в начале XX в. Эти материалы также легли в основание создания иконы «Собор новомучеников и исповедников Высоко-Петровского монастыря», написанной О.В. Клодт по благословению наместника обители епископа Меркурия, ныне митрополита Ростовского и Новочеркасского, и освященной им в день памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской 13 февраля 2011 г.

В конце 2000-х гг. появляется все больше сведений не только о прославленных святых, но и о тех, кто пострадал в годы гонений, но чьи имена по разным причинам к настоящему моменту не вошли в месяцесловы. Информация о них в большинстве случаев получена из документов, хранящихся в российских архивах – Центральном архиве ФСБ РФ (например, следственные дела в отношении клириков и прихожан Высоко-Петровского монастыря: Р-27416, Р-28266, Р-37074, Р-39843, Р-46689 и другие), Государственном архиве Российской Федерации (следственные дела в фонде 10035 «Управление Комитета Государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области» за 1918–1998 гг.). Однако существует еще несколько групп источников, которые содержат важные сведения. В их числе:

1. Частные архивы – собрания документов, хранящиеся, как правило, у историков, которым эти документы были переданы их авторами или хранителями для проведения исследовательской работы и сохранения ценной информации. Чаще всего эти материалы уже описаны, но не могут быть быстро исследованы в полном объеме и обнародованы, в основном из-за занятости их хранителей и отсутствия у них адекватной помощи. К тому же многие рукописные документы для анализа и публикации требуют иногда не только набора, но и достаточно длительной расшифровки. Так, например, в архиве тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря, который хранится у историка А.Л. Беглова, довольно много писем, открыток, записей проповедей настоятеля монастыря епископа (с 1934 г. – архиепископа) Варфоломея (Ремова) и других

старцев обители, бережно сохраненных их духовными чадами. Некоторые из писем владыки Варфоломея почти невозможно прочитать из-за неразборчивого почерка, связанного с тяжелым состоянием здоровья владыки. Некоторые важные материалы также были найдены в архивах историка Сергея Алексеевича Беляева и инока Петра (Шейманидзе). Документы, касающиеся истории семьи архиепископа Варфоломея, хранятся в семейном архиве внучатой племянницы владыки Ирины Алексеевны Чубуковой.

2. Зарубежные архивы. Большинство источников, содержащихся в зарубежных архивах, иноязычны и требуют времени не только на осмысление и анализ, но и на перевод. Так, в итальянском архиве католического епископа Пия Эжена Невё¹, апостольского администратора в Москве в 1926–1936 гг., находятся сотни листов документов, описывающих состояние не только католической, но и Русской Православной Церкви, а также относящихся в целом к истории нашей страны. Дело в том, что епископ Невё каждые две недели аккуратно направлял в католическую комиссию «Про Руссия» подробные письма-отчеты на трех-четырёх листах, плотно занятых машинописным текстом. В этих письмах Невё писал обо всем, о чем узнавал за прошедший период – от таких значимых событий, как взрыв Храма Христа Спасителя или реакция митрополита Сергия (Страгородского) на опубликованную «Декларацию» в 1927 г., до анекдотов и уличных зарисовок. В письмах Невё, который неоднократно встречался с епископом Варфоломеем, сохранилась информация о самом владыке и клириках и прихожанах Высоко-Петровского монастыря. Некоторые из этих писем (отрывки из них) опубликованы [11; с. 306, 307, 309 и др.].

3. Рассказы духовных чад священнослужителей, которые в годы гонений были членами петровской общины и дожили до преклонных лет. В этом контексте нужно обратить внимание на недавние встречи с духовными чадами иеромонаха Пафнутия (Уткина), почившего в 1978 г. В молодости он был прихожанином и послушником Высоко-Петровского монастыря, что подтверждается данными следственного дела 1932 г.²

Можно привести несколько важных для истории Высоко-Петровского монастыря сведений, извлеченных из названных источников.

Новые данные из частных архивов

В личном архиве С.А. Беляева есть машинописные материалы М.Е. Губонина, известного исследователя жизни Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона, в том числе воспоминание одного из старцев обители, игумена Митрофана (Тихонова) о служении святителя Тихона в Высоко-Петровском монастыре. Вот отрывок из этого воспоминания: «...Служил как-то всенощную в Петровском монастыре Святейший Патриарх. Монастырь этот был

¹ Находится в Les Archives de la Congrégation des Augustins de l'Assomption [Архив Генеральной курии конгрегации Ассумпционистов] (Рим, Италия). В данной статье документы этого архива отмечены буквами АА (Архив Ассумпционистов).

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75521. Л. 106 об.

известен в то время своим необыкновенным личным составом начиная с настоятеля – премудрого епископа Варфоломея (Ремова) и кончая последним послушником. Все здесь было не как у всех: все делалось по уставам и святоотеческим завещаниям и преданиям давно не существующих пустыней и скитов разгромленных ныне; по каким-то забытым уже всеми и только лишь здесь соблюдавшимся традициям. Служили неизменно – дольше всех, кланялись – ниже всех, выглядели – смиреннее всех. Все было свято, благолепно и по чину... Даже кадила возжигали и тушили тогда, когда это было положено по типикону, а не как пономарю или свечкодую взглянется или вздумается. Ради патриаршего служения на этот раз и читать шестопсалмие поручено было не обычному или “рядовому” “учиненному брату”, а, чести ради, известному в Москве батюшке, отцу Сергию Голощапову, “приметавшемуся” в Петровское монастыре, в силу того, что исповедывал подобно многим другим непререкаемый принцип: “все кругом пустырь; на свете есть один – Петровский монастырь!”...» [14, с. 191].

Из перепечатанного там же «Богослужебного дневника Святейшего Патриарха Тихона» получена информация о нескольких богослужениях, совершенных святителем Тихоном в Высоко-Петровском монастыре, начиная с 1918 г. [14, с. 409, 414, 415, 438], а также о сослужениях ему в других храмах настоятеля монастыря епископа Варфоломея (Ремова). 18 июня (1 июля) 1924 г. святителем Тихоном было отслужено здесь всенощное бдение в день празднования Боголюбской иконы Божией Матери – престольный праздник последнего из открытых для верующих храмов обители. Интересно, что уже через день, 3 июля (н. ст.) вышло постановление Президиума Моссовета: «Опечатать все здания культа Высоко-Петровского монастыря и акт опечатания направить в срочном порядке в Отдел Админ. надзора»¹.

А вот что пишет Губонин о самом отце Митрофане: «Духовник Высоко-Петровского монастыря, старец о. игумен Митрофан, весьма почтенный, уважаемый и благодатный старец... пользовался огромным почитанием народа. Он был выходцем из Зосимовой пустыни и считался одним из столпов духовного строя Петровского монастыря в период управления последним Преосвященным Варфоломеем (Ремовым). После разгрома монастыря все его лучшие монахи были, конечно, сосланы в разные концы земли Русской. По-видимому, эта же участь постигла и о. Митрофана.

В середине двадцатых годов, в период тайного воссоздания иерархии во избежание пресечения благодатного преемства в Церкви (т.к. епископат находился в тюрьмах и концлагерях) был упорный слух о том, что о. Митрофан является одним из тайно хиротонисанных архиереев, которые обязаны были до поры до времени скрывать свое епископство, дабы не подвергнуться общей участи с епископами явными» [14, с. 498].

У того же Губонина упоминаются некоторые имена людей, не известные по другим источникам. Так, он пишет, что в составе братии Высоко-Петровского монастыря был «Серафим (Крутень, закончивший дни свои в сане схи-игумена, в Одесском архиерейском доме)» – схиигумен Савватий,

¹ Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 1215. Оп. 3. Д. 74. Л. 101.

несколько лет проведенный в лагерях; что среди монастырских послушников был «некий Василий Петрович, обладатель обширной конспиративной богословской библиотекой, – окончивший дни свои на Соловках» [15; с. 21].

Материалы архива ассумпционистов в Риме

В итальянском архиве Генеральной курии конгрегации Ассумпционистов в Риме есть множество материалов, относящихся к переписке епископа Пия Эжена Невё с руководителем Комиссии «Про Руссия» епископом Мишелем д'Эрбиньи, в том числе касающихся настоятеля и братии Высоко-Петровского монастыря.

Следует отметить, что если Русскую Православную Церковь власти воспринимали как идеологического врага, то католиков – не только как идеологического, но и как политического.

С католической церковью борьба велась с не меньшим упорством, чем с православной, и поэтому перед лицом общей беды христиане разных конфессий искали возможность помогать и поддерживать друг друга. В то же время, с одной стороны, бывали и случаи прямого прозелитизма со стороны католиков, такие случаи тоже описаны у епископа Невё, а, с другой стороны, бывало, что сами православные, а чаще обновленцы искали возможности единения с Римом. Епископ Невё в своих письмах иногда упоминает о симпатиях к католичеству со стороны известных своей твердостью в православии пастырей и архипастырей, возможно, принимая за таковое простое человеческое – христианское – участие в судьбе гонимых католиков. Так, например, в письме от 15 марта 1929 г. епископ Невё пишет: «На Соловках эпидемия сыпного тифа. Мне не сообщали о смертях среди наших, но мне передали о смерти православного епископа Петра Зверева¹, очень достойного и благочестивого и склонного к католичеству, как мне сказали»². В письме от 10 июня 1930 г. говорится: «Волна террора, остановившаяся с февраля, возобновляется: у православных только что арестован отец Митрофан, последний старец, который исповедовал лучшую часть духовенства Москвы. Раньше он был прикреплен к Петровскому монастырю и был довольно хорошо расположен к католичеству»³. Речь о том же самом старце Митрофане, воспоминания о котором приведены у Губонина. В последний раз он был арестован весной 1941 г. и, по некоторым данным, расстрелян в тюрьме в 1943 г.

В письмах епископа Невё и некоторых других документах, хранящихся в том же архиве, неоднократно упоминается имя епископа Варфоломея (Ремова) в связи с тем, что православный и католический епископы были хорошо знакомы, часто встречались и даже дружили. Судя по описаниям епископа Невё, в этих письмах владыка Варфоломей постепенно склонялся к тайному принятию католичества и в 1932 г. осуществил этот переход. В результате в 1933 г. были созданы два декрета. Первый датирован 25 февраля, в нем от имени

¹ Священномученик Петр, архиепископ Воронежский, скончался от тифа в Голгофо-Распятском скиту на острове Анзер (Соловки) 7 февраля 1929 г.

² АА, 2ЕР 10. Р. 2 (1929).

³ АА, 2ЕР 63. Р. 2 (1930).

Римского Папы Пия XI говорится о создании титулярной католической Сергиевской кафедры с возведением на нее в сущем сане епископа Варфоломея (Ремова), «уже облеченного епископским саном в восточном обряде, определив ему быть титулярным епископом Сергиевским»¹. Вторым подобным документом, от 3 июля того же года, епископ Варфоломей назначался викарным епископом монсеньера Невё для католиков восточного обряда². Полные тексты декретов приводит в своей книге Антуан Венгер [11; с. 311].

Важно отметить, что документы, хотя и были направлены из Рима (причем одновременно), не имеют никаких регистрационных номеров и иных подписей, кроме подписи епископа Илионского Мишеля д'Эрбиньи и, очевидно, заранее проставленной на бланке подписи секретаря комиссии «Про Руссия» Ф. Джоббе. Епископ д'Эрбиньи – руководитель комиссии «Про Руссия» – имел полномочия от Папы координировать всю деятельность Католической Церкви в России.

Еще одна деталь – оба документа, с разницей в дате более четырех месяцев, написанные Мишелем д'Эрбиньи от руки, по своим характеристикам (почерк, чернила и т.д.) совершенно идентичны. Информация о них появляется в письме Мишеля д'Эрбиньи к Пию Невё от 8 июля того же года, причем в самом конце письма есть лишь строка: «Я думаю о том, чтобы передать Вам с этим письмом два декрета для Владыки», а уже с пометкой «вечер» о столь немаловажных декретах д'Эрбиньи пишет припиской на полях, обращая внимание Невё на то, что к письму «прилагается текст двух декретов, которые Вы передадите, когда Вам покажется своевременным. Вам также судить о том, чтобы дать права и над верующими латинского обряда путем использования механизмов экстраординарных способностей»³.

Таким образом, внимательное исследование в архивах документов, полностью (как в случае с текстами декретов) или частично (как в случае с сопровождающим письмом д'Эрбиньи) ранее опубликованных, может дать новую информацию, в данном случае заставляющую усомниться, во-первых, во времени создания декретов, во-вторых, в том, что об их создании было известно Папе Пию XI, от имени которого они были написаны, а также в том, что сам их автор был уверен, что их положения будут реализованы.

Критический и компаративный анализ источников, происходящих из зарубежных архивов

Еще одну возможность для получения новой информации дает нам сопоставление текстов документов с теми данными, которыми мы располагаем из других источников. Так, в письмах епископа Пия Невё неоднократно подчеркивается приверженность владыки Варфоломея католичеству, однако эти же

¹ АА, 2ES 56 (1933). Оригинал на латинском языке. Автограф. Сверху напечатан гриф: Pontificia Comissia Pro Russia. Номер протокола отсутствует; две подписи.

² АА, 2ES 57 (1933) (идентичные характеристики).

³ АА, 2DY 107. P. 1–3 (1931) // цит. по: Венгер Антуан. Рим и Москва. 1900–1950 / Предисл. Н. Струве. М.: Русский путь. (Пер. с фр. по изданию: Wenger F. Rome et Moscou. 1900–1950. Paris, desclée de Brouwer, 1987). С. 304.

письма заставляют усомниться в этом. В своих словах владыка Варфоломей, очевидно, хотел показать епископу Невё и его начальникам вплоть до Папы Пия XI, которому он направил несколько поздравительных писем¹, что он – тайный католик, однако его дела, судя по воспоминаниям тех, кто был рядом с ним, ничем это не подтверждают. Так, епископ Невё дважды в своих письмах упоминает о конкретных заданиях, которые он дает владыке Варфоломею. В письме от 20 июня 1932 г. он пишет: «Он [владыка Варфоломей] спросил меня, как действовать для того, чтобы приблизить идею объединения? Я сказал ему, что нужно провозглашать необходимость объединения публично в проповедях, делать желанным объединение, объясняя слова нашего Господа после Тайной Вечери, добавляя историю Церкви перед разделением, выделяя как главное силу, которую дает Единство Церкви христианам, и т.д. И в частности, в кругу своих духовных чад я предложил ему создать простое сообщество молитв о Единстве, присоединяя их к исповеди»². В письме от 1 августа 1932 г. при описании встречи с владыкой епископ Невё вновь пишет о таком же разговоре, но произошедшем месяц спустя: на вопрос владыки «“Что Вы предложите мне делать конкретно?” – я повторил ему то, что я ему уже говорил: 1) в проповедях напоминать догмат об истинном единстве Церкви; 2) духовным чадам предписать молиться о Единстве; 3) душам наиболее подготовленным и внушающим доверие говорить о необходимости быть в единстве с Римом и о том, чтобы готовить себя к этому, чтобы осуществить желание и молитву Спасителя накануне Его смерти. (Я констатировал, что этот призыв к священной молитве нашего Господа производит глубокое впечатление на русских)»³. До ареста владыки Варфоломея остается два с половиной года активной деятельности как духовника и главы тайной большой монашеской общины. Однако нет даже намека на исполнение этих конкретных поручений (в том числе в показаниях прихожан Высоко-Петровского монастыря, арестованных в 1932–1935 гг., зафиксированных в следственных делах).

Однако есть другие плоды взаимодействия владыки с католиками.

1. Епископ Невё получает от владыки как от одного из источников информацию об арестах священнослужителей и в целом о гонениях на церковь в Советской России и передает ее за рубеж, так что эта информация становится известна в мире.

2. Владыка Варфоломей привлекает Невё к делу помощи не только католическим, но и православным заключенным. Так, в декабре 1929 г. епископ Невё пишет: «Владыка Варфоломей умолял меня ему помочь купить заключенным обувь и белье. Естественно, я немедленно согласился»⁴. Также Невё по просьбе владыки организовывал помощь заключенным через Красный Крест. Средства для нуждающихся Невё регулярно получал через французское посольство и аккуратно отчитывался о потраченных средствах.

¹ Исторический архив Государственного Секретариата Ватикана (Archivio Storico della Segreteria di Stato), SS. Sc. 25. F. 164. P. 6, 19, 20, 24.

² AA, 2ER 149. P. 10-11 (1932).

³ AA, 2ER 150. P. 2 (1932).

⁴ AA, 2ER 26. P. 2 (1929).

3. Владыка всеми силами стремится как можно дольше сохранять тайную Петровскую общину, еще в 1929 г. изгнанную из стен Высоко-Петровского монастыря, но продолжавшую действовать в стенах находившихся поблизости храмов вплоть до 1935 г., сохраняя свой устав, зосимовские традиции, тайное монашество, то есть оставаясь все той же петровской общиной (об этом свидетельствуют воспоминания членов этой общины – клириков и тайных монахинь, а также следственное дело 1935 г., по которому арестованные проходили именно как члены «тайной петровской общины»).

Для того, чтобы продолжать эту деятельность, владыке необходимо было как-то поддерживать свое здоровье, которое сильно пошатнулось еще во время его первого ареста в 1921 г. Через епископа Невё он получал столь необходимый для его сердца кофеин, который невозможно было достать в Москве, и просьбы о котором Невё регулярно отправлял в письмах своему патрону – так, 8 октября 1934 г. он пишет: «Добрый епископ... просил меня обратиться к Вам еще раз с просьбой сделать ему новую посылку кофеина, без которого его сердце не может больше работать»¹. Мишель д'Эрбиньи направлял эти просьбы ответственным лицам в Ватикане: «Монсеньор Невё снова просит немного кофеина для епископа Варфоломея, больного сердцем»² (18 июля 1933 г.).

4. И еще один важный момент. Владыка Варфоломей настраивает епископа Невё против православных и обновленческих архиереев, которые ищут возможности общения с католиками или с которыми сам епископ Невё хочет выйти на связь – речь о епископе Коломенском (позже архиепископе Самарском) Петре (Рудневе), епископе Петергофском Николае (Ярушевиче), епископе Владимире (Путяте), лишенном сана и ушедшем в обновленческий раскол, обновленческом «архиепископе» Николае Розанове. Таким образом, доверие католиков к этим архиереям падает, и все внимание сосредоточивается на владыке Варфоломее, несмотря на то, что в своей религиозной деятельности он никак не позиционирует себя как католик, кроме как на словах в общении с ними.

В то же время необходимо отметить, что планы католиков относительно Русской Церкви были весьма серьезны. Епископ Мишель д'Эрбиньи, имевший неограниченные полномочия от Папы относительно России и Восточной Европы, писал епископу Невё 5 февраля 1931 г.: «...План мой сводится к следующему: нужно подготовить избрание русского патриарха из числа епископов, находящихся сейчас на территории России, который – прежде чем открыто объявить о своем избрании – перебрался бы на Запад и, может быть... пошел бы на заключение унии со Святым Престолом. ...Мне кажется, что... мы сможем организовать выборы патриарха, в которых примут участие достойнейшие из находящихся в России епископов. Я думаю, что для этой роли подошел бы епископ Варфоломей. ...избранный патриархом должен будет приехать сюда... Мне кажется, что возможно осуществить переход границы через Чудское озеро. В любом случае, этим делом стоит заняться всерьез.

¹ АА, 2ЕV 88. Р. 14 (1934).

² Исторический архив Государственного Секретариата Ватикана (Archivio Storico della Segreteria di Stato), SS. Sc. 25. F. 164. P. 18.

...Провозглашение русского патриарха Ватиканом или благодаря Ватикану вполне может вызвать положительную реакцию. Если даже не будет провозглашена уния – все равно это предприятие окажет огромную услугу всему христианскому миру: таким образом удастся спасти христианскую веру многих православных и уврачевать их внутренние настроения».

Письмо это очень большое, здесь приведен только небольшой его отрывок, опубликованный, как и остальной текст, в книге Антуана Венгера «Рим и Москва»¹.

Таким образом, благодаря владыке Варфоломею у католиков не остается иных претендентов для разворачивания вышеописанной деятельности. Фактически владыка Варфоломей лишил их необходимости общаться с кем-либо еще из православных архиереев. Как он сам говорил на одном из первых допросов в марте 1935 г., он «этим самым стремился удержать в своих руках нити основного общения Невё»². К тому же, будучи признанным католиками, он получил возможность быть духовником епископа Невё. Будучи верным последователем Святителя Тихона, владыка мог повторить вслед за ним: «Пусть имя мое погибнет в истории, лишь бы Церкви была польза». После расстрела владыки Варфоломея и отправки на Соловки архиепископа Петра (Руднева) общение Невё с русскими иерархами прекращается.

5. И еще о двух «совпадениях»: в том же 1933 г., когда были подписаны декреты о создании католической кафедры в Сергиевом Посаде и назначении на нее владыки Варфоломея, епископ Мишель д'Эрбиньи неожиданно попадает в немилость у Папы и вскоре до конца своих дней (1957 г.) направляется в ссылку в один из дальних монастырей. Через год после ареста владыки Варфоломея епископ Невё уезжает из России и больше сюда не возвращается – в Москве остался только один католический священник, к тому же плохо знавший русский язык. Миссия католиков в России после активизации в начале 1930-х гг. была остановлена на многие годы.

Критический и компаративный анализ материалов следственного дела

Немало нового можно узнать из известных ранее источников, уделив больше внимания их анализу и сопоставлению с другими документами. Так, в обвинительном заключении следственного дела 1935 г., по которому были арестованы 22 человека, в том числе архиепископ Варфоломей (Ремов), мученик Иоанн Попов и другие члены Петровской общины, говорится: «В СПО ГУГБ поступили сведения о том, что в Москве существует русско-католическая организация церковников, созданная по директивам русской комиссии при Ватикане негласным представителем последнего в Москве, католическим епископом – Евгением Невё... К[онтр]-р[еволюционная] организация состоит

¹ АА, 2Е5 34. Р. 4 (1933), частично упоминание об этом тексте см.: Венгер Антуан. Рим и Москва... С. 312.

² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Д. Р-39843. Л. 33.

из двух групп: католической и православной. Причем обе группы объединяются при нелегальном петровском монастыре в Москве, организованном по инициативе Ремова. <...> католическая группа... своей основной задачей... ставила подготовку активных к[онтр]-р[еволюционных] кадров для борьбы с советской властью»¹. В постановлениях об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения у 10 человек говорится: «...Достаточно изобличается в том, что состоял членом католической группы к[онтр]-р[еволюционной] организации при нелегальном “петровском монастыре” и вел антисоветскую агитацию»². Это следственное дело породило миф о действительном существовании таковой группы в обители. Однако тщательное исследование данной проблемы привело к выводу о том, что данное обвинение было полностью сфабриковано властями.

Материалы следственного дела и их сопоставление с иными источниками, в частности, письмами епископа Пия Невё, вполне ясно показывают, что при «тайном петровском монастыре» под руководством архиепископа Варфоломея не существовало даже «небольшой католической ячейки» (как записано в «показаниях» владыки). В «католическую группу» были включены: 1) ныне прославленный в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской профессор Иван Васильевич Попов, 2) Александра Качалова и 3) Нина Кенарская, которые были православными прихожанами тайного Высоко-Петровского монастыря; 4) православный архиепископ Петр (Руднев), управляющий делами Священного Синода Русской Православной Церкви, и 5) обновленческий «архиепископ» Николай Розанов, которые не были католиками и не имели отношения к Петровской общине. Из включенных следователями в вышеозначенную группу лиц трое открыто исповедовали католичество, однако они были не членами Петровской общины, а прихожанами католического храма святого Людовика (Екатерина Цицурина, Любовь Шорчева и Вера Верт).

Известные нам сегодня источники позволяют говорить не более чем о двух лицах, которых гипотетически можно было бы посчитать членами некоей тайной «католической ячейки» – это духовная дочь владыки Варфоломея Елена Рожина (о ней неоднократно упоминает Невё, и ее собственные показания вызывают некоторые сомнения, однако известно, что свою жизнь она окончила, будучи псаломщицей православного храма Успения Пресвятой Богородицы города Рязска) и доктор Леонид Титов, начавший посещать богослужения в Петровской общине по совету Невё только с августа 1934 г., т.е. за полгода до ареста. Единственное, что объединяет всех этих лиц, – это факт знакомства обвиняемых с католическим епископом Пием Невё и с настоятелем Высоко-Петровского монастыря архиепископом Варфоломеем. Необходимость «раскрытия» в самом начале 1935 г. контрреволюционной деятельности русско-католической группы, тайно действовавшей при православном монастыре и руководимой из Ватикана, вполне можно объяснить активизацией репрессий в связи с убийством в декабре 1934 г. С.М. Кирова.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-34383. Т. 2. Л. 196.

² ЦА ФСБ РФ. Д.Р-34383. Т. 1. Л. 5, 32, 44, 56, 67, 76, 85, 98, 107, 129.

Рассказы лиц, знавших участников происходивших событий

Еще одним источником получения новых знаний о пострадавших за веру являются рассказы духовных чад тех, кто в годы гонений подвизался в Высоко-Петровском монастыре. Так, летом 2016 г. состоялись встречи с людьми, знавшими протоиерея Бориса Уткина, служившего в храме Илии Обыденного, перед смертью принявшего монашеский постриг с именем Пафнутий. Тамара Теренина, в юности окормлявшаяся у отца Бориса, немало рассказала о его наставлениях и жизни. Рассказ ее во многом был подтвержден и дополнен Ольгой Алексеевной Тепляковой, дочерью монахини Анны (Тепляковой), келейницы отца Пафнутия. С их слов отец Пафнутий, 1905 года рождения, живший с раннего детства до арестов и позже – до конца жизни в квартире на углу Петровского и Цветного бульваров, с детства был прихожанином Высоко-Петровского монастыря. Впервые он был арестован еще в начале 1920-х гг. за то, что у него в кармане нашли четки, после чего три года был в заключении на Соловках, где отморозил ноги, из-за чего позже был признан негодным для службы в армии. После заключения вернулся в Москву, был иподиаконом владыки Варфоломея, потом вновь последовал арест и лагерь. Ольга Алексеевна передала справку, свидетельствующую о том, что Борис Уткин в 1935 г. работал в Дмитровском ИТЛ на строительстве канала Москва–Волга, его фотографию уже в сане иерея, молитвослов и хранимую им всю жизнь как святыню епитрахиль владыки Варфоломея. В Государственном архиве Российской Федерации хранится следственное дело П-75521, по которому Борис Уткин вместе с некоторыми другими членами тайной общины Петровского монастыря был арестован в октябре 1932 г. Изучение этого дела дало немало новой информации, например, о том, что в 1931 г. храм преподобного Сергия Радонежского на Большой Дмитровке, где тогда находилась Петровская община, неоднократно посещал епископ Минский Феофан (Семеняко) (с 1934 г. архиепископ, расстрелянный 10 ноября 1937 г. в Дальлаге в Хабаровске)¹.

Что касается самого иеромонаха Пафнутия, то ранее считалось, что последним из петровских старцев зосимовской традиции, окормлявших тайные монашеские общины обители, был архимандрит Исидор (Скачков), почивший в 1959 г. Однако, по утверждению Ольги Алексеевны, среди посетителей, регулярно приходивших к отцу Пафнутию за духовным советом как к опытному духовнику и старцу, была жившая неподалеку монахиня Евпраксия (Трофимова) – одна из старших монахинь Знаменского скита, существовавшего по благословению преподобномученика Игнатия (Лебедева) для его тайных постриженцев, членов Петровской общины, неподалеку от Высоко-Петровского монастыря, в Печатниковом переулке, дом 3. Скит просуществовал фактически до смерти матушки Евпраксии и другой старшей монахини матушки Ксении (Поповой) в 1979 г. А сам отец Пафнутий почил 28 февраля 1978 г., за три часа до смерти будучи пострижен в монашество. Эти страницы истории монастыря еще требуют дальнейшего исследования.

¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75521. Л. 87 об.

Выводы

За последние годы автором из разных источников получены многочисленные новые данные о пострадавших в годы гонений клириках и прихожанах Высоко-Петровского монастыря города Москвы. Это показывает, что, несмотря на большую работу по выявлению, описанию и анализу документов по истории Русской Православной Церкви в XX в., которая была проведена в 1990–2000-х гг., и сегодня остается большой пласт неизвестных историкам документов, которые, будучи введенными в научный оборот, раскрывают новые страницы истории Церкви в исследуемый период. Внимание следует уделять не только частным и зарубежным архивам, но и более внимательному анализу уже известных документов, находящихся в государственных архивах России, сопоставляя при этом данные из разных источников. Так, на основании компаративного анализа новых источников, хранящихся в итальянском архиве и в частных архивах московских историков, а также уже известных материалов судебно-следственных дел в отношении клириков Высоко-Петровского монастыря, автор опровергает сделанные ранее исследователями выводы о наличии в Высоко-Петровском монастыре католической группы, участие в которой было приписано десяти осужденным по делу «тайной петровской общины», а также подвергает сомнению гипотезу о приверженности католичеству настоятеля монастыря архиепископа Варфоломея (Ремова). Также в ходе исследования были открыты новые имена пострадавших в годы гонений клириков и мирян, причастных к деятельности тайных монашеских общин Высоко-Петровской обители.

© Балашова Е.Г., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Les Archives de la Congrégation des Augustins de l'Assomption [Архив Генеральной курии конгрегации Ассумпционистов]. 2ER 10, 26, 56, 57, 63, 88, 149, 150.

Archivio Storico della Segreteria di Stato [Исторический архив Государственного Секретариата Ватикана]. SS. Sc. 25. F. 164.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-75521. Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 1215. Оп. 3. Д. 74.

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Д. Р-34383, Р-39843.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Дамаскин* (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. В 7 книгах. Тверь: Булат, 1992–2002.
- [2] *Жития новомучеников и исповедников Российских XX века* Московской епархии / Под общей редакцией митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. [В 9 кн.]. Тверь, Булат, 2002–2006.
- [3] *Цытин Владислав*, протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.

- [4] Государево богомолье. Высоко-Петровский мужской монастырь г. Москвы. Юбилейное издание к 700-летию монастыря и 20-летию Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви / Редактор-составитель Балашова Е.Г. М., 2011. С. 35–41.
- [5] *Игнатия* (Петровская), монахиня. Старчество в годы гонений. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.
- [6] *Игнатия* (Петровская), монахиня. Высоко-Петровский монастырь в 20–30-е годы / Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и примечания А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 1996. № 1(8). С. 114–135.
- [7] *Архиепископ Варфоломей* (Ремов). Из духовного наследия: [Жизненный путь архиепископа Варфоломея] / Подготовка текста, публикация, вступительная статья и примечания А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 1998. № 4 (18). С. 119–133.
- [8] *Архиепископ Варфоломей* (Ремов). Письма и автобиография / Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и примечания А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 1996. № 2/3 (9/10). С. 353–378.
- [9] *Беглов А.Л.* Прозелитизм среди мертвых: Католическая пропаганда записывает в ряды приверженцев Римского престола расстрелянных православных епископов // НГ-религия. 11 августа 1999 г. № 15 (38). С. 6.
- [10] *Васильева О.Ю.* Образ новомучеников в истории России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2008. № 3–4 (44–45). С. 47–66.
- [11] *Венгер Антуан.* Рим и Москва 1900–1950. М.: Русский путь, 2000. Предисл. Н.Струве. (Перев. с фр. по изданию: Wenger A. Rome et Moscou. 1900–1950. Paris, desclee de Brouwer, 1987).
- [12] *Воробьев Владимир*, протоиерей. Варфоломей (Ремов Николай Федорович) // Православная энциклопедия. М., 2003 Т. 6 С. 716–717.
- [13] *Голубцов Сергей*, протоиерей. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М.: Изд-во Правосл. братства Споручницы грешных, 1999. 96 с.
- [14] *Губонин М.Е.* Современники о Патриархе Тихоне. Часть III. Машинопись. (Из личного архива Беляева С.А.)
- [15] *Губонин М.* Современники о Патриархе Тихоне. Сборник печатных, рукописных и устных воспоминаний в двух томах (Из личного архива Беляева С.А.). Т. 1. Москва, 1965. Машинопись.

История статьи:

Поступила в редакцию: 29 марта 2017 г.

Принята к печати: 22 июля 2017 г.

Для цитирования:

Балашова Е.Г. Новые сведения о пострадавших в годы гонений на Церковь в СССР в 1920–1930-е гг. (по материалам Высоко-Петровского монастыря г. Москвы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 414–428. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-414-428.

Сведения об авторе:

Балашова Елена Григорьевна – специалист по экспертно-аккредитационной деятельности Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, Москва, Россия.

**NEW DATA ON VICTIMS OF CHURCH PERSECUTION
IN THE USSR IN THE 1920–1930S
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE VYSOKOPETROVSKY MONASTERY IN MOSCOW)**

Elena G. Balashova

Synod Department for Religious Education and Catechism
28/2 Petrovka St., Moscow, 127051, Russia
pravob@mail.ru

The article gives examples of obtaining new information about martyrs in the 20th century, namely the clergymen and parishioners of the Vysokopetrovsky Monastery in Moscow, including its abbot Archbishop Bartholomew (Remov). The new data are obtained by researching the newly discovered documents in private and foreign archives, a more thorough critical and comparative analysis of the already well-known sources, and interviewing individuals who personally knew those people, who were repressed and lived up to the second half of the twentieth century.

The sources introduced into the scientific activities come from the private archive of historian Sergey Belyaev, as well as from the archives of the General Curia of the Assumptionist Congregation in Rome (the letters from Bishop Pie Eugene Neveu, apostolic administrator in Moscow in 1926–1936) and the Historic archives of the Secretariat of State.

There are subjected to critical examination the investigative materials against Archbishop Bartholomew (Remov) and the members of the community, who in the investigation case were named members of the “Catholic group of the counter-revolutionary organization under the illegal “Petrovsky monastery”. The author refutes the conclusions made earlier by the researchers on the existence of a Catholic group in the Vysokopetrovsky Monastery, as well as casts doubt on the hypothesis on the adherence of the monastery abbot Archbishop Bartholomew (Remov) to Catholicism.

Key words: Russian Orthodox Church, new martyrs, Vysokopetrovskiy monastery, archives, Catholicism

REFERENCES

- [1] Damaskin (Orlovskii), igumen. *Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XX stoletiya. Zhizneopisaniya i materialy k nim. V 7 knigakh* [Martyrs, confessors and ascetics of piety of the Russian Orthodox Church in the XX century. Biographies and materials. In 7 books]. Tver': Bulat Publ.; 1992–2002.
- [2] Krutitskiy, Kolomenskiy Yuvenaliy, eds. *Zhitiya novomuchenikov i ispovednikov Rossiiskikh XX veka Moskovskoi eparkhii* [Hagiography of the martyrs and Confessors of Russia of the XX century in the Moscow diocese]. Tver': Bulat Publ.; 2002–2006.
- [3] Tsylin Vladislav, archpriest. *Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: Sinodal'nyj i novejsij periody* [The history of the Russian Orthodox Church, Synodal and modern periods]. Moscow: Sretenskiy monastyr' Publ.; 2007.
- [4] Balashova EG., ed. *Gosudarevo bogomol'e. Vysoko-Petrovskii muzhskoi monastyr' g. Moskvy. Yubileinoe izdanie k 700-letiyu monastyrya i 20-letiyu Otdela religioznogo obrazovaniya i katekhizatsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [The sovereign's pilgrimage. Vysoko-Petrovsky monastery in Moscow]. Moscow, 2011; pp. 35–41.

- [5] Ignatiya (Petrovskaya), conventual. *Starchestvo v gody gonenii* [The spiritual eldership in the years of persecution]. Moscow: Moskovskoe podvor'e Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry; 2001.
- [6] Ignatiya (Petrovskaya), conventual. *Vysoko-Petrovskii monastyr' v 20–30-e gody* / Podgotovka teksta, publikatsiya, vstupitel'naya zametka i primechaniya A.L. Beglova [Vysokopetrovsky monastery in the 20–30-ies]. *Al'fa i Omega*. 1996; 8(1): 114–135.
- [7] Beglov AL., ed. Arkhiepiskop Varfolomei (Remov). *Iz dukhovnogo naslediya: [Zhiznennyi put' arkhiepiskopa Varfolomeya]* [From spiritual heritage: [The Life of Archbishop Bartholomew]]. *Al'fa i Omega*. 1998; 4(18):119–133.
- [8] Beglov AL., ed. Arkhiepiskop Varfolomei (Remov). *Pis'ma i avtobiografiya* [Letters and Autobiography]. *Al'fa i Omega*. 1996; 2–3 (9–10): 353–378.
- [9] Beglov AL. Prozelitizm sredi mertvykh: Katolicheskaya propaganda zapisyvaet v ryady priverzhentsev Rimskogo prestola rasstrelyannykh pravoslavnykh episkopov [Proselytism among the dead: Catholic propaganda records in the ranks of adherents to the Roman throne shot of Orthodox bishops]. *NG-religii*. 11 August 1999.
- [10] Vasil'eva OYu. *Obraz novomuchenikov v istorii Rossii* [The image of the new martyrs in the history of Russia]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i zarubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2008; 3–4: 47–66.
- [11] Wenger A. *Rome et Moscou. 1900–1950*. Moscow: Russkii put', 2000.
- [12] Vorob'ev Vladimir, archpriest. Varfolomei (Remov Nikolai Fedorovich). *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox encyclopedia]. Moscow, 2003; 6: 716–717.
- [13] Golubtsov Sergii, protodiakon. *Professura MDA v setyakh Gulaga i CheKa* [Professors of Moscow theological Academy in the bonds of Gulag and Cheka]. Moscow: Pravoslavnoe bratstvo Sporuchnitsy greshnykh Publ.; 1999.
- [14] Gubonin M. *Sovremenniki o Patriarhe Tihone*. [Contemporaries about Patriarch Tikhon]. Typescript. From S.A. Belyaev's personal archive. Part 3.
- [15] Gubonin M. *Sovremenniki o Patriarhe Tihone. Sbornik pechatnykh, rukopisnykh i ustnykh vospominanij. V dvuh tomah*. [Contemporaries of the Patriarch Tikhon. A collection of printed, manuscript and oral memoirs in two volumes]. Typescript. From S.A. Belyaev's personal archive. Moscow, 1965; 1.

Article history:

Received: 29 March 2017

Accepted: 22 July 2017

For citation:

Elena G. Balashova, New data on victims of Church persecution in the USSR in the 1920–1930s (based based on the materials of the Vysokopetrovsky Monastery in Moscow). *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 414–428. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-414-428.

About the author:

Elena G. Balashova, Expert on expert-accreditation activities of the Synodal Department of Religious Education and Catechesis of Russian Orthodox Church, Moscow, Russia.

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-429-444

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА И СТРАТЕГИИ ЕЕ РЕШЕНИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОМ КРАЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

И.С. Тряхов

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
600000, Россия, Владимир, ул. Горького, 87
ilja.tryahoff@yandex.ru

В статье на материалах Владимирской области (до 1944 г. – Владимирского края) рассматривается состояние продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны. Автор исследует стратегии решения продовольственной проблемы, которые использовались жителями края в годы военного лихолетья. Материалом для исследования послужили архивные источники местных органов снабжения и воспоминания современников. Особое внимание в статье уделено созданию индивидуальных хозяйств местных жителей и подсобных хозяйств предприятий, которые создавали условия для выживания людей того времени.

Ключевые слова: продовольственная проблема, Великая Отечественная война, карточная система, подсобные хозяйства, стратегии выживания

Введение

Обоснование темы. Важнейшей проблемой тыла в годы Великой Отечественной войны было обеспечение населения продовольствием. В связи с потерей в оккупации значительных территорий, которые традиционно являлись сельскохозяйственными, в течение войны продовольственная проблема лишь усугубилась. Разные категории населения в этот период оказались в неравных условиях в области обеспечения продовольствием, а потому огромному количеству людей приходилось использовать самые разные способы, чтобы добыть необходимые для выживания продукты.

Как известно, в тот период сельские жители не получали продовольственные карточки в расчете на то, что они были способны сами себя обеспечить продуктами питания. Однако это было большое заблуждение, поскольку деревня стояла одновременно перед необходимостью выполнения плана по поставкам продовольствия в пользу государства. Именно поэтому можно говорить, что жители села (рабочие совхозов и особенно колхозники) были

той категорией населения, которым пришлось в годы войны особенно трудно. Если же еще учитывать фактор нехватки рабочих рук в деревне, который в годы войны только усиливался, то жизнь сельских тружеников была, действительно, на грани выживания.

Новизна данной статьи заключается в анализе поставленной выше проблемы применительно к конкретному недостаточно изученному тыловому региону. Владимирская область, входившая своей большей частью до августа 1944 г. в состав Ивановской, имела свои специфические особенности, к которым относятся: близость к Москве (а соответственно в какой-то момент к фронту), важное транспортное значение региона, промышленный характер территории (соответственно, сюда не только эвакуировались предприятия из западной части страны, но и некоторые заводы были вывезены отсюда), и, наконец, значительная зависимость от привозного продовольствия.

Среди многих проблем повседневной жизни жителей тыла военного времени продовольственная потребность является наиболее изученной. Связано это, по-видимому, как с ее несомненной очевидностью, рефреном проходящей в воспоминаниях каждого человека, пережившего войну, так с тем, что потребность в пище стоит во главе иерархии человеческих потребностей. В этом случае трудности с недоеданием терпеть намного труднее, чем неблагоприятные жилищные и бытовые условия, т.к. последствием такой ситуации может стать истощение и даже смерть. Поэтому уже советская историография посвятила значительное количество исследований этой тематике, которые касались как общесоюзного, так и регионального уровней. Среди работ советских историков следует выделить фундаментальные труды Г.А. Дихтяра [1], В.Е. Комарова, У.Г. Чернявского [2], А.В. Любимова [3], И.М. Волкова, М.А. Вылцана, И.Е. Зеленина [4]. С распадом СССР изучение этого аспекта жизни военных лет продолжилось и стало приобретать, во-первых, все более узкорегionalный характер, так и более детальное рассмотрение способов и стратегий выживания людей (в трудах А.Ш. Кабировой [5], Э.В. Филиппова [6], А.В. Шалака [7], Е.Д. Твердюковой [8], В.В. Соловьевой [9]).

Цель данной статьи заключается в выявлении основных стратегий решения продовольственной проблемы со стороны населения Владимирской области. Важно, на наш взгляд, попытаться определить значение тех или иных стратегий в вопросе выживания людей в суровые военные будни.

Власть и обеспечение населения продовольствием

В условиях перераспределения ресурсов в пользу фронта обеспечение населения продуктами питания в военные годы было уменьшено. Карточная система была нормой и основным источником получения продуктов для подавляющего большинства городских жителей.

Переход к карточной системе занял практически всю вторую половину 1941 г. Хронологически исследователи выделяют два периода функциони-

рования карточной системы в годы военного лихолетья: 1) 1941–1943 гг., 2) 1944–1947 гг.

Как отмечает И.Б. Орлов, подобное выделение определяется изменением законодательной базы [10, с. 37]. Приказом Наркомата торговли СССР № 380 от 13 ноября 1942 г. «Об упорядочении карточной системы на хлеб, некоторые продовольственные и промышленные товары» с 1 января 1943 г. вводились единые формы карточек на нормированные товары и штатные стандартные справки на получение этих карточек. Также приказ предусматривал предоставить наркоматам торговли республик и заведующими областными (краевыми) торговыми отделами права «производить прикрепление населения к магазинам для получения хлеба и продовольственных товаров по карточкам, когда по условиям снабжения и состоянию торговой сети это является целесообразным»¹. Поэтому многочисленные предыдущие приказы союзного Наркомторга утрачивали силу, но одновременно многообразие карточек возрастало.

Согласно переписи 1939 г. население Владимирской области в современных границах составляло 1 351 419 человек, из них мужчин насчитывалось 623 812 человек, а женщин 727 607 человек. В годы войны это соотношение еще более изменилось, т.к. в армейские ряды было призвано более 279 397 человек, среди которых подавляющее большинство были мужчинами². 134 тысячи человек не вернулись домой с полей сражений [11, с. 87]. Среди эвакуированных на рассматриваемую территорию доля мужчин (с учетом, разумеется, подростков) также была меньше женщин. Что касается количества родившихся, то статистика разделяет их по территориальному, но не по половому признаку. Если делать приблизительную оценку, то разница в количестве мужчин и женщин к концу войны составляла не менее четверти миллиона человек, а, скорее всего, приближалась к 300 000 тысячам. Для такого небольшого региона этот разрыв катастрофически велик и являлся одной из важных причин, в том числе продовольственных трудностей, рассматриваемых в статье. Не случайно среди оставивших воспоминания преобладают те, кто в суровые военные годы был ребенком. Заметно большее число именно женщин, рассказывающих о том тяжелом времени. Немаловажный момент и то, что 44% населения проживало во Владимирском регионе в городах, и именно их способы добычи продовольствия представляют специфический интерес в силу своего разнообразия.

Особенностью Владимирской области была ее принадлежность к потребляющим регионам. Значительная часть сельскохозяйственных продуктов

¹ Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Госторгиздат, 1944. С. 45.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966–1001 (Разработочная таблица ф. 15А). URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=0 (дата обращения: 20.08.2016).

ввозилась сюда с территории других областей. В тылу карточки на продовольственные товары были положены не только различным категориям рабочих, но также учителям школ, преподавателям техникумов, врачам и медицинскому персоналу лечебных учреждений, инвалидам войны, а также работникам областных и городских советских и партийных организаций.

Карточная система, введенная с самого начала войны, строилась по принципу полной централизации. Как свидетельствуют данные источников, население и Красная армия получали продовольствие преимущественно из государственных резервов, созданных еще в довоенные годы. Основными нормируемыми продовольственными товарами, помимо хлеба и сахара, были мясо, рыба, растительные и животные жиры, крупа и макаронные изделия [12, с. 251].

Все население было поделено на две категории. В первую вошли рабочие военной, нефтяной, металлургической, машиностроительной, химической промышленности, работники электростанций, железнодорожного и морского транспорта и др. Во вторую категорию были включены рабочие и инженерно-технические работники, служащие других отраслей промышленности и все остальные, кто не вошел в первую категорию. В 1941 г. работникам из первой категории полагалось 800 г хлеба в сутки и 800 г сахара в месяц, в 1942 г. была понижена норма на сахар – теперь его полагалось лишь по 400 г в месяц. В 1943 г. была, в свою очередь, снижена норма на хлеб до 600 г. Работникам второй категории в 1941 г. норма получения хлеба была установлена в 600 г., в 1943 г. эта норма была снижена до 500 г. Норма на сахар, составлявшая в 1941 г. 600 г., в 1942 г. была снижена до 400 г, и такое положение сохранялось вплоть до конца войны. Разумеется, в реальности нормы выполнялись далеко не всегда, а качество отпускаемых продуктов также оставляло желать лучшего¹. Подростком устроившийся на владимирский завод «Автоприбор» Б.Е. Чиркунов вспоминал о том времени следующее: «Отец в то время работал в ремесленном училище, получая хлебную карточку на 800 граммов, мать – домработница, брат и сестра – по 400 граммов, а я получал 300 граммов» [13, с. 286].

Ко всему прочему осень 1941 г. отметилась немалым количеством вопиющих случаев, когда военнослужащие проявляли недисциплинированность и занимались «принудительным изъятием фуража и продовольствия», а, по сути, грабежом гражданского населения [14, с. 7]. Это порождало слухи о близости врага и даже скором падении советской власти [15, с. 202]. Летом 1942 г. ситуация только ухудшилась. Работница одного из ковровских предприятий Л.П. Тихонравова в дневнике писала, что ее зарплаты в 350 рублей не хватало, чтобы выжить, и она брала в долг. Следствием нехватки еды становились конфликты с детьми, которые не всегда могли осознать причины сложившейся ситуации. Для Л.П. Тихонравовой это было настоящей трагедией.

¹ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. Р – 146. Оп. 1 Д. 1. Лл. 72, 101–101 об., 159.

Она отмечала, что в ее детском возрасте не было такой катастрофической нехватки продовольствия [14, с. 69].

Наиболее полно сохранились документы отдела торговли Муромского городского совета депутатов трудящихся. В нормах на 1943 г. указывалось, что лицам, принадлежавшим к первой категории, по карточкам полагалось в месяц 500 г сахара, 2200 г мяса или рыбы, 600 г жиров и 1500 г крупы. Лицам, отнесенным ко второй категории, полагалось соответственно: 400 г сахара, 1800 г мяса или рыбы, 400 г жиров, 1200 г крупы. По карточкам полагался также следующий вид продуктов (кроме вышеперечисленных): молоко, яйца, сухофрукты, картофель, овощи, соль, чай, пшеничная мука¹. В документах управления торговли Владимирской области отмечались случаи перерасхода продовольственных карточек². К сожалению, найти источники подробнее поясняющие это явление найти в государственном архиве Владимирской области пока не удалось. Вполне вероятно, что они могут содержаться в партийных фондах архива, доступ ко многим из которых в настоящее время по-прежнему ограничен.

Подсобные хозяйства и решение продовольственной проблемы

Исследование развития подсобных хозяйств и их роли в жизни людей является одним из важнейших аспектов в изучении обеспечения питания людей в военные годы. Продукты, выращенные на земле подсобных хозяйств предприятий и индивидуальных огородов жителей, были важнейшим подспорьем для выживания людей. Нельзя сказать, что это была эффективная система, но она давала больше возможностей, как для простого выживания, так и для улучшения питания и минимизации истощения организма людей.

Подсобные хозяйства при разных предприятиях и учреждениях создавались еще до войны. Так, за 1940–1941 гг. при промышленных предприятиях области было организовано свыше 300 подсобных хозяйств с площадью пашни до 10.000 га. В 1941 г. хозяйства сдали фабрично-заводским столовым и детским учреждениям для общественного питания: картофеля 5000 тонн, овощей – 3000 тонн, молока – 1500 тонн и мяса – 900 тонн. Однако в документах за 1941 г. отмечается, что «партийные и советские организации развитием индивидуального огородничества занимаются плохо, количество индивидуальных огородов за последние годы значительно сократилось» [12, с. 165]. Именно поэтому по решению Владимирского горисполкома в 1942 г. при горкомхозе было организовано единое общегородское пригородное хозяйство. Его назначением было обеспечение работников предприятия огородно-овощными

¹ ГАВО. Ф.Р. – 146. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2, 207.

² ГАВО. Ф.Р. – 3811. Оп. 1. Д. 11. Л. 32.

продуктами, а наличных лошадей – фуражом¹. Обязательное развертывание подсобных хозяйств произошло весной 1942 г. и в г. Коврове².

Чтобы показать масштабы развития подсобных хозяйств, достаточно отметить, что, если в 1942 г. во Владимире площадь таких хозяйств составляла 1331 га, то в 1943 г. она увеличилась более чем в три раза и составляла уже 4417, 8 га³. Расширение таких хозяйств наталкивалось на большие трудности. Во-первых, недостаточной была обеспеченность семенами (особенно капусты, огурцов, помидор, лука). Во-вторых, имелся острый дефицит тягловой силы (во Владимире обеспеченность лошадьми составляла в 1942 г. лишь 42% от потребности и увеличилась в дальнейшем не более чем на 10–15%). В-третьих, отсутствовали удобрения (хозяйства почти не занимались сбором местных удобрений: золы, торфа и проч.). В-четвертых, не хватало рабочей силы⁴. Помимо этого, если крупные хозяйства города были полностью обеспечены руководящим составом работников подсобных хозяйств, в том числе агрономами, то этого нельзя сказать о мелких хозяйствах. Имели место случаи, когда предприятиям участки земли для ведения подсобного хозяйства выделялись, но само хозяйство практически не велось. Это было не только следствием невнимания руководства к таким хозяйствам, но чаще недостатком рабочих рук и тягловой силы⁵. По неполным данным, индивидуальными огородами в 1942 г. занимались 10.060 человек на площади 509,4 га. В 1943 г. под огороды была занято уже 619 га⁶. Таким образом, индивидуальные огороды занимали 20% площади, а подсобные хозяйства предприятий – 80% от общей площади таких городских хозяйств⁷. Указания по расширению подсобных хозяйств предприятий были изданы также городскими исполкомами других городов области⁸.

Наибольший интерес подсобных хозяйств горкомхозов был связан с созданием собственной кормовой базы для имевшихся в хозяйствах лошадей⁹. Исправить ситуацию с недостатком того или иного продукта люди пытались различными способами.

Так как в годы войны практически невозможно было закупить на стороне необходимое количество продуктов питания и фуража, то руководство предприятий решало эту проблему двумя возможными способами: либо расширялась посевная площадь (что неизбежно приводило к повышенной нагрузке на работников предприятий), либо делался выбор в пользу того продукта, кото-

¹ ГАВО Ф. Р – 3812. Оп. 1. Д. 19. Лл. 1–1 об.

² ГАВО Ф. Р – 4004. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.

³ ГАВО РФ. Ф. Р – 2699. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

⁴ ГАВО. Д. 19. Л. 11–11об., Д. 20. Л. 31.

⁵ Там же. Д. 21. Л. 1 об.

⁶ Там же. Д. 19. Л. 12.

⁷ Там же. Д. 20. Л. 29 об.

⁸ ГАВО Ф. Р – 3862. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.

⁹ ГАВО Ф. Р – 3186. Оп. 3. Д. 14. Л. 12 об.

рый в конкретный момент времени был наиболее необходим. Так, например, в объяснительной записке за 1942 г. по владимирскому горкомхозу отмечалось, что под огородные земли (как индивидуальные, так и под хозяйства предприятий и учреждений) переводились площади плодовых садов¹.

Ведение пригородного хозяйства на предприятиях, в отличие от индивидуального, не было делом исключительно добровольным, а регулировалось приказами внутри предприятий. Для того, чтобы избежать растрат и случаев воровства, которые имели место, устанавливался специальный порядок сбора овощей с обязательным составлением актов сбора, которые подписывались агрономом, огородником и завхозом, принимавшим овощи на хранение². Более того, постановлением пленума Ивановского обкома ВКП(б) о мероприятиях по развитию подсобных хозяйств и рабочего огородничества от 10 марта 1942 г. подчеркивалось «особое значение в условиях военного времени подсобных хозяйств и индивидуального рабочего огородничества как базы снабжения трудящихся продуктами питания...» [12, с. 166]. В целях развития этих источников снабжения пленум постановил осуществить меры по расширению подсобных хозяйств, минимально засеять 5,9 тысячи га картофеля и тысячу га овощей, заложить 20 тысяч парниковых рам. Кроме того, предусматривалась высокая урожайность основных культур, едва ли не равная урожайности основных сельскохозяйственных земель области. поголовье крупного рогатого скота планировалось увеличить на 23%, свиней на – 25%, овец на – 43%. Было решено развивать рабочее огородничество, а начальники главков, директора предприятий и руководителей организаций обязывались обеспечивать подсобные хозяйства семенами и удобрениями, а также грамотно организовывать работу [12, с. 166]. Таким образом, подсобное хозяйство предприятий признавалось чрезвычайно важным для снабжения рабочих и служащих продуктами питания, а директора предупреждались о персональной ответственности за работу своих подсобных хозяйств также, как и за работу основного производства [12, с. 166].

Ребенок войны Е.И. Селиверстов так вспоминал о подсобных хозяйствах: «Весной 1942 года наш двор преобразился. Вся земля была разделена между жильцами под огороды. Играть нам стало негде, и наша дворовая ватага перешла на Клязьму и заклязьменскую пойму. Сколько чудных открытий мы сделали тут! Дикая лук, щавель, розовые и белые бутоны клевера, которые мы звали кашкой. У кого-то нашелся небольшой бредень, и на мелководье реки, в пойменных озерах мы вылавливали мелкую рыбешку: плотвичек, окуньков, щурят. Это был деликатес!» [13, с. 285] Местные газеты призывали со своих страниц жителей расширять подсобные хозяйства всеми возможными способами.

¹ ГАВО Ф. Р – 950. Оп. 1. Д. 119. Л. 45.

² Там же. Д. 235. Л. 26 об.

Дополнительные затруднения возникали в период уборочных кампаний. Следствием этого становилась новая нагрузка на сотрудников предприятий, рабочий день которых и без того нелегкий и длительный, увеличивался. В приказе № 29 за 1943 г. по владимирскому горкомхозу указывалось: «В связи с наступлением уборочной кампании и затруднением рабочей силы на весь период уборочной, рабочий день по пригородному хозяйству с 23 августа с.г. устанавливаю 10 часов»¹. Но война не только продлевала рабочий день, она также вынуждала многих заниматься той работой, которая ранее людям была несвойственна. Что касается подсобного хозяйства, то дополнительные силы выделялись на него в период уборки урожая либо на обработку собранного урожая².

Продукция подсобного хозяйства шла на внутренние нужды предприятий, и ее роль нельзя недооценивать. В нелегких условиях войны для тылового города она обеспечивала относительно сносное питание для работников. Так, по сведениям Александровского горкомхоза за 1944 г., в подсобном хозяйстве площадью 2,7 га было собрано: картофеля – 5 т, капусты – 20 т, свеклы – 0,57 т, помидор – 0,1 т, огурцов – 0,04 т, моркови – 0,08 т³. Таким образом, урожай с подсобного хозяйства был относительно большим и на заключительном этапе войны играл немаловажную роль для горкомхозов области.

Еще больших размеров было пригородное хозяйство строительного-монтажного управления, которое занимало площадь в 22 га, из них по полеводству – 14, 97 га, а по огородничеству – 7, 03 га. Урожай был более значительным, чем в пригородном хозяйстве горкомхоза: капусты было собрано 1142, 5 ц, огурцов – 35, 2 ц, помидор – 72, 1 ц, свеклы – 65, 1 ц, турнепса – 170 ц, картофеля 724 ц, овса – 92, 8 ц, гороха – 2 ц, гречи – 5 ц⁴.

Следует отметить, что подсобные хозяйства не всех предприятий и не всегда были прибыльными. Напротив, некоторые приносили убыток, что ложилось лишним бременем на предприятие. С другой стороны, таковых имелось относительно немного. Например, убыточными были подсобные и вспомогательные хозяйства Владимирской ТЭЦ⁵. Такое случалось по разным причинам: слабое внимание к нуждам хозяйства, чрезмерная нагрузка, ложившаяся на почвы, отсутствие удобрений и др. Именно об этом говорится в отчете Муромского рубероидного завода⁶. Могли сказаться и погодные условия конкретного года⁷.

По нашим оценкам, на ряде предприятий региона продукты, выращенные подсобными хозяйствами заводов и фабрик, а также на индивидуальных огородах рабочих и служащих, могли составлять не менее половины рациона.

¹ ГАВО. Ф. Р – 950. Оп. 1. Д. 235. Л. 53.

² Там же. Оп. 1. Д. 235. Л. 66.

³ ГАВО Ф. Р – 3377. Оп. 1. Д. 20. Л. 17 об.

⁴ ГАВО Ф. Р – 3801. Оп. 1. Д. 182. Л. 9.

⁵ ГАВО Ф. Р – 1357. Оп. 2. Д. 34. Л. 9 об., Д. 39. Л. 3, Д. 41. Л. 2.

⁶ ГАВО Ф. Р – 2124. Оп. 2. Д. 6. Л. 6.

⁷ ГАВО Ф. Р – 3907. Оп. 1. Д. 34. Л. 34 об.

Выяснить с абсолютной точностью долю, приходившуюся на продукты с подсобных хозяйств, не представляется возможным, но самое важное, что с таких огородов население имело то, что нельзя было получить по продовольственным карточкам.

Секретное постановление пленума Владимирского горкома ВКП(б) от 31 мая 1943 г. по вопросу реализации сталинского первомайского приказа № 195 подчеркивало необходимость обратить внимание на работу подсобных хозяйств, организуя своевременный и тщательный уход за посевами, серьезно улучшить общественный контроль над предприятиями общественного питания и бытового обслуживания рабочих, не допуская хищений и разбазаривания продуктов питания и промтоваров¹.

Наибольшие трудности были как раз с обеспечением работников питанием. Это было связано как с его недостаточным наличием в тылу, так и с его кражами теми, кто имел к нему относительно свободный доступ. Особенно сложно было рабочим-одиночкам, которые почти никогда не имели индивидуальных огородов и были вынуждены питаться в столовых Общепита, где питание было недостаточным, особенно с учетом их нелегкого физического труда². Другой проблемой была сохранявшаяся в годы войны сильная дифференциация в нормах питания среди населения.

Продукты, выдаваемые по карточкам, не обеспечивали в полной мере потребность населения в питании. Следствием этого стала необходимость изыскивать различные способы для обеспечения достаточного количества продовольствия. Подсобные хозяйства играли очень значимую роль в решении данной проблемы. В условиях острой нехватки продовольствия и резко возросших цен подсобные хозяйства стали спасительными для очень многих людей. Но одновременно создание таких хозяйств было мерой вынужденной, отвлекавшей значительную часть рабочих и служащих на их содержание, следствием чего становились трудности с выполнением основной работы, но это было закономерной платой в условиях войны и было меньшим злом, чем если бы подсобные хозяйства отсутствовали. Небольшим предприятиям и учреждениям труднее было создать эффективные подсобные хозяйства, в основном это удавалось крупным заводам и фабрикам, имевшим большее количество рабочей силы, которую можно было отвлечь на ведение такого хозяйства. Для рядовых граждан их индивидуальные огороды играли не менее значимую роль. Обратной стороной этого было значительное напряжение сил многих людей, вынужденных целый день трудиться на своем рабочем месте, а вечером работать на своих огородах или же заботиться о заготовке для себя дров. И все же индивидуальные огороды оказались одной из самых значительных мер, позволивших многим пережить суровые годы Великой Отечественной войны, о которых оставили свои воспоминания жители Владимирской области.

¹ ГАВО Ф.Р – 950. Оп. 1. Д. 106. Л. 22 об.

² ГАВО Ф. Р – 3377. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

Война и продовольствие в личном опыте современников

«Первое, что не может уйти из памяти до сих пор – это постоянное чувство голода» [17, с. 485], – вспоминает свое детство Е.И. Селиверстов, добавляя тут же, что обед из крапивы не мог его заглушить [17, с. 485]. Порой именно постоянное недоедание, сопряженное с тяжелым физическим трудом, становилось причиной тех или иных проблем со здоровьем людей. Причем недоедание оказывало гнетущее воздействие на психику людей, не только подрывало их здоровье, но и нередко становилось прямой причиной смерти.

По-особенному отразилась эта проблема в детских воспоминаниях. Наиболее характерно это чувство выразила современница Е.П. Керская: «Голод преследовал постоянно» [14, с. 121]. В.П. Степанова, вспоминая о детстве, отмечала, что в ее семье из тринадцати детей остались только трое – два брата и она [14, с. 13]. О схожей ситуации говорила Г.Г. Графская: «В живых из-за голода и болезней, осталось только четверо: два братика, сестренка и я. (Всего в семье было 6 детей – *прим. авт.*) Жили очень бедно, как в военные, так и в послевоенные годы» [14, с. 39]. Военное детство Р.Б. Николаевой было аналогичным: «Мы всегда были полуголодные. Я заболела тропической малярией, болела очень долго, три года ничего не могла есть, много детей тогда умерло» [14, с. 43]. Практически все современники редко сетуют на плохое медицинское обслуживание, но неизменно, видят причины увеличения заболеваемости в другом: недоедании, тяжелом труде, плохих жилищно-бытовых условиях. Трепетное отношение к еде у переживших военные годы сложилось не случайно и было пронесено ими через всю жизнь вплоть до сегодняшних дней.

О трудностях с питанием в конце войны свидетельствовал находившийся в плену во Владимире немецкий солдат Гейнц Терите: «Все пленные получали порцию еды каждый день. Русские рабочие получали продукты один раз на месяц вперед. И это приводило к тому, что к середине месяца они уже не могли больше ничего купить, потому что из-за страшного голода съедали все еще до конца месяца. Девушки и юноши, работавшие рядом со мной, просили у меня займы немного денег, которые я зарабатывал, изготавливая самостоятельно всякие штучки, такие как табакерки, сережки, цепочки, кольца и т.д. Я всегда получал обратно деньги, никто не оставался у меня в долгу» [18, с. 80–81].

Р.Б. Николаева, говоря о полуголодных военных годах, вспоминала, что ее мать начала заниматься торговлей, чтобы выжить и поднять дочь, и была осуждена за спекуляцию на пять лет, правда, вернулась через шесть месяцев, но заболевшей [14, с. 44]. Данный пример, с одной стороны, подтверждает формализм бюрократов, для которых строгое следование законодательству оказалось важнее здравого смысла, но, с другой стороны, неясными остаются обстоятельства торговли, за исключением мотива, который, как кажется, с точки зрения морали скорей всего является оправданием.

Наибольшие продовольственные проблемы у жителей городов начинались при утрате по каким-либо причинам карточек на основные продукты питания [19, с. 13]. Да и объем полученных продуктов, получаемых по карточкам, был очень скромным. Рабочий П.В. Петлин, который не был мобилизован в армию по состоянию здоровья, и с августа 1942 г. трудился на заводе, рассказывал: «По карточке нам приходилось есть – обедать один раз в сутки и получать 800 гр. хлеба. И получали за работу от 10 до 53 рублей в месяц. А буханка хлеба на базаре стоила 60 рублей. Мы работали по 11 часов в сутки без выходных. Только через месяц, во время пересменки нам выпадал выходной день. И я настолько истощился, что меня в мае 1944 г. перевели в совхоз «Гигант», подсобное хозяйство завода. И в совхозе я пас с Чумаковым около 100 коров (с одним быком). Нам за это давали около литра молока...» [16, с. 50]. Нечто похожее вспоминал и мобилизованный подросток Н.П. Константинов, который свидетельствовал: «...Работали по 12 часов, потом возили на машине в головной завод, строили комсомольский корпус по два часа, давали 200 гр. хлеба... В начале 1945 года меня перевели в инструментальный цех ввиду сильного истощения, где проработал до окончания войны» [16, с. 50].

Местное сельское население по возможности пыталось подкармливать мобилизованных на трудовые работы. Так, осенью 1941 г. перед Владимиром строился оборонительный обвод, на котором были задействованы в основном девушки, некоторые молодые люди, еще не призванные на фронт, а также старики и женщины среднего возраста. Этих людей определяли на постой к местным жителям, которые и сами испытывали острый недостаток продовольствия, но стремились всеми силами помочь мобилизованным. Помощь и взаимовыручка помогала одним (мобилизованным) хоть немного отдохнуть после тяжелых физических работ (ведь приходилось копать мерзлую землю), а другим ненадолго, но улучшить свое продовольственное положение, т.к. мобилизованным полагался небольшой, но достаточно разнообразный паек, которым они делились с теми, у кого поселились [15, с. 137–138].

Для иных людей, как вспоминала Н.Д. Максимова, дополнительным источником была помощь деревенских родственников: «Родственники нас встретили, накормили, мы у них переночевали, а поутру, нагруженные картошкой, отправились пешком в Судогду. Сколько мы несли – я думаю, ведра по два, значит, на двоих привезли 4 ведра. Мы шли с отдыхом, конечно, долго. День был теплый – май месяц. И оставалось нам дойти до деревни Бережки совсем недалеко, как начался дождь, и нас так вымочило, что сухое платье было только под мешками с картошкой. Мокрые мы добрались до Бережков и попросились в одну избу посушиться. Нас не пустили. Мама сказала: «Надо поискать бедную избу – там, наверное, примут». И, действительно, попросились в неказистую избу. Немолодая женщина пригласила нас, усадила за стол вместе с ребятами. А на столе одна горячая картошка без хлеба. У нас было немного хлеба с собой, мы отдали его детям» [20, с. 195–196].

Обыденным явлением стал обмен продуктов на вещи в близлежащих от городов деревнях. Так, например, И.В. Петровичева вспоминала, что после ухода отца на фронт все доходы их маленькой семьи заключались лишь в зарплате матери, и потому приходилось обменивать имевшиеся дома вещи на продукты [13, с. 180], цена на которые постоянно росла, а деньги все чаще не имели реальной ценности и становились для многих бесполезной бумагой.

Выводы

Таким образом, в годы войны ситуация с продовольствием во Владимирском регионе, как и в целом по стране, была чрезвычайно тяжелой. Власть могла обеспечивать лишь минимально необходимый уровень для выживания городского населения, которое имело возможность снабжаться по карточкам и все равно было вынуждено искать дополнительные источники пропитания. В свою очередь, население сел и деревень могло рассчитывать только на собственные силы.

В памяти людей, переживших время военного лихолетья, именно постоянный поиск дополнительных источников пропитания отложился наиболее глубоко. Недостаток продовольствия заметно сказывался на физическом здоровье населения, в значительной степени им была обусловлена повышенная смертность и заболеваемость.

Долгие годы ущерб, понесенный советским тылом в годы Великой Отечественной войны, затмевался тем уроном, который был нанесен оккупированным регионам Советского Союза и не всегда привлекал должное внимание. На примере Владимирского региона ясно видно, что продовольственные трудности военных лет были настолько глубоки, что их негативное влияние проявлялось еще долгие десятилетия.

На вопрос о том, кто виноват в сложившейся ситуации, нельзя ответить однозначно. Несомненно, что условия военного времени служили определяющим фактором, обострившим проблему питания, но одновременно встает вопрос и об эффективности управления экономикой со стороны местных органов власти. Значительную долю нагрузки по обеспечению населения продуктами питания власти возложили на самих людей, что было логичным, поскольку ждать помощи от Москвы в тех условиях не приходилось. Слишком трудная была обстановка на фронте и слишком много важных территорий, на которых до войны производилось продовольствие, было потеряно. Но вместе с тем остается открытым вопрос о характере распределения имевшегося скудного продовольствия среди населения, ответ на который на региональных материалах помогут дать дополнительные источники областного архива, в настоящее время еще не представленные в открытом доступе.

© Тряхов И.С., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. Р – 146; Р – 950; Р – 1357; Р – 2124; Р – 2699; Р – 3186; Р – 3377; Р – 3801; Р – 3811; Р – 3812; Р – 3862; Р – 3907; Р – 4004.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562.

Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Госторгиздат, 1944.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Дихтяр Г.А.* Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М.: Наука, 1965.
- [2] *Комаров В.Е., Чернявский У.Г.* Доходы и потребление населения СССР. М.: Наука, 1973.
- [3] *Любимов А.В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968.
- [4] *Волков И.М., Вылцан М.А., Зеленин И.Е.* Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917–1982 гг.) // История СССР. 1983. № 2. С. 3–20.
- [5] *Кабирова А.Ш.* Сороковые-роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. 212 с.
- [6] *Филиппова Э.В.* Питание в годы Великой Отечественной войны. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005.
- [7] *Шалак А.В.* Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Иркутск: издательство ИГЭА, 1998.
- [8] *Твердюкова Е.Д.* Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения СССР. 1941–1947 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2010. № 2. С. 32–40.
- [9] *Соловьева В.В.* Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011.
- [10] *Орлов И.Б.* Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы туризма и сервиса. Научно-практический журнал. 2010. № 3. С. 36–42.
- [11] Владимирский край в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владимир: Владимирская школа, 1999.
- [12] Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Составители: А.И. Горшков и др. Иваново: Ивановское книжное издательство, 1959.
- [13] Победители: Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла / (сост.: В.И. Титова и др.). Владимир, 2010.
- [14] Дети войны – патриоты Отечества / Сост. Г.Г. Графская; Союз пенсионеров России. Владимир, 2006.
- [15] Мы вышли из войны: г. Владимир и владимирцы в годы Великой Отечественной войны по дневникам, воспоминаниям, документам / (сост. В.И. Титова). Владимир, 2004.
- [16] Ковровчане в Великой Отечественной / Составитель Фролов Н.В. Ковров: Маштекс, 2000.

- [17] Поиск. Никто не забыт, ничто не забыто / Воспоминания владимирцев – участников Великой Отечественной войны / Военно-патр. Орг. «Народная память»: Редколл.: Кудрин С.П. (предс.) и др.; Владимир : ИП Журавлева, 2011.
- [18] *Виттманн Ф.* Роза для Тамары. Память о плене. Владимир: Транзит Икс, 2003.
- [19] Путь к Победе: Ковров в 1941–1945: сборник материалов о Великой Отечественной войне / Сост. Н.Е. Комарова, О.А. Монахова. – Ковров: Знамя труда, 2005.
- [20] *Максимова Н.Д.* Мемуары А.П. Пугачевой: (о городе Владимире в годы Великой Отечественной войны) // Рождественский сборник. Ковров, 2005. Вып. XII.

История статьи:

Поступила в редакцию: 27 февраля 2017 г.

Принята к печати: 9 мая 2017 г.

Для цитирования:

Тряхов И.С. Продовольственная проблема и стратегии ее решения во Владимирском крае в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 429–444. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-429-444.

Информация об авторе:

Тряхов Илья Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, РФ.

**FOOD PROBLEM AND STRATEGIES FOR ITS SOLUTION
IN VLADIMIR REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Илья С. Тряхов

Federal State Educational Budgetary Institution Higher Professional Education
Vladimir State University. A.G. and N.G. Stoletovs
87 Gorky St., Vladimir, 600000, Russia
ilja.tryahoff@yandex.ru

In the hierarchy of human needs, food takes first place. Therefore the relevance of this topic during the intransient shocks. The article discusses the complexity of the food problem during the Great Patriotic War (on materials of the Vladimir region). The author examines the strategies for solving the food problem, the inhabitants of which were used in the edge of the war years. The material for the study is based on documentary sources of local supplies and memoirs of contemporaries.

The author has revealed that supply of urban population with food conducted by cards, and all the inhabitants were divided into categories with different supplies. The card system is

not fully secure the large mass of the population needs in food, but because they had to look for different ways of obtaining additional products. Special attention is paid to the creation of individual farms residents and farms businesses that became essential for survival of the people of that time. The study of the problem historian draws attention to other ways to ensure yourself of food the population of the region. These include assistance for the inhabitants of the cities from rural relatives, exchange things for food and work in the collective farms, that is a temporary move from the city to the countryside. It was a process of reverse trend to mobilize the Soviet authorities on youth enterprise in the city. Permanent deterioration of the food situation in the war years becoming a significant part of the population on the brink of survival.

The author has come to the conclusion that the country's leadership could only provide a minimum level of survival for people with any serious deterioration of the situation at the front could lead to the most dramatic consequences in the rear.

Key words: food problem, the Great Patriotic War, card system, individual farms, strategy of survival

REFERENCES

- [1] Dihtjar GA. *Sovetskaja trgovlja v period socializma i razvernutogo stroitel'stva kommunizma* [Soviet trade in the period of socialism and expanded construction of communism]. Moscow: Nauka Publ.; 1965 (in Russian).
- [2] Komarov VE., Chernjavskij UG. *Dohody i potreblenie naselenija SSSR* [The income and consumption of the Soviet population]. Nauka Publ.; 1973 (in Russian).
- [3] Lyubimov AV. *Torgovlja i snabzhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Trade and logistics during the great Patriotic war]. Moscow: Ekonomika Publ.; 1968 (in Russian).
- [4] Volkov IM., Vylcan MA., Zelenin IE. *Voprosy prodovol'stvennogo obespechenija naselenija SSSR (1917–1982 gg.)* [Food security problems of the USSR's population (1917–1982)]. *Istorija SSSR* [History of the USSR]. 1983; (2): 3–20 (in Russian).
- [5] Kabirova ASH. *Sorokovye-rokovye: Tatarstan v gody voennogo liholet'ja* [Forties-rock: Tatarstan in the war years]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ.; 2011 (in Russian).
- [6] Filippova JeV. *Pitanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Food in the years of the great Patriotic war]. Chelyabinsk: Cheljabinskii dom pečhati Publ.; 2005 (in Russian).
- [7] Shalak AV. *Uslovija zhizni i byt naselenija Vostochnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Living conditions and everyday life of the population of Eastern Siberia during the great Patriotic war (1941–1945)]. Irkutsk: izdatel'stvo IGJeA Publ.; 1998 (in Russian).
- [8] Tverdyukova ED. *Bor'ba so zloupotreblenijami v sfere kartochnogo snabzhenija naselenija SSSR. 1941–1947 gg.* [To combat abuse in the area of card supply of the population of the USSR. 1941–1947 years]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2010; (2): 32–40 (in Russian).
- [9] Solov'jova VV. *Bytovye uslovija personala promyshlennyh predprijatij Urala v 1941–1945 gg.: gosudarstvennaja politika i strategii adaptacii: diss. ... kand. ist. nauk* [The living conditions of personnel of industrial enterprises of the Urals in the 1941–1945: public policy and adaptation strategies: PhD thesis]. Ekaterinburg; 2011 (in Russian).
- [10] Orlov IB. *Ration Tickets Supplies in 1941–1943: Counts and Miscounts. Service & Tourism: Current Challenges*. 2010; (3): 36–42 (in Russian).

- [11] *Vladimirskij kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Vladimir Krai during the great Patriotic war (1941–1945)]. Vladimir: Vladimirskaja shkola Publ.; 1999 (in Russian).
- [12] Gorshkov A.I. and all, eds. *Trudjashhiesja Ivanovskoj i Vladimirskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Workers of Ivanovo and Vladimir regions during the great Patriotic war. (1941–1945)]. Ivanovo: Ivanovskoe knizhnoe izdatel'stvo; 1959 (in Russian).
- [13] Titova V.I. and all, eds. *Pobediteli: Vospominanija uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny i truzhenikov tyla* [Winners: the memoirs of participants of the great Patriotic war and homefront workers]. Vladimir; 2010 (in Russian).
- [14] Grafskaya G.G., ed. *Deti vojny – patrioty Otechestva* [War children: patriots of the land]. Vladimir; 2006 (in Russian).
- [15] Titova V.I., ed. *My vyshli iz vojny: g. Vladimir i vladimircy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny po dnevnikam, vospominanijam, dokumentam* [We came out of the war: Vladimir and Vladimir during the great Patriotic war in diaries, memoirs, documents]. Vladimir; 2004 (in Russian).
- [16] Frolov N.V., ed. *Kovrovchane v Velikoj Otechestvennoj* [Residents of Kovrova in the great Patriotic]. Kovrov: Mashteks; 2000 (in Russian).
- [17] Kudrin S.P. and all, ed. *Poisk. Nikto ne zabyt, ничто не забыто. Vospominanija vladimircev – uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny* [Search. Nobody is forgotten, nothing is forgotten. Memories of Vladimir – participants of the great Patriotic war]. Vladimir: IP Zhuravljova Publ.; 2011 (in Russian).
- [18] Vittmann F. *Roza dlya Tamary. Pamjat' o plene* [Rose for Tamara. The memory of captivity]. Vladimir: Tranzit Iks Publ.; 2003 (in Russian).
- [19] Komarova N.E., Monjakova O.A., eds. *Put' k Pobede: Kovrov v 1941 – 1945: sbornik materialov o Velikoj Otechestvennoj vojne* [The path to Victory: Carpets in 1941 – 1945: the collection of materials about the great Patriotic war]. Kovrov: Znamya truda Publ.; 2005 (in Russian).
- [20] Maksimova N.D. *Memuary A.P. Pugachevoj: (o gorode Vladimire v gody Velikoj Otechestvennoj vojny)* [The memoirs of A. P. Pugacheva (the city of Vladimir during the great Patriotic war)]. *Rozhdestvenskij sbornik*. Kovrov; 2005; XII (in Russian).

Article history:

Received: 27 February 2017

Accepted: 9 May 2017

For citation:

Ilya S. Tryakhov, Food problem and strategies for its solution in Vladimir region during the Great Patriotic War. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 429–444. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-429-444.

About the author:

Ilya S. Tryakhov, Candidat of Science (in history), Professor of the Department of Russian History at Federal state educational budgetary institution Higher professional education Vladimir state University. A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia.

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-445-461

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИСПАНИЕЙ В НАЧАЛЕ XIX В.

О.В. Волосюк

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101100, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
ovolosiuk@hse.ru

В статье рассматривается развитие торговых отношений между Россией и Испанией во время правления Карла IV и Фердинанда VII, внимание автора сосредоточено на деятельности дипломатов в развитии коммерции между двумя странами, в первую очередь И.М. Муравьева-Апостола, российского полномочного посланника в Испании (1802–1805), его испанского коллеги в Санкт-Петербурге, Гаспара-и-Марии де ла Нава Альвареса де Норонья, (1802–1807), а также генеральных консулов Испании Антонио де Коломби (Санкт-Петербург) и Франсиско де Багер-и-Рибаса (Одесса). На основе их донесений, отложившихся в центральных архивах России и Испании, прослежена зависимость развития коммерческих отношений от политической ситуации, сложившейся в Европе в эпоху наполеоновских войн, выявлены основные этапы развития торговли в эти годы и в посленаполеоновский период, рассмотрены особенности торговли на Балтике и в районе Черного моря, сделаны выводы о причинах сокращения торговли между Испанией и Россией во время правления Фердинанда VII.

Ключевые слова: Россия и Испания, торговые отношения, И.М. Муравьев-Апостол, граф де Норонья, Антонио де Коломби, Франсиско де Багер-и-Рибас

Введение

Смена монарха на российском престоле в 1801 г. повлекла за собой корректировку внешнеполитической концепции России и в ее рамках изменение отношений с Испанией. XVIII век завершился войной между Россией и Испанией, войной объявленной, но не состоявшейся, что свидетельствовало об отсутствии прямых противоречий между Петербургом и Мадридом и об их вовлеченности в общеполитическую ситуацию в Европе, которая, как и в течение всего XVIII века, определялась противостоянием между Лондоном и Парижем. Летом 1798 г. Бонапарт решил, что для закрепления успеха в этом противостоянии «необходимо овладеть Египтом», для того, как он объясняет

в письме к членам Директории, «чтобы действительно погубить Англию». И тут же между прочим добавляет: «Отчего бы нам не завладеть Мальтой?». Цель все та же – погубить Великобританию. «Мы разрушим Англию, – заключает он, – и Европа у наших ног» [Цит. по: 1, с. 30]. Менее всего в этот момент он думает о России, но именно это обстоятельство – захват Наполеоном Мальты – приведет в конце концов к подписанию Павлом I манифеста о войне против Испании (26.7.1799) [2, с. 194–197].

Эта «бумажная война», объявленная из-за отказа приорств Испании апробировать гротсмейстерский титул российского императора, потеряла смысл, как только Павла I не стало. Новый российский император Александр I писал в инструкции посланнику в Берлине барону А.И. Криденеру (17.1.1801), что самым «его заветным желанием является установление мира, настолько прочного, насколько это возможно» [3, с. 61.]. И летом 1801 г. он отправляет послом в Париж «знаменитого в хитростях дипломатической науки» графа А.И. Моркова, наказывая ему заключить мир с Францией и Испанией¹. Морков, минуя посредничество французов, вышел непосредственно на испанского посла в Париже Х. Н. Асару, который пользовался одновременно доверием и испанского первого министра М. Годоя, и Бонапарта. Возможность наладить прямые контакты с Асарой позволила провести переговоры в кратчайшие сроки, и 4 октября 1801 г. российский и испанский послы в Париже подписали мирный договор между двумя странами. Практически одновременно – 8 октября – Морков подписал еще один мирный договор – с министром иностранных дел Франции Ш.-М. Талейраном. Эти соглашения логично завершали усилия Александра «по установлению всеобщего мира» в Европе.

Для Испании союз с Россией имел выгоду, прежде всего, в рамках ее отношений с Францией. В течение всего XVIII в. внешняя политика Мадрида ориентировалась на династический союз двух Бурбонских держав, юридически закрепленный подписанием трех Фамильных пактов (1733, 1744, 1761), и этот курс сохранился, даже когда Французская монархия превратилась во Французскую республику. Но когда династический интерес испанских Бурбонов был погран самым бесцеремонным образом – Людовик XVI был гильотинирован – испанский король, доказывая верность династическим связям, вынужден был пойти на конфронтацию со своим бывшим союзником. Война с Французской республикой 1793–1795 гг. была Испанией бесславно проиграна, и в 1796 г. Мадрид вернулся к союзу с Парижем, подписав в Сан Ильдефонсо договор, который полностью подчинял Испанию интересам Французской республики. Обострение противостояния Бонапарта с Великобританией еще больше усилило зависимость Испании от внешнеполитических комбинаций Франции. Политическая подчиненность Испании усугублялась и ее сложным экономическим положением. Военные действия, которые Испания вела

¹ Бонапарт, в свою очередь желая разузнать обстановку при российском дворе, направляет в Россию своего доверенного человека, генерала Ж. Дюрока.

в 1790-е гг., увеличили объем ее военных расходов, а вместе с ними вырос и государственный долг, и налоговые тяготы. Война 1793–1795 гг. обошлась Карлу IV в 935 млн реалов, что увеличило бюджетные траты в три раза и привело к коллапсу государственных финансов. Военные обязательства, как указывает Е.Э. Юрчик, заметно превосходили финансовые возможности Испании. В 1798 г. страна находилась на грани банкротства [4, с. 169–170, 172]. Все эти факторы способствовали дальнейшему втягиванию Мадрида в орбиту интересов Парижа и закреплению этой «дружбы без доверия».

В декабре 1800 г. Годой вернулся к власти с широчайшими полномочиями. Он уже не занимал пост государственного секретаря – эту должность получил его родственник и политический протеже Педро Севальос. Годой же оказался «в роли главного советника, стоявшего над всеми министерствами, в виде такого связующего звена между правительством и королями» [5, р. 106]. Получив в следующем году чин генералиссимуса, он занял главенствующее положение в структурах власти. Его внешнеполитический курс был обусловлен его неприязнью к Англии и «все большим подчинением диктату наполеоновской Франции» [5, р. 106].

Восстановлением отношений с Россией Годой продемонстрировал Бонапарту полное согласие с его курсом и повиновение его планам, но в случае появления разногласий с Парижем он рассчитывал опереться именно на Петербург. «Россия, – писал Годой королеве Марии-Луизе (11.10.1801), – нужна нам для развития торговли; с ее зарождающимся флотом уже скоро будут считаться. Он не будет конкурировать с нашим флотом, но будет – с английским и французским»¹. Таким образом, в рамках этих новых отношений с Россией особое внимание Испания уделяла именно торговле.

Тем не менее, до настоящего времени российско-испанские торговые отношения в годы наполеоновских войн еще не стали предметом специального исследования. Надо сказать, что и в целом изучение российско-испанских дипломатических отношений в XIX в. остается, как это ни парадоксально звучит, «белым пятном» в мировой (не только российской!) историографии. Две статьи принадлежат перу испанцев (Х.Р. Уркихо [6], М. Эспадас Бургос [7]), но испанская историография остается сосредоточенной на изучении проблем своей внутренней политики либо внешней политики своих соседей (Франция, Великобритания, Австрия, Португалия). Подобная ситуация характерна и для российской историографии. За последние 30 лет была издана монография М.А. Додолева, охватывающая период 1808–1823 гг. [8], и ряд отдельных статей и глав в коллективных монографиях (А.И. Саплин [9; 10], Н.А. Суслова [11,12], Л.М. Бухармедова [13; 14], Е.Э. Юрчик [15–18], О.В. Волосюк [19–21]).

Одновременно с книгой Додолева в Испании в течение десяти лет вышли три монографии Аны-Марии Шоп Солер [22–24]. Она, пожалуй, единствен-

¹ Archivo Histórico Nacional (AHN), Estado, Leg. 2821.

ная из исследователей затронула вопросы политических отношений России и Испании в XVIII – начале XIX в., кратко охарактеризовав и торговые отношения. Предлагаемая ею трактовка развития испано-российских отношений, на наш взгляд, основывалась на весьма неполной документации (архивных испанских и некоторых опубликованных российских документах), что привело к некоей односторонности суждений и принижению роли России в европейском международном контексте XIX столетия. Отношения двух стран были представлены как история взаимного непонимания или недопонимания.

В 2008 г. в Барселоне вышло интересное исследование, посвященное деятельности испанского генерального консула в Петербурге Антонио де Коломби, построенное на тщательной проработке испанских архивов [25]. В последние несколько лет изучением испанской торговли через черноморские порты в начале XIX в. занялись украинские авторы (Б. Чума [26–29], Л.А. Вовчук [30]). Тем не менее, если сравнивать историю изучения российско-испанских коммерческих связей в XVIII (В.А. Уляницкий [31], Т.К. Крылова [32]) и XIX вв., то это сравнение будет не в пользу последнего периода. Это побудило нас уделить внимание, хоть и обзорно, российско-испанским отношениям в XIX в. в обобщающих изданиях, посвященных истории Испании [33]. А, учитывая большое количество документов, отложившихся в российских (прежде всего это Архив внешней политики Российской империи) и испанских архивах (Archivo Histórico Nacional, Archivo General de Simancas), появилась возможность исследовать вопрос о тенденциях развития российско-испанской торговли в начале XIX в. и более детально.

Восстановление торговых отношений в начале XIX в.

Взаимная российско-испанская коммерция успешно развивалась во второй половине XVIII в. Благоприятное отношение Екатерины II и Карла III, деятельность российского консула И.Ф. Бранденбурга в Кадисе, активность испанских консулов и купцов в Петербурге способствовали ее небывалому взлету. Если в середине 1760-х гг. в России еще не было испанских товаров, о чем в 1765 г. сообщал в Мадрид испанский посланник в Петербурге виконт де Эррерия¹, то в 1780 г. положительный торговый баланс Испании составил 582119 реалов². Во многом этому способствовала деятельность Антонио Коломби, который прибыл в Россию в 1773 г. в качестве главы торгового дома, а с 1785 г. занял должность испанского консула в Петербурге [25, p.]. В 1789 г., по его подсчетам, в российские порты из Барселоны, Малаги, Кадиса и Ам-

¹ Archivo General de Simancas, Estado, Leg. 6627.

² Письмо главы Торгового дома в Петербурге А. Коломби Флоридабланке 12.3.1780. Archivo Histórico Nacional (AHN) Estado. Leg. 4639.

стердама прибыли 12 испанских кораблей, а положительное сальдо торгового баланса составило 552110 реалов¹.

Придя к власти в 1792 г., М. Годой проявил заинтересованность в расширении торговли с Россией и распорядился регулярно направлять ему информацию о состоянии дел. Уже в 1793 г. вице-консул в Петербурге Ф. де Амаат направляет ему «Записку о том, какими знаниями должны обладать испанцы, которые занимаются торговлей с Россией»², а в 1796 г. новый вице-консул Б. де Мендисабаль составляет «Доклад» – объемный отчет о «способах расширения испанской торговли в России»³. В 1802 г. Коломби получил новый патент на консульскую деятельность в России и вернулся в Петербург.

Столь же активным был и российский интерес к торговле с Испанией. 25 марта 1765 г. Екатерина II подписала указ о создании российского консульства в Кадисе, а русский купец И.Ф. Бранденбург был назначен консулом и занимал эту должность более 30 лет до своей смерти в 1796 г. [31, с. 302–348]. Годы разрыва дипломатических отношений не способствовали развитию ни политических контактов, ни коммерции. Российское правительство занимали другие проблемы, и у него не было времени назначить нового консула. Поэтому коммерческие вопросы приходилось решать российскому посланнику в Мадриде И.М. Муравьеву-Апостолу.

Информация о торговых отношениях с Испанией была включена в одно из его первых донесений из Мадрида, где говорилось, что «торговля – это то единственное, чем могут заинтересовать друг друга Россия и эта страна»⁴. По прошествии двух месяцев Муравьев сообщал в Петербург о разговоре с Годоем, который объяснял дипломату, какие «преимущества может дать торговля для установления более тесных связей между двумя дворами»⁵. Надо сказать, что Муравьев-Апостол вопросам торговли уделял мало внимания: международная ситуация в Европе в 1803–1804 гг. настолько осложнилась, что почти все его донесения были сосредоточены на политике, в первую очередь на отношениях между Испанией, Францией и Англией. Возможно, именно поэтому в одной из своих депеш он настаивает на назначении нового консула в Кадис. Его можно было бы выбрать из представителей «наиболее известных торговых домов этой страны: они не будут просить зарплату, но будут находиться под протекцией России»⁶.

¹ АНН Estado leg. 4644. Schop 445.

² АНН Estado, leg. 4631. Другой его доклад о состоянии российского флота был озаглавлен «Noticias del Estado actual de las Fuerzas Navales del Imperio de Rusia en el Mar Negro, y en el de Azoff, y de los establecimientos principales que tiene allí hechos».

³ Mendizábal B. Medios de aumentar el comercio de España en Rusia. АНН, Estado, leg. 4582.

⁴ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1803. Оп. 468. Д. 7498. Л. 5.

⁵ АВПРИ. Д. 7498. Л. 22.

⁶ АВПРИ. Д. 7498. Л. 114.

Необходимость открытия новых консульств в России стояла и перед испанской стороной: в их отсутствие всеми вопросами и по балтийскому, и по черноморскому направлению вынужден был сосредоточить в своих руках Коломби в Петербурге. В отчете о торговле на Балтике (16/28.11.1804) он указывал, что стоимость испанских экспортируемых товаров через Петербург достигла 750 000 реалов, а импортируемых – 248 253 реала, что принесло прибыль 501 747 реалов¹. Однако предгрозовое состояние Европы в результате военного столкновения Англии и Франции мешало любым коммерческим операциям. «Число наших кораблей, – продолжал свой отчет консул, – в этом году возрастет, если политические обстоятельства не будут этому препятствовать. Пока же два корабля, направлявшиеся сюда с товарами метрополии и колоний, оказались в английских портах; еще один – во Франции. Подобная ситуация вынуждает менять маршруты уже готовых к отправке экспедиций». «В будущем, – продолжает он, – если нынешние обстоятельства сохранятся, это сильно затруднит нашу навигацию»². Уже в следующем донесении он отмечает, что, хотя Испания и сохранила положительное торговое сальдо в торговле с Россией, но прибыль по сравнению с 1803 г. заметно уменьшилась. Это, по его мнению, «является следствием настоящей войны между Англией и Францией и неясности с правами нейтральных государств»³.

В сложном положении оказался назначенный в 1804 г. вице-консулом Испании в Риге Антуан Бётефёр (Boetefeur)⁴. Наполеон, поглощенный борьбой с Англией, в рамках политики «континентальной блокады» настаивал на сворачивании любых торговых отношений с Британскими островами и вынудил «закрыть» для торговли Балтийское море. В результате испанская торговля с Россией, которая ранее успешно развивалась через Петербург, Ригу, Нарву, Ревель, Выборг и Фридрихсгам, практически сошла на нет [24, p. 444, 447].

Кризис на Балтике побудил активизировать коммерцию через южное направление. Еще с конца XVIII в. Россия инициировала черноморскую и азовскую торговлю, и в инструкции (6/19.5.1802) Муравьеву-Апостолу это было прописано довольно конкретно: «Находя подлинно, что торговля сия России полезно быть может, я желаю, чтоб вы при всяком случае, как министерство, так и всех тех, кои по части сей отозваться к вам могут, обнадеживали полной защитой и всякими поощрениями в черноморских, всех подданных гишпанских, кои торговать там пожелают»⁵. Для реализации этого проекта Александр I повелел своему посланнику в Константинополе В.С. Томаре ходатайствовать

¹ Corpus Diplomático Hispano-Ruso (1800–1903), Urquijo Goitia, J. R. (ed.): Madrid, Exterior XXI (Biblioteca Diplomática), 2005, p. 9.

² Corpus Diplomático Hispano-Ruso (1800–1903)... p. 9.

³ Corpus Diplomático Hispano-Ruso (1800–1903)... p. 11.

⁴ AHN, Estado, leg. 6122-2. 1804. Correspondencia del cónsul general Don Antonio Colombi con este Ministerio.

⁵ Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917. Т. 2. 1800–1917. М. 1997. С. 14.

перед султаном о праве прохода через проливы испанских кораблей, направлявшихся в Черное море¹.

В феврале 1803 г. средиземноморской торговлей с Россией заинтересовались купцы барселонской компании «Milans, Duran и Valls». «Мы предлагаем расширить наши торговые операции в районе Черного моря, особенно в Одессе, где, похоже, наши товары могут занять хорошую нишу, а в ответ можно вывозить из этой страны те товары, которые придутся к месту у нас», – писали они П. Севальосу, продолжая, – «мы знаем, что французы, австрийцы и выходцы из Рагузы имеют право прохода через эти проливы, в первую очередь, через Дарданеллы, и все больше убеждаемся в том, что, находясь в мире с Оттоманской Портой, должны получить такую же свободу»².

В мае испанский посланник в Константинополе И.-М. дель Корраль написал в Петербург своему коллеге графу де Норонье: «Вчера я имел удовольствие видеть, как входили в Черное море три испанских торговых корабля», добавив: «В связи с этим я возобновляю просьбу к в. с-ву, чтобы испанские консулы были назначены в российские порты, особенно в Одессу и Кафу [совр. Феодосия]»³. 2 июня 1803 г. Коломби получил письмо от Нороньи, в которое была вложена записка от Корраля. Тот настаивал на необходимости назначить консула хотя бы в Одессу, чтобы «получить все преимущества, которые открывает перед нами возможность свободной навигации». А узнав, что в ближайшее время в Одессу придут несколько испанских судов, он, не дожидаясь консула, определил уполномоченного, который должен был содействовать испанским негодантам⁴. Спустя месяц, 11 июля 1803 г., Севальос информировал Норонью, что консул в Одессе будет – король назначил на эту должность Луиса дель Кастильо, опытного дипломата, человека, хорошо знакомого и с Россией (в 1788–1792 гг. он работал в посольстве в Петербурге), и с консульской службой, будучи в 1796 г. консулом на Мадейре, а в 1801 – в Тунисе [34, р. 224]. 15 ноября 1804 г. новый испанский консул прибыл на место службы⁵.

Самые большие трудности в развитии средиземноморского направления торговли были связаны с препятствиями, которые чинила Оттоманская Порта для свободного прохода испанских кораблей через проливы. Севальос писал Корралю (2.2.1805), что необходимо добиваться отмены договора, по которому Константинополь ограничивал право прохода испанских кораблей, что желательно подключить к этому и российское правительство, используя его хорошие отношения с Портой, и российского посланника в Константинополе⁶.

¹ Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917. Т. 2. 1800–1917. М. 1997. С. 14.

² Corpus Diplomático Hispano-Ruso (1800–1903)... р. 6.

³ АНН. Estado. Leg. 6122-2. 1803.

⁴ АНН, Estado, leg. 6122-2. 1803.

⁵ АНН, Estado, leg. 6122-2. 1804. Correspondencia del cónsul general Dn Antonio Colombi con este Ministerio.

⁶ АНН, Estado, leg. 6122-2. 1805. Exp. 1. Correspondencia de la Corte.

В посленаполеоновский период торговля была восстановлена, но обрела некие специфические черты. Коммерческие интересы обоих партнеров практически не изменились. Как и прежде, экспортными товарами с испанской стороны оставались оливковое масло, миндаль, шафран, кофе, сахар, табак, хлопок, жгучий перец, лимоны, апельсины, соль и многое другое, но главным продуктом экспорта было вино. Россия продавала лен, железо, пеньку, паклю, деготь, вар, выделанные коровьи шкуры, парусину и тес, но в начале XIX в. сосредоточилась на торговле зерном¹. Основной задачей стало достижение того уровня взаимного обмена и привилегированного положения, которые существовали до войны. Не случайно при подготовке великолукского мирного договора испанское правительство настаивало, чтобы в него отдельно был включен пункт о заключении торгового договора, что и было зафиксировано в статье IV: «Сношения коммерческие отныне восстанавливаются и взаимно будут споспешествуемы»².

После подписания договора в Великих Луках союзные отношения в торговле были подтверждены на практике. В 1813 г. Петербург в ответ на настойчивые действия Ф. Сеа Бермудеса, бывшего в тот период испанским посланником, понизил ввозные пошлины на испанские вина, вернувшись к привилегированной пошлине, которую ввела Екатерина II в 1786 г. для испанских вин, поставлявшихся на испанских кораблях (правда, потом пошлина была повышена до значения 1797 г.). Эти пошлины были подтверждены и в 1814 г. [24, р. 450], но не были зафиксированы, что вызывало недовольство испанских купцов. Их поддержал испанский временный поверенный И. Перес де Лема, обиженно писавший в Мадрид: «Надо проводить жесткую линию по отношению к России в торговле сахаром, индиго, шелком, кармином, вином, маслом, орехами и т.д. – и посмотрим, кто больше в ком нуждается»³.

В 1811 г. умер проживший почти 40 лет в России А. Коломби, а прибывший в 1812 г. новый посланник Э. Бардахи-и-Асара (1812–1814) проявлял мало интереса к торговым делам. «Потребление испанского вина в России столь ничтожно, что не имеет смысла рассматривать его как важный объект экспорта», – писал Бардахи в Мадрид⁴. В 1826 г. Испания продала России вин на 279 360 реалов, тогда как второго по значению экспортного товара – лимонов и апельсинов – на 99 000 реалов. Несмотря на это, Национальная хунта по торговле посчитала торговлю вином с Россией малозначимой и по этой причине отказалась восстановить в 1822 г. вице-консульство в Риге и направить туда консула⁵.

¹ Список товаров практически не менялся. В 1828 г. такой же направил в Мадрид испанский консул в Одессе А. Багер-и-Рибас (3.1.1828), указав, что большую часть испанского экспорта в Россию всегда составляли колониальные товары // *Corpus Diplomático Hispano-Ruso* (1800–1903), р. 143.

² Россия и Испания. Т. 2. С. 60, 66.

³ *Corpus Diplomático Hispano-Ruso* (1800–1903), р. 60.

⁴ AHN, Estado, Leg. 3392.

⁵ AHN, Estado, Leg. 6133-1.

Более удачно в этот период развивалась торговля хлебом: в начале XIX в. в испанские порты, прежде всего в Барселону, приходили суда из Одессы, Николаева, Херсона, Ростова, Таганрога, груженные российским зерном. В 1803 г. в Барселону с юга России прибыли 24 корабля с зерном [24, р. 459–460]. Вопрос о поставках зерна в ходе наполеоновских войн был настолько актуален, что после подписания великолукского договора в сентябре 1812 г. в «Мадридской газете при Регентском совете Испании» появилась заметка, которая так и называлась: «Новости для тех, кто хочет торговать зерном в российских черноморских портах». В ней сообщалось, что в зернохранилищах южнопортовых городов России складированы большие запасы зерна, что испанские купцы могли бы подключиться к этой торговле, потеснив тех из юго-восточного Средиземноморья, кто имеет с этой торговли большие прибыли. Было сказано, что российское правительство готово содействовать этой торговле и гарантировать ее безопасность, что испанский консул в Константинополе может помочь с организацией там складов для испанских товаров с тем, чтобы весной, когда откроется навигация по Черному и Азовскому морям, испанцы со своими товарами оказались бы в числе первых и могли бы приобрести зерно по наиболее выгодным ценам¹.

Закончились европейские войны – и заметно выросло число испанских кораблей в южнороссийских портах. Однако турки продолжали чинить препоны испанским судам, поэтому испанцы стали проходить проливы под чужим флагом. Это создавало им определенные трудности, и в результате за 1817 г. только 22 испанских корабля прибыли из Одессы, 5 – из Таганрога и 3 – из Кафы, тогда как в том же году только в Таганроге загрузились около 400 иностранных судов. В 1819 г. число испанских кораблей в Одессе выросло до 30, в Таганроге – до 20 [24, р. 460–461].

Экспорт хлеба из России в начале XIX в. имел для испанской экономики и определенные негативные последствия: успешная каталонская торговля подрывала кастильское земледелие и привела в 1819 г. к коллапсу в хлебной торговле на внутреннем испанском рынке. Результатом стало принятие закона 1820 г. о запрете импорта зерна. Еще одним негативным последствием импорта российского хлеба стал вывоз из Испании большого количества наличности. Кроме того, в южные районы России из Испании потянулись «люди труда»: плотники, слесари, каменщики [24, р. 462–463]. «Отцы семейств в поисках лучшей доли решили обосноваться здесь, но из-за конкуренции многих других эмигрантов из Германии и Швейцарии не смогли найти работу и всю зиму провели в нищете», – с горечью писал испанский консул в Одессе Луис дель Кастильо в 1819 г.².

¹ *Gazeta de Madrid baxo el Gobierno de la Regencia de las Españas*. 26.09.1812. <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1812/028/C00287-00289.pdf>.

² АНН, Estado, Leg. 6220.

Закон о запрете импорта зерна подорвал «южный поток» испано-русской торговли – в 1825 г. из испанских портов вышло 3 судна в российские порты: 2 – в Таганрог и 1 – в Одессу. Для России продажа хлеба была одной из важнейших составляющих экспорта, поэтому, потеряв Испанию, начиная с 1826 г. российские купцы стали использовать в качестве «зернохранилища» Мальту, пытаясь оттуда поставлять зерно напрямую в страны Южной Америки [24, р. 466–467]. Кроме того, в связи с утратой американского рынка сальдо торгового баланса Испании стало отрицательным, достигнув в 1826 г. 13 171 230 реалов, а в 1827 г. дефицит составил 8,581, 521 реалов [23, р. 9–10].

Новым торговым представителем в Одессе в должности вице-консула стал Франсиско Багер-и-Рибас, который прибыл туда в 1824 г., а в 1828 г. был назначен там консулом [28, р. 34–35]. В 1832 г. он составляет работу под названием «Доклад о торговле в портах Черного и Азовского морей и Дуная», которая послужила ценным источником информации и справочником для его современников¹. В отчете о состоянии торговли и навигации в Одессе, составленном в 1836 г., Багер-и-Рибас рассуждал о совершенствовании торговли испанскими винами. Сравнивая пошлины на греческие и испанские вина, дипломат указывал, что испанские негоданты вынуждены платить двойные пошлины. Размышляя о возможных мерах для снижения пошлин на поставляемые в Россию испанские вина, он заключал, что необходим договор, который бы предоставил купцам обеих наций равные права и возможности². Но подписание торгового договора было заморожено, и в этом виновата уже была не война в Европе, а политическое «равнодушие» властей обеих стран. Вопрос о торговом договоре вновь будет поднят в 1860-е гг., когда Багер уже покинет Россию.

Выводы

Революция во Франции и последовавшие за ней в течение двадцати непрерывных лет войны в Европе несколько ослабили интенсивность торговых связей между Петербургом и Мадридом. Русско-турецкая война 1806–1812 гг., континентальная блокада Англии, нашествие Наполеона в Россию практически заморозили эту торговлю, но после окончания общеевропейских войн она сумела восстановить свой уровень. Торговля переживала подъем, который продолжался примерно десятилетие. Новый испанский консул Багер-и-Рибас, прибывший в Одессу как раз в конце этого периода, среди причин ее упадка в середине 1820-х гг. называет следующие (9/21.4.1837): возрождение испанского сельского хозяйства и снижение необходимости в поставках импортного зерна; политика Порты, ограничивающей доступ в проливы для испанских судов; увеличение потребности России в испанских колониальных

¹ Baguer y Ribas Francisco Memoria sobre el comercio de los Puertos del Mar Negro de Azon y del Danubio. Madrid, Imprenta Real. 1832.

² АНН. Мо Exteriores, Leg., 1837. № 101.

товарах, особенно сахаре, который дешевле и проще доставлять напрямую в Петербург, нежели в Одессу. Южное направление русско-испанской торговли начало оживать только к началу 1830-х гг.: в 1827 г. был подписан испано-турецкий договор, который предоставлял кораблям под испанским флагом право прохода через проливы; в 1829 г. Кадис получил налоговые льготы, и в том же году был подписан русско-турецкий мирный договор.

В XIX в., как и в предыдущем столетии, торговые отношения между Россией и Испанией строились на инициативе снизу, развивались даже при условии безучастного отношения верхов, но замирали, если власть открыто противодействовала этой торговле. Подписание же торгового договора зависело полностью от политической воли правительств обеих стран. Эта политическая воля появилась только в 1876 г., когда был подписан первый торговый договор, за которым последовали сразу два – в 1885 и 1887 гг.

© Волосюк О.В., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1803. Оп. 468. Д. 7498.

Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917. Т. 2. 1800–1917. М., 1997.

Archivo General de Simancas, Estado, Leg. 6627.

Archivo Histórico Nacional, Estado, leg. 4631 leg. 4582 leg. 6122-1, 6122-2.

Baguer y Ribas Francisco Memoria sobre el comercio de los Puertos del Mar Negro de Azon y del Danubio. Madrid, Imprenta Real. 1832.

Corpus Diplomático Hispano-Ruso (1800–1903), Urquijo Goitia, J. R. (ed.): Madrid, Exterior XXI (Biblioteca Diplomática), 2005.

Gazeta de Madrid. España. Cadiz, 25 de septiembre de 1812. Real Consulado. URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1812/028/C00287-00289.pdf>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Трачевский А.С.* Наполеон I. Его жизнь и государственная деятельность: Биографический очерк. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлихъ, 1900.
- [2] *Волосюк О.В.* Испания и Европа в годы Французской революции // История Испании / Отв. ред.: О. В. Волосюк, М. А. Липкин, Е. Э. Юрчик. Т. 2: С начала XVIII века до наших дней. М.: Индрик, 2014.
- [3] Россия и Европа. Эпоха Наполеоновских войн. Отв. ред. Т.В. Черникова. М.: Р.Валент, 2012.
- [4] *Юрчик Е.Э.* От «просвещенной монархии» к «просвещенному деспотизму» // История Испании / Отв. ред.: О. В. Волосюк, М. А. Липкин, Е. Э. Юрчик. Т. 2: С начала XVIII века до наших дней. М.: Индрик, 2014.

- [5] *Seco Serrano C. Godoy y Jovellanos* // Seco Serrano C., Martínez de Sas M. T. Profesor Carlos Seco Serrano: haciendo historia. Barcelona, Edicions de Universitat de Barcelona, 1989.
- [6] *Urquijo y Goitia J.R. El Carlismo y Rusia* // Hispania. Revista española de historia. 1988. XLVIII/169. P. 599–624.
- [7] *Espadas Burgos M. Dos embajadas extraordinarias en Rusia: la del duque de Osuna (1856) y la del duque de Montpensier (1883)* // Estudios históricos: Homenaje a los profesores José M^o Jover Zamora y Vicente Palacio Atard. Madrid: Universidad Complutense, 1990. Vol. 1. P. 353–360.
- [8] *Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823. Война и революция в Испании и русско-испанские отношения*. М.: Наука, 1984.
- [9] *Саплин А.И. Российский посол в Испании (1805–1809)* // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 178–184.
- [10] *Саплин А.И. Испания во внешнеполитических планах Александра I (по донесениям полковника А.И. Чернышева)* // Проблемы испанской истории 1987. М.: Наука, 1987. С. 223–236.
- [11] *Суслова Н.А. Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845)* // Из глубины времен., 1995. № 5. С. 100–112.
- [12] *Суслова Н.А. Проект испанской конституции русского дипломата Д.П. Татищева* // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 224–230.
- [13] *Бухармедова Л.М. Россия и Испания в годы правления Альфонса XII (по материалам АВПР)* // Россия и Европа. Дипломатия и культура: сб. статей. М.: Наука, 1995. С. 128–141.
- [14] *Бухармедова Л.М. Русско-испанские отношения во времена российского посланника в Испании Михаила Горчакова* // Россия–Испания–Иberoамерика. Перекрестный год сотрудничества. М.: МГИМО, 2011. С. 50–55.
- [15] *Юрчик Е.Э. Григорий Александрович Строганов (1805–1810)* // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / Отв. ред.: О. В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016.
- [16] *Юрчик Е.Э. Дмитрий Павлович Татищев (1814–1819)* // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / Отв. ред.: О. В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016.
- [17] *Юрчик Е.Э. Петр Яковлевич Убри (1824–1836)* // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / Отв. ред.: О. В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016.
- [18] *Юрчик Е.Э. Александр Никитич Волконский (1862–1870)* // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / Отв. ред.: О. В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016.
- [19] *Волосюк О.В. Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1802–1804)* // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / Отв. ред.: О. В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016.
- [20] *Волосюк О.В. Михаил Александрович Голицын (1856–1860)* // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / Отв. ред.: О. В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016.
- [21] *Волосюк О.В. Эрнест Густавович Штакельберг (1861–1862)* // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / Отв. ред.: О. В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016.

- [22] *Schop Soler A.M.* Las relaciones entre España y Rusia en la época de Carlos IV. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1971.
- [23] *Schop Soler A.M.* Las relaciones entre España y Rusia en la época de Fernando VII (1808–1833). Barcelona: Universidad de Barcelona, 1975.
- [24] *Schop Soler A.M.* Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833. Madrid: MAE, Dirección General de Relaciones Culturales, 1984.
- [25] *Zucchitello M.* Un català a la cort dels tsars: Antoni Colombí Payet, comerciant i primer cònsol general d'Espanya a Rússia (Tossa 1749 – Sant Petersburg 1811). Barcelona: Generalitat de Catalunya, 2008.
- [26] *Чума Б.* Діяльність Луїса дель Кастильйо на посаді першого консула Королівства Іспанії в Одесі (1804–1825 рр.) // Гуржіївські читання. Черкаси: Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького, 2011. Вип. 4. С. 278–281.
- [27] *Chuma Bohdan.* “Los primeros pasos del comercio español por el puerto de Odesa” // Congreso Internacional “Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspectos teóricos y metodológicos”, Granada, 7–9 de septiembre de 2011. R. Guzmán Tirado, L. Sokolova (eds.), Granada, Universidad de Granada, 2011, págs. 513–517.
- [28] *Chuma Bohdan.* Víctima inocente de la Guerra de Crimea (1853–1856): Historia del Cónsul español Francisco Baquer y Ribas // Actas del III Congreso de Hispanistas de Ucrania. Kiev, 2013, págs. 33–44.
- [29] *Chuma B.* Ciudades del Mar Negro en la descripción de los Cónsules españoles de Odesa de la primera mitad del siglo XIX // Actas del VI Congreso de Hispanistas de Ucrania. Lviv: Astrolabio Editorial, 2015, págs. 82–96.
- [30] *Вовчук Л.А.* Російсько-іспанські дипломатичні зв'язки (на матеріалах іспанських представництв у чорноморсько-азовських портових містах Російської імперії кін. XVIII – початку XX ст.) // Гуманітарний вісник. Число 21. Вип. 5. Частина 1 Серія: Історичні науки 2014. С. 186–197.
- [31] *Уляницький В.А.* Русские консульства за границею в XVIII веке. Кн. 1–2. М., 1899.
- [32] *Крылова Т.К.* Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Культура Испании. М.–Л., 1940.
- [33] *Волосюк О. В.* Испания и Россия в первой трети XIX века // История Испании / Отв. ред.: О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик. Т. 2: С начала XVIII века до наших дней. М.: Индрик, 2014
- [35] *Ozamat D.* Les diplomates espagnols du XVIIIe siècle: introduction et répertoire biographique (1700–1808). Madrid-Bordeaux: Casa de Velázquez, 1998.

История статьи:

Поступила в редакцию: 19 мая 2017 г.

Принята к печати: 4 сентября 2017 г.

Для цитирования:

Волосюк О.В. Торговые отношения между Россией и Испанией в начале XIX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 445–461. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-445-461.

Информация об авторе:

Волосюк Ольга Виленовна – доктор исторических наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, РФ.

Финансирование:

Статья подготовлена в ходе проведения исследования 16-01-0107 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

**COMMERCIAL RELATIONS
BETWEEN RUSSIA AND SPAIN IN THE EARLY 19TH CENTURY**

Olga V. Volosyuk

National Research University “Higher School of Economics”
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101100, Russia
ovolosiuk@hse.ru

This article examines the development of trade relations between Russia and Spain during the reign of two Spanish kings: Charles IV and Ferdinand VII. The author’s attention is focused on the agency of diplomats, who made a big advance in the formation of trading relations between the two countries. The author concentrates on Ivan Muravyov-Apostol, the Russian ambassador to Spain (1802–1805), his Spanish partner Gaspar Maria de la Nava y Álvarez de Noroña (1802–1807), and on the consuls of Spain Antoni de Colombí (St. Petersburg) and Francisco de Bager y Ribas (Odessa). Based on their reports, which are located in both Russian and Spanish archives, it is possible to trace the dependence of commercial relations from the political situation in the world, established in Europe in the era of Napoleonic wars. Their information also allows revealing the main stages of development in trading during these years and the future, observe the merchantry on the Baltic Sea and in the area of the Black Sea. Analyzing these materials, conclusions about the cause of diminishing of the commercial activity between Russia and Spain during the reign of Ferdinand VII can be made. The attention of the author is also paid to the conditions, which were established for the trade of Spain’s main export product to Russia – wine, and trading of grain through the area of the Black and Mediterranean Seas, which received special progress in the beginning of the 19th century.

Key words: Russia and Spain, commercial relations, Ivan Muravyov-Apostol, count de Noroña, Antoni de Colombí, Francisco de Bager y Ribas

REFERENCES

- [1] Trachevskiy AS. *Napoleon I. Yego zhizn' i gosudarstvennaya deyatel'nost': Biograficheskiy ocherk* [Napoleon I., His life and public activity: Biographical sketch]. St. Petersburg: Tipografiya YU. N. Erlikh, 1900 (in Russian).
- [2] Volosyuk OV. *Ispaniya i Yevropa v gody Frantsuzskoy revolyutsii* [Spain and Europe in the years of the French revolution]. *Istoriya Ispanii* [History of Spain]. Moscow: Indrik Publ., 2014; 2 (in Russian).
- [3] Chernikova TV., ed. *Rossiya i Yevropa. Epokha Napoleonovskikh voyn* [Russia and Europe. The era of the Napoleonic wars]. Moscow: R. Valent Publ., 2012 (in Russian).
- [4] Yurchik YeE. Ot "prosveshchennoy monarkhii" k «prosveshchennomu despotizmu» [From the "enlightened monarchy" to "enlightened despotism"]. *Istoriya Ispanii* [History of Spain]. Moscow: Indrik Publ, 2014; 2 (in Russian).
- [5] Seco Serrano C. Godoy y Jovellanos. In: Seco Serrano C., Martínez de Sas MT. *Profesor Carlos Seco Serrano: haciendo historia*. Barcelona, Edicions de Universitat de Barcelona; 1989.
- [6] Urquijo y Goitia JR. El Carlismo y Rusia. *Hispania. Revista española de historia*. 1988; XLVIII/169: 599–624.
- [7] Espadas Burgos M. Dos embajadas extraordinarias en Rusia: la del duque de Osuna (1856) y la del duque de Montpensier (1883). *Estudios históricos: Homenaje a los profesores José Mª Jover Zamora y Vicente Palacio Atard*. Madrid: Universidad Complutense, 1990; 1: 353–360.
- [8] Dodolev MA. *Rossiya i Ispaniya 1808–1823. Voyna i revolyutsiya v Ispanii i russko-ispanskiye otnosheniya* [Russia and Spain 1808–1823. War and revolution in Spain and Russian-Spanish relations]. Moscow: Nauka Publ.; 1984 (in Russian).
- [9] Saplin AI. Rossiyskiy posol v Ispanii (1805–1809) [The Russian Ambassador in Spain (1805–1809)]. *Voprosy istorii*. 1987; (3): 178–184 (in Russian).
- [10] Saplin AI. Ispaniya vo vneshnepoliticheskikh planakh Aleksandra I (po doneseniyam polkovnika A.I. Chernysheva) [Spain in the foreign policy plans of Alexander I (according to reports of the Colonel AI Chernyshev)]. *Problemy ispanskoj istorii 1987* [The problems of Spanish history]. Moscow: Nauka Publ.; 1987 (in Russian).
- [11] Suslova NA. Dmitriy Pavlovich Tatishchev (1767–1845). *Iz glubiny vremen*. 1995; (5): 100–112 (in Russian).
- [12] Suslova NA. Proyekt ispanskoj konstitutsii russkogo diplomata D.P. Tatishcheva [The Spanish project of the Constitution of the Russian diplomat D. P. Tatishchev]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2000; (5): 224–230 (in Russian).
- [13] Bukharmedova LM. Rossiya i Ispaniya v gody pravleniya Alfonsa XII (po materialam AVPR) [Russia and Spain during the reign of Alfonso XII (materials, Archive of foreign policy of Russia)]. *Rossiya i Yevropa. Diplomatiya i kultura: sb. Statey* [Russia and Europe. Diplomacy and culture: the collection articles]. Moscow: Nauka Publ.; 1995 (in Russian).
- [14] Bukharmedova LM. Russko-ispanskiye otnosheniya vo vremena rossiyskogo poslannika v Ispanii Mikhaila Gorchakova [Russian-Spanish relations during the Russian envoy in Spain Mikhail Gorchakov]. *Rossiya–Ispaniya–Iberoamerika. Perekrestnyy god sotrudnichestva* [Russia–Spain–Latin America. Cross year cooperation]. Moscow: MGIMO; 2011 (in Russian).

- [15] Yurchik YeE. Grigoriy Aleksandrovich Stroganov (1805–1810). *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii. Rossiyskiye diplomaty v Yespaña. 1667–2017* [Russian diplomats in Spain]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ.; 2016 (in Russian).
- [16] Yurchik YeE. Dmitriy Pavlovich Tatishchev (1814–1819). *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii. Rossiyskiye diplomaty v Yespaña. 1667–2017* [Russian diplomats in Spain]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ.; 2016 (in Russian).
- [17] Yurchik YeE. Petr Yakovlevich Ubri (1824–1836). *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* [Russian diplomats in Spain]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ.; 2016 (in Russian).
- [18] Yurchik YeE. Aleksandr Nikitich Volkonskiy (1862–1870). *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* [Russian diplomats in Spain]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ.; 2016 (in Russian).
- [19] Volosyuk OV. Ivan Matveyevich Murav'yev-Apostol (1802–1804) *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* [Russian diplomats in Spain]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2016 (in Russian).
- [20] Volosyuk OV. Mikhail Aleksandrovich Golitsyn (1856–1860). *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* [Russian diplomats in Spain]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2016 (in Russian).
- [21] Volosyuk OV. Ernest Gustavovich Shtakel'berg (1861–1862) *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* [Russian diplomats in Spain]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2016 (in Russian).
- [22] Schop Soler AM. *Las relaciones entre España y Rusia en la época de Carlos IV*. Barcelona: Universidad de Barcelona; 1971.
- [23] Schop Soler AM. *Las relaciones entre España y Rusia en la época de Fernando VII (1808–1833)*. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1975.
- [24] Schop Soler AM. *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833*. Madrid: MAE, Dirección General de Relaciones Culturales; 1984.
- [25] Zucchitello M. *Un català a la cort dels tsars: Antoni Colomí Payet, comerciant i primer cònsol general d'Espanya a Rússia (Tossa 1749 – Sant Petersburg 1811)*. Barcelona: Generalitat de Catalunya; 2008.
- [26] Chuma B. Díyal'níst' Luísa del' Kastil'yo na posadí pershogo konsula Korolívstva Íspanií v Odesí (1804–1825 rr.). *Gurzhíivs'kí chitannya*. Cherkasi: Cherkas'kiy natsional'niy universitet ím. B. Khmel'nits'kiy, 2011; 4: 278–281 (in Ukrainian).
- [27] Chuma B. Los primeros pasos del comercio español por el puerto de Odesa. *Congreso Internacional "Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspéctos teóricos y metodológicos", Granada, 7–9 de septiembre de 2011*. Granada, Universidad de Granada, 2011; pp. 513–517.
- [28] Chuma B. Víctima inocente de la Guerra de Crimea (1853–1856): Historia del Cónsul español Francisco Baquer y Ribas. *Actas del III Congreso de Hispanistas de Ucrania*. Kiev, 2013; pp. 33–44.
- [29] Chuma B. Ciudades del Mar Negro en la descripción de los Cónsules españoles de Odesa de la primera mitad del siglo XIX. *Actas del VI Congreso de Hispanistas de Ucrania*. Lviv: Astrolabio Editorial, 2015; pp. 82–96.
- [30] Vovchuk LA. Rosíys'ko-íspans'kí diplomatichní zv'yazki (na materíaly íspans'kikh predstavnitstv u chornomors'ko-azovs'kiy portovikh místakh Rosíys'koí ímperíí kín XVIII. Pochatok XX st.) [Russian-Spanish diplomatic relations (on materials of the Spanish missions in the Azov-black sea port cities of the Russian Empire, the end of the XVIII – early

- XX centuries)]. *Gumanitarniy visnik. Seriy: Ístorichní nauki*. 2014; 21(5): 186–197 (In Ukrainian).
- [31] Ulyanitskiy VA. Russkiye konsulstva za granitseyu v XVIII veke [Russian Consulate abroad in the eighteenth century]. Moscow: Tip. G. Lissnera i A. Geshelya Publ., 1899; Books 1–2.
- [32] Krylova TK. *Otnosheniya Rossii i Ispanii v pervoy chetverti XVIII veka* [Relations between Russia and Spain in the first quarter of XVIII century]. Moscow – Leningrad, 1940 (In Russian).
- [33] Volosyuk OV. Ispaniya i Rossiya v pervoy treti XIX veka [Spain and Russia in the first third of the XIX century]. *Istoriya Ispanii* [History of Spain]. Т. 2: S nachala XVIII veka do nashikh dney. Moscow: Indrik; 2014 (In Russian).
- [34] Ozanam D. *Les diplomates espagnols du XVIIIe siècle: introduction et répertoire biographique (1700–1808)*. Madrid-Bordeaux Casa de Velázquez; 1998.

Article history:

Received: 19 May 2017

Accepted: 4 September 2017

For citation:

Olga V. Volosyuk, Commercial relations between Russia and Spain in the early 19th century. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 445–461. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-445-461.

About the author:

Olga V. Volosyuk, PhD in Modern History, Professor of History at the Faculty of World Economy and International Affairs at the National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.

Financing:

The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2016–2017 (grant №16-01-0107) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-462-476

РОССИЯ – МОНГОЛИЯ: ПО ПУТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Эрдэнэбаяр Ганхуяг

Министерство иностранных дел Монголии,
14210, Монголия, Улан-Батор, ул. Энх тайвны, 7а
erdenebaiar @yandex.ru

В статье автор ставит целью показать процесс развития отношений Монголии и России с 1990-х по 2016 г., определить роль внутренних и внешних факторов, повлиявших на их развитие, и наметить перспективы. Выделены этапы в истории отношений в рассматриваемый период, проанализирована их динамика, названы причины, тормозившие их развитие. Дан краткий обзор как российской, так и зарубежной научной литературы, анализирующей монголо-российские отношения в рассматриваемый период. С учетом возможного развития военно-политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) обоснована необходимость монголо-российского сближения.

Ключевые слова: монголо-российские политические отношения, Азиатско-Тихоокеанский регион

Введение

В 2016 г. исполнилась 95-я годовщина со дня установления дипломатических отношений между Россией и Монголией. С момента провозглашения независимости от Цинской империи в 1911 г. и до конца 1980-х гг. история Монголии тесным образом была связана с СССР. Россия поддержала монголов в их стремлении к отделению от Цинской империи и сыграла одну из главных ролей в провозглашении независимости, оказав им существенную помощь в построении государственности. За короткий срок Монголия из отсталой окраины Цинской империи с вымирающим населением превратилась в современное, развитое государство. СССР стал для Монголии верным союзником, спонсором, гарантом суверенности. В свою очередь, Монголия также играла важную роль в российской истории. Так, монголы повлияли на объединительные процессы русских земель в XIV–XV вв., русские переняли у монголо-татар особенности государственности, военной и финансовой систем, приемы дипломатии. Значима была роль Монголии во внешней полити-

ке СССР. Она являлась «буфером» между СССР и КНР в период их непростых взаимоотношений. Существенной была помощь Монголии советскому народу в годы Второй мировой войны. Так, Монголия одной из первых зарубежных стран выразила готовность помочь Советскому Союзу сразу же после начала Великой Отечественной войны, ее разнообразная помощь была сравнима по объему с ленд-лизом¹.

По окончании Второй мировой войны СССР на правах победителя добился международного признания Монголии, которая стала верным союзником Советского Союза на весь последующий период холодной войны, поддерживая его инициативы на международной арене. После распада СССР новое российское руководство устремилось на Запад в поисках более выгодных внешнеэкономических партнеров. Социалистическая система рухнула за очень короткий срок, и Монголия, испытывая большое количество внутренних проблем в социально-экономической и политической жизни, оказалась без поддержки своего недавнего союзника. В отношениях Монголии и России наступил период стагнации и даже свертывания двусторонних контактов. Данное состояние двусторонних отношений длилось около десяти лет, в течение которых в самой Монголии и в ее внешней политике произошли существенные перемены. Монгольское руководство смогло преодолеть негативные тенденции в социально-экономической и политической жизни и проявило способность к маневрированию как во внутренней, так и во внешней политике, в результате чего возникла новая монгольская государственность. В 1992 г. в Монголии была принята новая Конституция, в которой были зафиксированы правовые основы новой политической системы и рыночной экономики; провозглашена многопартийная система. Согласно Конституции Монголия – независимое, суверенное государство, которое базируется на принципах демократии, справедливости, свободы, равноправия, обеспечения национального согласия, уважения к закону². Новая Монголия стала строить отношения с другими государствами не на идеологической, а на равноправной, взаимовыгодной основе.

Монголия стала встраиваться в новую систему международных отношений и мировой экономики, при этом был задействован самый сильный аргумент – богатейшие запасы природных ископаемых, вследствие чего Монголия долго в одиночестве не оставалась. Западные компании устремились в Монголию, предлагая выгодные контракты и инвестиции в освоении монгольских природных ресурсов. На рубеже XX–XXI вв. значение Монголии в международных отношениях резко возросло. Россия осознала значимость Монголии

¹ Как Монголия помогала СССР в Великой Отечественной войне. URL: <http://rf-smi.ru/his/30250-kak-mongoliya-pomogala-sssr-v-velikoy-otechestvennoy-voyne.html>. (Дата обращения 10.09.2016).

² Монгол Улсын Үндсэн Хууль. URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/367> (Дата обращения 14.09.2016).

на восточном направлении и упущенные политические и экономические выгоды от потери отношений со своим недавним союзником.

С избранием Президентом России В.В. Путина в 2000 г. Россия взяла курс на усиление восточного вектора своей внешней политики. На самом высоком уровне Россия стала предпринимать усилия по восстановлению отношений с Улан-Батором. Но вернуться к прежнему состоянию отношений было непросто, так как за очень короткий срок Монголия наладила выгодное сотрудничество с Китаем, США, Южной Кореей, Японией, Канадой и другими экономически развитыми странами. Ниша России оказалась занятой. Это осознавали и в РФ. Один из ведущих российских монголоведов В.В. Грайворонский отмечает: «Страна, занимающая важное стратегическое положение в глубине Внутренней Азии, превращается в арену открытого и скрытого политического и экономического соперничества между Россией, Китаем, США, Японией, ЕС, Великобританией, Канадой, Южной Кореей и др.» [1].

Актуальность данной статьи обуславливается тем, что в настоящее время в условиях настойчивого продвижения сил НАТО к рубежам России, продолжения западных экономических санкций Россия намерена развивать сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона с целью подключения Сибири и Дальнего Востока к экономическим и политическим интеграционным процессам АТР. В этом продвижении к АТР Монголия может стать одним из опорных пунктов, в частности, страной-транзитером для развития торгово-экономического, гуманитарного, логистического, энергетического сотрудничества со странами АТР.

Также Монголия, как считают российские эксперты, обладая богатейшими запасами природных ископаемых, нуждаясь в российских энергоресурсах, является чрезвычайно перспективной для России в плане экономического сотрудничества. ВВП Монголии в 2010 г. вырос на 6,4%, в 2011 г. – 17,3%, в 2012 г. – на 12,3%. По прогнозам специалистов Всемирного банка, в ближайшее десятилетие ежегодный рост экономики Монголии составит в среднем 15% в год¹. Хотя следует отметить, что в настоящее время наблюдается замедление темпов роста ВВП. В 2016 г. ВВП Монголии по сравнению с 2015 г., снизился на 1,6%². Для Монголии сотрудничество с Россией весьма перспективно. Монголия в обновленной Концепции внешней политики, принятой в 2011 г., взяла за основу своей внешней политики принцип сбалансированных отношений с Россией, Китаем и провозгласила концепцию «третьего соседа» в лице США, Японии, Южной Кореи и др. как гарантию суверенности. Вышеназванные страны в настоящее время проявляют активность в развитии со-

¹ Монгол улсын статистикийн эмхтгэл. *Mongolian Statistical Yearbook*. 2012. Улаанбаатар, 2013. URL: http://istmat.info/files/uploads/44423/mongolian_statistical_yearbook_2012.pdf (on Mongolian). С. 129 (Дата обращения: 10.09.2016).

² Монголия – экономические показатели. URL: <http://ru.tradingeconomics.com/mongolia/indicators> (Дата обращения: 10.09.2016).

трудничества с Монголией¹. В то же время руководство Монголии понимает, что сложно удержать баланс в отношениях с экономически развитыми и политически искушенными государствами. Так, например, объем двусторонней торговли Монголии с Китаем по итогам 2015 г. в пять раз превысил объем торговли Монголии и России². Вместе с тем есть основания полагать, что и в нынешних сложных условиях выстраивания нового миропорядка Монголия может найти в лице России взаимовыгодного стратегического партнера. При сбалансированном развитии двусторонних отношений Россия могла бы оказывать Монголии существенную политическую и дипломатическую поддержку во благо развития монгольского государства и двусторонних отношений.

Надо полагать, что Россия, традиционно имея стратегические интересы в Монголии, будет прилагать все усилия, чтобы Монголия оставалась для нее выгодным политическим и экономическим партнером и надежным соседом.

Проблемой развития взаимоотношений России и Монголии занимается целый ряд российских и монгольских исследователей, среди которых следует особо выделить работы крупного российского монголоведа Г.С. Яскиной [2–4]. Важный вклад в изучение российско-монгольских отношений вносят труды В.В. Грайворонского [5; 6], В.А. Родионова [7–9], Е.В. Бойковой [10], Е.И. Лиштованного [11]. В Монголии изучением развития современных двусторонних отношений занимаются Гунгаагийн Базарвань [12], Наран-Оюун Ганбаатар [13] и др.

В данной статье на основе официальных документов и исследований российских и монгольских ученых предполагается выявить процесс развития двусторонних отношений от периода их спада в начале 1990-х гг. до отношений стратегического партнерства 2016 г., определить факторы, повлиявшие на их развитие, и наметить перспективы.

Как отмечает М.И. Гольман, в период с 1990 г. по настоящее время можно выделить три этапа во взаимоотношениях России и Монголии: первый этап 1990–1993 гг., характеризуемый как период упадка; второй этап 1993–1999 гг. расценивается как период их восстановления и стабилизации; третий этап с 2000 г. по настоящее время – перерастание добрососедских связей в отношения стратегического партнерства [14]. Каждый из этих этапов был вызван совокупностью как объективных, так и субъективных причин и нуждается в научном осмыслении с целью выявления его содержания, проблем и перспектив восстановления прочных и добрососедских отношений в интересах обеих стран.

¹ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтла (Концепция внешней политики Монголии). 2011. URL: http://www.mfa.gov.mn/?page_id=25999 (Дата обращения: 25.08.2016).

² Объем торговли Монголии с КНР в пять раз превысил товарооборот с Россией. URL: <http://tayga.info/129114> (Дата обращения: 28.08.2016).

Период упадка российско-монгольских отношений

Первый этап взаимоотношений 1990–1993 гг. был наиболее болезненным и чувствительным для обеих стран. В этот период происходил распад СССР, рушился социалистический лагерь, элиты обеих стран были твердо намерены избавиться от идеологических пут и строить международные отношения, исходя из общечеловеческих ценностей и взаимной выгоды. Как результат, произошло резкое снижение интенсивности российско-монгольских отношений. Исследователь Е.И. Лиштованный отмечал: «Все-таки 90-е годы мощно подорвали российско-монгольские отношения. Виной тому известные события и в нашей стране, и в Монголии. Расхождение было объективно запрограммировано» [15]. Этот период характеризовался спадом отношений по всем направлениям, особенно в торгово-экономическом, а также культурном, научном, военном, прекратилась советская помощь: прежнее 30-процентное субсидирование монгольского годового бюджета, товарооборот между странами в 1991–1993 гг. сократился на 40% [14].

В феврале 1991 г. РСФСР и МНР подписали Декларацию о дружбе и добрососедском сотрудничестве, в которой обе стороны провозгласили взаимный отказ от идеологических подходов к вопросам двусторонних отношений. Подписание Декларации свидетельствовало о том, что страны отказывались от идеологической составляющей в отношениях, и с этого времени в отношениях двух стран главными принципами становились прагматизм и взаимная выгода.

В течение 1991–1993 гг. были подписаны несколько межправительственных соглашений, в том числе соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, о создании Монголо-Российской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Весь этот период Монголия переживала тяжелейший экономический кризис, из которого смогла выбраться благодаря успешной реализации радикальных экономических реформ и иностранной донорской помощи.

Восстановление и стабилизация отношений

Тем не менее, в этих условиях крупным событием в двусторонних отношениях стал официальный визит в Москву в январе 1993 г. Президента Монголии Пунсалмаагийн Очирбата, во время которого был подписан основополагающий Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. Согласно этому договору Монголия и Россия договорились о том, что «стороны рассматривают друг друга как дружественные государства и будут в своих отношениях руководствоваться принципами уважения суверенитета и независимости, суверенного равенства, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, уважения прав человека

и основных свобод, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, добросовестного выполнения обязательств, добрососедства, партнерства и сотрудничества¹. Новый договор пришел на смену действовавшему до того Договору о дружбе и сотрудничестве 1966 г. Это был принципиально новый договор, построенный на новых принципах отношений. Оценивая этот договор десять лет спустя, министр иностранных дел Монголии Лувсангийн Эрдэнэчулуун (2000–2004 гг.) отметил, что договор явился «образцом подлинно равноправного сотрудничества двух соседних стран»². Как пишет монгольский исследователь Г. Наран Оюу, «немаловажным фактором, предопределившим заключение Договора 1993 г., был вывод советских войск с территории Монголии, что, хотя в определенном смысле, и вывело ее из-под российского “зонтика безопасности”, но зато позволило улучшить отношения с КНР и выступать на международной арене с инициативами, имеющими особое значение для поддержания мира и безопасности» [16, с. 161]. Этот договор стал базовым для заключения всех последующих соглашений в различных областях и вывел двусторонние отношения на путь стабилизации.

В течение последующих лет был заключен целый ряд межправительственных соглашений, в том числе о военно-техническом сотрудничестве, о пограничных пунктах пропуска, упрощенном сообщении через российско-монгольскую государственную границу, по охране и использованию трансграничных вод, о культурном и научном сотрудничестве, об избегании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество, об условиях взаимных поездок граждан, о сотрудничестве в области геологического изучения и освоения недр. Нормативно-правовая база стала постепенно формироваться и совершенствоваться, создавая благоприятную почву для сотрудничества.

Во второй половине 1990-х гг. существенно расширились контакты на всех уровнях: в 1995 г. Президент Пунсалмаагийн Очирбат принял участие в торжествах в Москве по случаю 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, в декабре 1999 г. в Москве с официальным визитом побывал новый Президент Монголии Нацагийн Багабанди. В 1999 г. в Монголии с официальными визитами побывали делегация Совета Федерации России во главе с В.А. Варнавским, глава МИД РФ И.С. Иванов. В июле 1999 г. его монгольский коллега Ням-Осорын Туяа посетила Россию.

Во второй половине 1990-х гг. значительно расширились и активизировались экономические отношения, к 1999 г. прекратилась тенденция к сокраще-

¹ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией // Дипломатический вестник. 1993. № 3–4. С. 3–6.

² Глава МИД Монголии считает, что договор о сотрудничестве между Монголией и Россией обогатил отношения между странами. URL: <https://ria.ru/politics/20030120/302033.html> (Дата обращения: 25.02.2017).

нию товарооборота, он составил 190,8 млн долл. и в начале XXI в. стабилизировался на уровне 200–300 млн долл. [14].

От отношений добрососедства к стратегическому партнерству

Третий, по существу, переломный этап в отношениях Монголии и России, в течение которого добрососедские отношения стали перерастать в стратегические, наступил с избранием в марте 2000 г. Президентом РФ В.В. Путина. К этому времени российское руководство пришло к осознанию необходимости усиления восточного вектора своей внешней политики, в том числе и восстановления отношений с Монголией. В плотном графике своих первых зарубежных поездок Президент В.В. Путин 13 ноября 2000 г. с официальным визитом прибыл в Монголию. Визит был кратким, но насыщенным. Путин встретился с Президентом Монголии Нацагийном Багабанди, с Председателем Великого государственного хурала Лхамсурэнгийном Энэбишем, премьер-министром Намбарыном Энхбаяром. В завершение визита российский Президент возложил венок к памятнику советским воинам на горе Зайсан, сооруженный в честь победы монгольских и советских войск при Халхин-Голе в 1939 г. Но главным итогом этого визита стало принятие «Улан-Баторской декларации». В данном документе Монголия и Россия констатировали общность или близость подходов к ключевым проблемам современности, обе стороны высказались за наращивание взаимодействия в мировых делах, за тесное сотрудничество в ООН и других международных организациях, в частности за укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения, борьбу против международного терроризма, повышение эффективности и дееспособности ООН, проведение рациональной реформы Совета Безопасности ООН¹. В Декларации был определен широкий круг вопросов, по которым обе стороны договаривались вести взаимовыгодное сотрудничество, включая торгово-экономическое, военное, культурно-гуманитарное.

Таким образом, «Улан-Баторская декларация» стала вторым важным общеполитическим документом, заключенным между Россией и Монголией после Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве. Декларация закрепила переход на качественный новый уровень контактов между Россией и Монголией, а также способствовала успешному решению ряда сложных вопросов, прежде всего, так называемого «большого долга» по предоставленным Монголии советским кредитам. По поводу происхождения «большого долга» Монголии перед СССР в самой Монголии были различные мнения, но одно было очевидно, что наличие такой проблемы являлось препятствием для дальнейшего развития отношений и эту проблему необходимо было решить. Обе стороны проявили достаточную гибкость, и в 2003 г. вопрос о

¹ Улан-Баторская декларация // Дипломатический вестник. 2000. № 12. С. 27–30.

задолженности Монголии был решен: списали советский долг в 11,4 млрд долл., а потом и 97,8% нового, равного 172 млн долл. Оставшиеся 300 млн долл. страна вернула сразу после списания¹. Российский исследователь Т. Репин так объяснял подобное решение данного вопроса: «Россия пошла навстречу своему южному соседу во многом из-за того, что сумма долга более чем в два раза превышала на тот момент ВВП страны и Монголия была просто не в состоянии его выплатить. В 2010 г. была списана еще одна часть долга в размере 180 млн долл. – эта сумма была предоставлена уже в постсоветское время в виде кредита на оплату участия Монголии в совместном предприятии «Монголросцветмет» [17].

Принятие «Улан-Баторской» декларации способствовало дальнейшему развитию нормативной базы отношений. Так, был заключен ряд межправительственных соглашений: о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местными администрациями Монголии, о сотрудничестве в области туризма, об оказании Монголии военно-технической помощи на безвозмездной основе, о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях².

После решения проблемы долга российские позиции стали в Монголии постепенно укрепляться. Была возобновлена практика обмена визитами на высоком уровне. В январе 2001 г. в Давосе состоялась встреча премьер-министра Монголии Намбарына Энхбаяра с заместителем председателя правительства России А.Л. Кудриным. В феврале 2001 г. в Москве побывали заместитель председателя Великого Государственного Хурала Монголии Жамсран Бямбадорж и министр юстиции и внутренних дел Цэндийн Нямдорж. Также в феврале 2001 г. в Улан-Баторе прошло 2-е заседание рабочей группы по либерализации взаимной торговли.

Получило развитие сотрудничество по линии советов безопасности двух стран. Так, в апреле 2000 г. в Москве с визитом находился секретарь Совета Национальной Безопасности Монголии Равдангийн Болд, в сентябре того же года Монголию посетил его российский коллега С.Б. Иванов.

Развивались парламентские связи. В феврале 2002 г. в Москве с официальным визитом побывала делегация во главе с председателем Великого Государственного Хурала Монголии Сангжбэгзийном Тумур-Очиром. Во время встреч Тумур-Очир говорил о необходимости расширения контактов с Россией в области культуры, образования, науки. Он подчеркивал, что в Монголии после определенного спада растет интерес к получению образования в России, к русскому языку. В ответ Монголию посетила делегация Государственной

¹ Кому Россия прощала долги //Коммерсант. 10.12. 2013. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2364889> (Дата обращения: 14.10.2016).

² Основные договорно-правовые акты, подписанные между Россией и Монголией. URL: <http://www.mongolia.mid.ru/relations.html> (Дата обращения: 16.01.2017).

думы РФ. В дальнейшем встречи парламентариев обеих стран происходили неоднократно.

Стало налаживаться военное сотрудничество двух стран. Следует отметить, что ввиду долгосрочного пребывания советских войск на территории Монголии, что осложняло отношения Монголии с КНР, к вопросам военного сотрудничества с другими государствами современная Монголия подходит очень взвешенно. Проводя миролюбивую внешнюю политику, Монголия, тем не менее, в Конституции 1992 г. закрепила следующий принцип: «Размещение на территории Монголии иностранных вооруженных сил, а также пропуск их через государственную границу без принятия соответствующего закона запрещается»¹. Но это не исключает возможности развивать с другими государствами связи по военной линии в целях обеспечения безопасности Монголии, в том числе и с Россией. В октябре 2000 г. в Монголии побывал с визитом А.В. Квашнин – начальник Генерального штаба Вооруженных сил России. Во время этого визита были подписаны План мероприятий военного сотрудничества между вооруженными силами РФ и Монголии на 2001 г. и Меморандум о намерениях между Минобороны РФ и Минобороны Монголии по развитию сотрудничества в военной области. В марте 2001 г. состоялся визит военной делегации России во главе с заместителем начальника Генерального штаба ВС России А.С. Скворцовым, которая приняла участие в мероприятиях, приуроченных к 80-летию Вооруженных сил Монголии [18]. 15–22 апреля 2001 г. состоялся официальный визит в Москву министра обороны Монголии Жүгдэрдэмидийна Гуррагчи, первого монгольского космонавта.

Практика встреч на высоком уровне была продолжена и в последующие годы. В марте 2006 г. в Улан-Баторе с рабочим визитом побывал глава МИД России С.В. Лавров, в июле 2006 г. состоялся официальный визит в Монголию председателя Правительства России М. Е. Фрадкова. В ходе его переговоров с монгольским коллегой Миеэгомбыном Энхболдом самое серьезное внимание было уделено проблеме торгово-экономического сотрудничества, в том числе и участия России в крупных инвестиционных проектах.

Важной вехой на пути складывания стратегических отношений между двумя странами стал государственный визит Президента Монголии Намбaryна Энхбаяра в Москву в декабре 2006 г. В ходе этого визита был заключен ряд межправительственных соглашений, направленных на диверсификацию отношений в различных сферах и усовершенствование договорно-правовой базы. Но главным итогом визита стало подписание «Московской декларации», в которой были подтверждены все ранее достигнутые договоренности. В документе было зафиксировано стремление сторон добиваться повышения эффективности и масштабов взаимодействия в духе стратегического партнер-

¹ Монгол Улсын Үндсэн Хууль. URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/367> (Дата обращения: 16.01.2017).

ства, предполагающего вывод отношений на еще более высокий и качественно новый уровень¹. Важной представляется констатация того факта, что обе стороны заявили о стремлении продвигаться по пути стратегического партнерства.

Стратегический характер отношений был закреплён в августе 2009 г. во время визита Президента России Д.А. Медведева в Улан-Батор подписанием «Декларации о развитии стратегического партнерства» между Россией и Монголией. Стороны выразили готовность к более тесному сотрудничеству в таких стратегически важных областях, как транспортная инфраструктура, сотрудничество по всем видам энергоносителей, сотрудничество в сфере сельского хозяйства и приграничной торговли².

Следует отметить, что все три вышеназванные декларации определяют стратегию монголо-российского партнерства, а именно: интенсификацию сотрудничества по всем направлениям, всемерное укрепление политических связей, увеличение торгового оборота, рост инвестиционных проектов, разработку и реализацию долгосрочных программ в экономике, науке и культуре, расширение приграничного сотрудничества и региональной интеграции. Отметим также, что указанные декларации, наряду с Договором 1993 г. и более чем 130 межправительственными и межведомственными соглашениями, заключёнными после 1993 г., стали стабильной правовой базой развития двусторонних отношений.

После визита Д.А. Медведева в 2009 г. рабочий визит в Монголию Президента В.В. Путина 3 сентября 2014 г. способствовал углублению и активизации стратегического партнерства между РФ и Монголией. Визит был приурочен к 75-й годовщине победы советских и монгольских войск на реке Халхингол над японскими захватчиками. Чествуя память советских и монгольских воинов, В.В. Путин заявил, что «общая историческая память, героические страницы прошлого – это, безусловно, хорошая основа для выстраивания современных российско-монгольских отношений в духе взаимного уважения, доверия и дружбы» [14].

В результате переговоров Путина с Президентом Монголии Цахиагийнм Элбэгдоржем было подписано 15 межправительственных, межведомственных и отраслевых соглашений. В их числе: Соглашение между министерством дорог и транспорта Монголии и ОАО «Российские железные дороги» о стратегическом партнерстве по модернизации и развитию Улан-Баторской железной дороги (УБЖД), Меморандум между министерством экономического разви-

¹ Московская декларация. 8 декабря 2006 г., Москва. URL: http://www.mongolia.mid.ru/90years_3.html (Дата обращения: 16.01.2017).

² Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25 августа 2009 г.). URL: http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html (Дата обращения: 18.01.2017).

тия РФ и министерством экономического развития Монголии о сотрудничестве в развитии российско-монгольских экономических связей, Меморандум о взаимопонимании между ОАО «Аэрофлот» и авиакомпанией МИАТ – Монгольские авиалинии, предусматривающий расширение сотрудничества в области гражданской авиации и сети авиамаршрутов, и др.¹.

В.В. Путин предложил разработать «дорожную карту» дальнейшего взаимодействия, нацеленную на создание новых производств, стимулирование торговли и взаимных инвестиций, а также на расширение гуманитарных контактов.

На взгляд российских и монгольских исследователей, «в течение последнего десятилетия Россия четко обозначила стремление усилить свое политическое, экономическое и культурное влияние в Монголии. Образно данная стратегия может быть обозначена как “возвращение в Монголию”» [8].

Выводы

Таким образом, анализируя процесс развития межгосударственных отношений Монголии и России, можно заключить, что с 1990-х гг. по 2016 г. обеими сторонами была проделана большая работа. Монголия и Россия прошли путь от восстановления отношений до установления отношений стратегического партнерства. Создана солидная нормативно-правовая база для развития отношений в самых различных направлениях, сложилась практика регулярных встреч на высоком уровне, развиваются торгово-экономические связи. Тем не менее, все же следует констатировать, что позиции России в Монголии по сравнению с советским периодом не столь прочны, если не сказать, что они оказались во многом утрачены. Монголия успешно развивает отношения с такими странами, как США, Канада, Австралия, географически находящимися на значительном удалении от Восточной Азии. Конечно, данная стратегия Монголии обуславливается концепцией «третьего соседа», принятой в противовес России и Китаю. Но складывающаяся ситуация в АТР, а именно растущая военная мощь КНР, возможное сокращение присутствия США в АТР, о чем неоднократно заявлял новый Президент США Д. Трамп, может привести к нарушению баланса сил в данном регионе, что не отвечает интересам ни Монголии, ни России. Следовательно, Монголия и Россия должны укреплять сотрудничество в интересах сохранения баланса сил в регионе.

© Эрдэнэбаяр Ганхуйаг, 2017

¹ Документы, подписанные в ходе визита Владимира Путина в Монголию. 3 сентября 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4746> (Дата обращения: 18.01.2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Грайворонский В.В.* России потерять экономические связи с Монголией нельзя. URL: <http://asiarussia.ru/news/3630/> (Дата обращения: 16.12.2016).
- [2] *Яскина Г.С.* История Монголии XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- [3] *Яскина Г.С.* Российско-монгольское партнерство в первом десятилетии нового века // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 15–24.
- [4] *Яскина Г.С.* Россия – Монголия – Китай: проблемы сотрудничества и преодоление противоречий. М.: Институт экономики РАН, 2009.
- [5] Батсайхан О., Бойкова Е.В. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. [монография] Отв. Ред.: Р.Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. Москва – Улан-Батор: Институт Востоковедения РАН, Институт международных исследований АН Монголии, 2011.
- [6] *Грайворонский В.В.* России потерять экономические связи с Монголией нельзя. URL: <http://asiarussia.ru/news/3630/> (Дата обращения: 16.12.2016).
- [7] *Родионов В.А.* «Мягкая сила» в современных российско-монгольских отношениях // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 8. С. 255–260.
- [8] *Родионов В.А., Бадмацыренов Т.Б., Шурхуу Доржийн.* «Возвращение» России в Монголию: проблема выбора стратегии // Ойкумена. 2012. № 4. С. 112–119.
- [9] *Родионов В.А.* Эволюция подходов руководства России и Монголии к двусторонним отношениям // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История. 2010. № 2 (18). С. 133–140.
- [10] *Бойкова Е.В.* Российско-монгольские отношения в контексте региональных отношений в Северо-Восточной Азии // Сотрудничество Монголии и Бурятии (Россия) в свете обеспечения безопасности в ШОС. Улан-Удэ, 2011. С. 15–21.
- [11] *Лиштованный Е.И.* Политические процессы в Монголии в конце XX века: начало монгольской перестройки // Известия Иркутского госуниверситета. Серия: Политология. Религиоведение. Иркутск, 2007. № 1. С. 54–75.
- [12] *Базарваань Г.* Концепция «третьего соседа» Монголии // Актуальные вопросы современных российско-монгольских отношений: сборник научных статей / отв. ред. В.А. Родионов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. С. 18–21.
- [13] *Наран-Оюун Ганбаатар.* Российско-монгольское сотрудничество (1990–2000) // Вестник Байкальского государственного университета. 2011. № 7. С. 159–161.
- [14] *Гольман М.И.* Россия и Монголия: от спада до стратегического партнерства. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/10/21/rossiya-i-mongoliya-ot-spada-do-strategicheskogo-partnerstva> (Дата обращения: 22.12.2016).
- [15] *Лиштованный Е.И.* Страница непростых постперестроечных отношений с Монголией закрыта // Капиталист. 2011. № 8. URL: <http://www.kapitalpress.ru/kapitalist/archive/2011/53/1545/> (Дата обращения: 21.12.2016).
- [16] *Наран Оюун Г.* Российско-монгольское сотрудничество (1990–2000-е гг.) // Вестник Бурятского университета. 2011. № 7. С. 159–162.
- [17] *Ретин Т.* Кому Россия простила долги. URL: <http://russian7.ru/post/komu-rossiya-prostila-dolgi> (Дата обращения: 24.12.2016).
- [18] *Чуфрин Г.И., Другов А.Ю.* Национальная безопасность России на Востоке: вызовы и ответы. Москва: Рос. центр стратег. и междунар. исследований. 2014. 75 с.

История статьи:

Поступила в редакцию: 31 марта 2017 г.

Принята к печати: 28 августа 2017 г.

Информация об авторе:

Эрдэнэбаяр Ганхуяг – сотрудник департамента Европы и Америки Министерства иностранных дел Монголии, г. Улан-Батор, Монголия.

Для цитирования:

Эрдэнэбаяр Ганхуяг. Россия – Монголия: по пути стратегического партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 6. С. 462–476. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-462-476.

**RUSSIA – MONGOLIA FROM THE 1990S TO 2016:
ON THE WAY OF STRATEGIC PARTNERSHIP**

Erdenebayar Ganhuyag

Ministry of Foreign Affairs of Mongolia,
7-a Enkh Taivny St., Ulan Bator, 14210, Mongolia
Erdenebaiar @ yandex.ru

In the article the author analyzes the development process of the interstate relations of Mongolia and Russia from the 1990s to 2016: the role of internal and external factors that influenced the Russian-Mongolian relations.

The author shows that from the Declaration of independence in 1911 up to the end of the 1980s, the history of Mongolia was closely associated with the Soviet Union. With the Soviet help, Mongolia turned into a developed, modern state from a backward region of the Chinese Empire. The USSR was Mongolia's reliable ally, the guarantor of independence and a generous sponsor. With the beginning of Perestroika, the new Russian leadership abandoned their former allies and friends, and began to build friendly relations with Western countries. Mongolia was left without support and help of its powerful neighbour. In its turn, the Mongolian leadership managed to find new economic partners. Western companies began to invest in the mining industry of Mongolia.

The author comes to the conclusion that the positive historical experience of the Russian-Mongolian intergovernmental relations suggests that in the current difficult conditions of shaping the new world order, Russia could provide Mongolia with considerable political and diplomatic support towards the development of the Mongolian state and bilateral relations. In the evolving political and military situation in the Asia-Pacific region, the author justifies the need for further development of Mongolia-Russia relations.

Key words: Mongolia-Russia political relations, the Asia-Pacific region

REFERENCES

- [1] Grajvoronskij VV. *Rossii poterjat' jekonomicheskie svjazi s Mongoliej nel'zja* [Russia must not loose ties with Mongolia]. URL: <http://asiarussia.ru/news/3630> (Date of access: 16.12.2016).
- [2] Jaskina GS. *Istorija Mongolii XX vek* [The History Of Mongolia. XX century]. Moscow: IV RAN, 2007.
- [3] Jaskina GS. Rossijsko-mongol'skoe partnerstvo v pervom desjatiletii novogo veka [Russian-Mongolian partnership in the first decade of the new century]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs]. 2006 (6): 15–24.
- [4] Jaskina GS. *Rossija – Mongolija – Kitaj: problemy sotrudnichestva i preodolenie protivorechij* [Mogolia-China: cooperation issues and solutions]. Moscow: Institut Ekonomiki RAN, 2009.
- [5] Batsaykhan O., Boykova YV. *Rossija i Mongolija na puti strategicheskogo partnerstva* [Russia and Mongolia towards strategic partnership]. Moscow – Ulan-Bator: Institut Vostokovedeniya RAN, Institut mezhdunarodnykh issledovaniy AN Mongolii Publ., 2011.
- [6] Grajvoronskij VV. *Rossii poterjat' jekonomicheskie svjazi s Mongoliej nel'zja* [Russia must not loose ties with Mongolia]. URL: <http://asiarussia.ru/news/3630/> (Date of access: 16.12.2016).
- [7] Rodionov VA. «Mjagkaja sila» v sovremennyh rossijsko-mongol'skih otnoshenijah [Soft power in the modern relations of Russia and Mongolia]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin]. 2009 (8): 255–260.
- [8] Rodionov VA., Badmacyrenov TB., Shurhuu Dorzhijn. «Vozvrashhenie» Rossii v Mongoliju: problema vybora strategii [“The Return” of Russia to Mongolia: problem of strategy choice]. *Ojkumena*. 2012 (4): 112–119.
- [9] Rodionov VA. Jevoljucija podhodov rukovodstva Rossii i Mongolii k dvustoronnim otnoshenijam [Evolution of Russian and Mongolian approaches to the bilateral relations]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Serija 4. Istorija* [The Volgograd State University Bulletin]. 2010; 2 (18): 133–140.
- [10] Bojkova EV. Rossijsko-mongol'skie otnoshenija v kontekste regional'nyh otnoshenij v Severo-Vostochnoj Azii [Russian-Mongolian relations in the context of relations in North-East Asia]. *Sotrudnichestvo Mongolii i Burjatii (Rossija) v svete obespechenija bezopasnosti v ShOS* [Cooperation of Mongolia and Buryatia (Russia) in the context of security measures in SCO]. Ulan-Udje, 2011, pp. 15–21.
- [11] Lishtovannyj EI. Politicheskie processy v Mongolii v konce XX veka: nachalo mongol'skoj perestrojki [Political processes in Mongolia in the end of the XX century: the beginning of perestroika in Mongolia]. *Izvestija Irkutskogo gosuniversiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University]. Irkutsk, 2007 (1): 54–75.
- [12] Bazarvaan' G. Konceptcija «tret'ego soseda» Mongolii [The third neighbour policy of Mongolia]. *Aktual'nye voprosy sovremennyh rossijsko-mongol'skih otnoshenij: sbornik nauchnyh statej* [Topical issues of the modern Russian-Mongolian relations: collection of scientific articles]. Ulan-Udje: Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2014, pp. 18–21.
- [13] Naran-Ojuun Ganbaatar. Rossijsko-mongol'skoe sotrudnichestvo (1990–2000) [Russian-Mongolian cooperation]. *Vestnik Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin]. 2011 (7): 159–161.

- [14] Gol'man MI. *Rossija i Mongolija: ot spada do strategicheskogo partnerstva* [Russia and Mongolia: from downturn to strategic partnership]. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/10/21/rossiya-i-mongoliya-ot-spada-do-strategicheskogo-partnerstva/> (Date of access: 22.12.2016).
- [15] Lishtovannyj EI. Stranica neprostyh postperestroechnyh otnoshenij s Mongoliej zakryta [The chapter of postperestroika relations with Mongolia is closed]. *Kapitalist*. 2011; (8). URL: <http://www.kapitalpress.ru/kapitalist/archive/2011/53/1545/> (Date of access: 21.12.2016).
- [16] Naran Ojuun G. Rossijsko-mongol'skoe sotrudnichestvo (1990–2000-e gg.) [Russian-Mongolian cooperation (1990–2000)]. *Vestnik Burjatskogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin]. 2011 (7): 159–162.
- [17] Repin T. *Komu Rossija prostila dolgi* [What debts Russia has forgiven]. URL: russian7.ru/post/komu-rossiya-prostila-dolgi/ (Date of access: 24.12.2016).
- [18] Chufirin GI., Drugov AJu. *Nacional'naja bezopasnost' Rossii na Vostoke: vyzovy i otvety* [National security of Russia in the East]. Moscow: ROS; 2014.

Article history:

Received: 31 May 2017

Accepted: 28 August 2017

About the author:

Erdenebayar Ganhuyag, Officer of the Department of Europe and America Ministry of Foreign Affairs of Mongolia, Ulan Bator, Mongolia.

For citation:

Erdenebayar Ganhuyag, Russia – Mongolia from the 1990s to 2016: On the way of strategic partnership. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 462–476. ctp. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-462-476.

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-477-490

NIGERIA – RUSSIA BILATERAL RELATIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abiodun Adetokunbo

University of Ibadan
Ibadan, Oyo State, Nigeria
tokunbonov@gmail.com

In diplomacy, the interests of an individual nation largely determine the form of relations it maintains with other states. This gives credence to the notion that there is neither a permanent friend nor permanent enemy in international relations; rather, it is interests of a country which is permanent. In the pursuance of their national interests, diplomatic relations between Lagos and Moscow were formally established on November 25, 1960 soon after Nigeria's gaining independence. The embassy of the Soviet Union was established in Lagos in 1961, while Nigeria established its embassy in Moscow in 1962.

On December 26, 1991 the Soviet upper chamber under the chairmanship of A. Alimshanov (Declaration № 142-Н) decided to discontinue the Soviet Union existence as a state. This was in line with the outcome of the meeting of December 8, 1991 between Boris Yeltsin (Russia), Leonid Kravchuk (Ukraine) and Stanislav Shushkevich (Belarus) that later came to be known as the Belovezha Accords of 1991. Russia, a prominent union republic of the former Soviet Union, gained international recognition as the successor to the Soviet Union which thereafter took up both the assets and liabilities of the former Soviet Union.

Nigeria-Russia Bilateral Relations (NRBR) had been developing over the years and culminated in the visit of Nigeria's President, Olusegun Obasanjo to Russia in 2001 and Russian President Dmitri Medvedev's visit to Nigeria in 2009. Undoubtedly, the NRBR has had both good and difficult experience. This paper is an assessment of NRBR and it provides answers to the questions of the desirability and necessity of strong Nigeria-Russia diplomatic ties. Besides, it makes recommendations on how the two countries can elevate their bilateral relations to a more functional cooperation in the key and strategic sectors.

Key words: Nigeria, Russia, Soviet Union, bilateral relations, cooperation

Introduction

Before and after the 1884–1885 Berlin Conference on Africa, the major European powers scrambled not only for relevance but also for dominance in Africa for the purpose of political and economic gains. Although the imperial Russia was at the conference but never a party to the balkanization of Africa during the Soviet

era, its activities were centred on and joined with the Africans on their tortuous way to independence owing to its policy of equality and peaceful coexistence among all the peoples of the world. Moscow remains the only major power that has never colonized any country in Africa. Instead, it was active especially in giving impetus to the anti-colonial struggles. The Kremlin's moral and political repudiation of colonial domination was an essential catalyst to the eventual collapse of formal colonialism in Nigeria and in Africa at large.

The initial principle of Russia's foreign policy toward Africa owed much to the view of V.I Lenin – equality and peace among all people of the world [1, p. 2] just like the biblical message of Moses to the Egyptian Pharaoh: “let my people go”. It was this same message that Khrushchev (the former Soviet leader) took to the plenary meeting of the XVth session of the United Nations General assembly with a motion to end all forms of colonization by 1960. The passage of the motion led to the crumbling of colonialism, and sovereign African states began to emerge one after another and Nigeria took its turn to gain independence in 1960, a year that is generally noted as “Africa's year” [3]. Being a superpower in the atmosphere of the “cold war”, the Soviet Union pursued such policy that would create its image of a champion for national liberation [4, p. 18], and ... make Africa's presence on the international arena conspicuous, clearly noticed and appreciated [5]. The Soviet Union policy makers built into its foreign policy architecture a sensitive and positive response to assist Africa in building an egalitarian society for themselves. This came in form of aids and provision of infrastructural amenities. One can mention the Answan dam in Egypt, hydro energy plants in Guinea, Zambia, Mali and Madagascar, Ajaokuta steel rolling mills in Nigeria and other projects in various parts of Africa. The immediate recognition of Nigeria's sovereignty and independence, assistance to prevent the disintegration of Nigeria during the civil war (1967–1970) and the education of the Nigerians who had been deliberately kept untrained and uneducated by their colonialists marked the starting point from where the relations between Nigeria and Russia grew.

Emergence of Russian Foreign Policy

According to the 1993 foreign policy concept, Russia is to be a great power with the following foreign policy objectives:

- Ensuring national security through diplomacy
- Protecting the sovereignty and unity of the state with special emphasis on border stability, protecting the rights of Russians abroad, providing favourable external conditions for internal democratic reforms
- Mobilizing international assistance for the establishment of the Russian market economy and assisting Russian exporters
- Furthering integration of the Commonwealth of Independent States
- Pursuing beneficial relations with “nearby foreign states”, including those in central Europe

- Building relations with countries that have resolved problems similar to those Russia faces
- Ensuring a role for Russia as a great power
- Enhancing ties with Asian Pacific countries so as to balance relations with the West
- Playing an active role in safeguarding the human rights of the 25 million ethnic Russians who found themselves in foreign lands after the break-up of the Soviet Union
- Pursuing a policy of collective security within the Commonwealth of Independent States (CIS) and support for reduction in nuclear arsenal and
- Domestic military reforms¹.

Until his retirement from office and from politics in 1999, Boris Yeltsin, as the first democratically elected president of the Russian Federation, maintained that the Russian foreign policy would be non-confrontational and would follow the principle of 'real partnership' in all directions².

In his efforts to stabilize and grow the Russian economy, Yeltsin focused on the relations with specific countries and regions: Europe, China, India, Japan, and Latin America. Africa was obviously missing in the directions to which he navigated his foreign relations, but with Putin and subsequently Medvedev (2008–2012) in office, Russia-Africa in general and Russia-Nigeria relations in particular began to change.

Nigeria's Foreign Policy

An overview of Nigeria's foreign policy from gaining independence until now has received the attention of scholars, career diplomats and top government functionaries. The policy is generally observed as put together by Ignatius Ollisemeka (2008), the former Nigerian External Affairs Minister, that Africa has always been the centrepiece of the Nigerian foreign policy, and this policy has been consistent and continuous. Victor Chibundu [6, p. 6] also remarked that the emphasis, style and implementation of the policy for many reasons have varied from one government to another. Both of them, however, agreed that the essentials and fundamentals of Nigeria's foreign policy have remained steadfast. All these are attributable to the foundation laid by the architects of Nigeria's foreign policy during the first republic. Among them are the following: Jaja Anucha Wachukwu (Nigeria first Foreign Minister), Sir Abubakar Tafawa Balewa (Prime Minister of Nigeria 1960–1966) and Dr. Nnamdi Azikwe (Nigerian first President).

Nigeria's foreign policy evolved from the ideas put together by its early political, intellectual and foreign affairs experts. Their intention is to project Nigeria to play a major role in world affairs in general and Africa in particular.

¹ Pravda. 17 April, 1992:, p. 14.

² Izvestia, 6 May, 1992, p. 3.

The social factors, economic demands, religious affinities, security needs and dimensions of global politics have reshaped Nigeria's view on foreign relations which made it establish contacts and form allies with other nations beyond the borders of Africa among which Russia is prominent.

Nigeria-USSR Relations in 1960–1991

During that period the main interest of the Soviet Union was to expand its political influence among the countries of Africa and have more states converted into socialist-oriented nations in the then ideologically polarized world that was popularly referred to as the cold war. Nigeria being a capitalist state was not inclined to change its orientation. Its colonial master and allies were opposed to Nigeria and any of its former colonies having cordial relationship with Russia which they came to identify as a strong iron curtain and which should not be allowed a space of further expansion in Africa. This situation brings the Nigeria-Russia relationship into what Onafowokan (2010) as cited by Agubamah (2014) describes as a lukewarm relationship. The Balewa-led administration was particularly intolerant toward Russia on the ideological ground. Any manifestation of or link to the communist ideology was met with censorship and repression.

Regardless of that, certain groups emerged at that time in Nigeria, which describe themselves as “the progressives”. They propagated the communist ideology and principles. Prime among their agitations was “free and compulsory primary and secondary education for all Nigerians” as the case was in the then Soviet Union. These groups were gaining grounds particularly among trade and student union leaders. They engaged in enlightening the public on good governance. Their activities triggered some level of resistance against certain government policies by some labour leaders particularly in the academics. The terms ‘bourgeois’ and ‘peasant’ started to grow and became frequent and fashionable in their vocabularies just as ‘perestroika’ and ‘glasnost’ in the recent past. The link between these radical groups and Moscow began to grow as scholarships were doled out to them and their sympathizers began to study in Soviets’ tertiary institutions.

Segun Odunuga (the first Professor of Russian Studies in Africa) was one of the beneficiaries of the scholarships and he comments on Nigeria-Russia relationship of the early 1960s as follows:

“The Nigerian government didn't want people to go to Russia at the time. Russia was not the place to go then. In fact, it was after I got to Moscow that I wrote my father to inform him that I was in Moscow... incidentally, just before the postman came to deliver my parcel, a CID man (Criminal Investigative Department) was there interrogating my father on my whereabouts” ... people are not supposed to go to Moscow [7, p. 12]. This affirms the opinion of Onafowokan reference to the attitude of the Nigerian government toward Russia at that time.

Back then, the Nigerian press was entirely in the hands of the government and it was made to serve as a strong instrument of propaganda. This was well used to

the effect of projecting the image of Russia in a manner that makes it not only unappealing but also unfriendly. It was so terrible that Russia was described as ‘evil’ or “kingdom of darkness”. Russian people were portrayed to be ‘wicked’, ‘unfriendly’ and ‘callous’.

The effect of this on Nigerians who became so fearful and frightened was to keep away from any dealings with Russia in either commerce or culture. This attitude seems to linger on for a very long time in the minds of people perhaps till date.

This gives explanation to the success of the western induced unfriendly propaganda against Russia in Nigeria during the early and mid-1960s. In contrast to this, the nations like the United Kingdom, the United States of America, France, Italy, Spain and other countries in Western Europe at large enjoyed positive propaganda which made them seem as ideal and friendly. They are described in the Yoruba language as ‘ilu oyinbo’ or ‘ilu oba’ (the land of the king). In fact, they are referred to and honoured so due to the positive and friendly propaganda in their favour. It was generally considered a rare opportunity for outstanding success and comfort to be in these countries. The system of governance in most African countries including Nigeria was fashioned after their former colonialists even in a manner that gives preference to the interests of the colonial masters. With this mindset of the Nigerians and their government, the environment was not conducive to friendly Nigeria-Russia relations.

Nigeria got involved in a civil war (1967–1970) which nearly tore the country apart. During this time, the main allies of Nigeria were unwilling to provide military assistance due to the conceived economic advantages that were to serve the national interests of their countries. Nigeria desperately needed weapons to stop the seceding Biafra. At this very crucial time in the history of the country, Russia rose to the need of the time and did not only supply weapons to the Nigerian armed forces but also deployed military and other technical personnel to aid in the use of the weapons which resulted in the defeat of the seceding Biafra army. It was this that kept Nigeria together again. Many scholars [8; 9] have argued that the continuous corporate existence of Nigeria as a sovereign state owes much to the timely assistance provided by Russia during this Nigeria’s trying period. Thus, Nigeria-Russia relations took a different look.

By the time the civil war ended in 1970, in the words of Agubamah (2014), “Nigeria had become an economic partner as it had opened its doors to other Russian products and aside of that many contracts were awarded to Russian firms...”

Since then, the bilateral relations of Nigeria and Russia have grown and witnessed cooperation on metallurgy and petroleum industries, geological prospecting, public health services and personnel training. There were signed more than 15 joint agreements, including the agreement on air communication in 1967, the agreement on economic, scientific and technical cooperation in 1968, an agreement on cultural cooperation in 1970, the trade agreement in 1987, and agreement on cooperation

against narcotics in 1990. One should particularly mention the Russian technical assistance in the geological prospecting works on metallurgical raw materials: iron ore, coal, and non-metallic raw material¹.

Nigeria-Russia Relations 1991 – to date

The 1991 declaration of the disintegration of the Soviet Union brought an end to the 74 years of the Soviet rule which moved the ‘cold war’ to the heap of history. Russia emerged as an independent sovereign state, so did the other fourteen union republics that constituted the then Soviet Union. Russia opted for democracy and democratic culture which was to replace centralization with decentralization, the closed economy to the market economy, fusion of power to separation of power, the single party system to the multi-party system and above all the emergence of fundamental human rights together with freedom of the press as well as freedom of speech. It was a dawn of a new world order.

The post-Soviet Russia was concerned with the task of building a new structure to match its new political philosophy. It was indeed a very difficult time for it as a nation. The challenges were enormous but the most significant was a need to have a new constitution, as the Soviet laws were not only obsolete but also inadequate. The Khasbulatov-led Duma, which was constituted under the Soviet system, was uncooperative and confrontational with Boris Yeltsin, the first post-communist president of Russia. Besides, the country suddenly became a lawless state with all attendant social vices. The crime rate was growing exponentially and there was unemployment throughout the country. The gate that had kept corruption shut for more than 74 years got loosed while the very few privileged ones who succeeded in the gaining of state properties came to be known as *novi russki* (New Russians); oligarchy turned into a strong force to contend with, holding the economy of the country in their hands.

Boris Yeltsin was dealing with those challenges and at the same time pulling down the socialist political and economic structures and building a new democratic political order. At the same time, on the one hand, the Chechnya republic was fierce on its campaign for secession, which eventually resulted in a civil war; while on the other hand, Khasbulatov’s duma was unrelenting on his perceived anti-government stand. If the domestic needs were to drive foreign policy, it was clear that Africa had no place or role to play in the search by Russia to rebuild itself into a strong superpower. Yeltsin concentrated his foreign policy on those nations from which he hoped to draw strength in order to confront the growing domestic challenges.

One must acknowledge as a very significant and outstanding duty to homeland his ability to identify not only the most appropriate time to quit active poli-

¹ Website of the Russian Embassy in Nigeria. URL: <http://www.russiaembassyagos.com> (Date of access: 10 October, 2010).

tics but also to hand over the reign of affairs of the nation to a very competent hand in the person of Vladimir Putin in January, 2000.

Russia was trying to gain balance following the elimination of the old political order, whereas Nigeria on its part was under military dictatorship, which began in 1983. It was making efforts to gain legitimacy and recognition in the comity of nations where military governance was unpopular and unacceptable. Consequently, during this era, Nigeria was unable to conduct meaningful international relations. Despite this, the Nigerian military junta displayed a high level of disrespect of human rights ranging from the obnoxious Decree 4 of 1984 that censors all forms of freedom of expression. Several media were proscribed; journalists and activists were put into prison, and generally, life became unsafe and insecure apart from the crumbling economy resulting in inadequate physical and social infrastructures. This persisted until 1999 when a new democratically elected government was inaugurated. Incidentally, it coincided with the change of government in Russia when Vladimir Putin emerged as the second democratically elected president of the Russian Federation.

The coming to power of Russian President Vladimir Putin and the inauguration of Obasanjo as a democratically elected president of Nigeria brought about the reestablishing of diplomatic ties between Russia and Nigeria, which opened a new window of opportunities for the two nations to exploit the potentials of their cooperation in the political and economic spheres. Russia sent a representative to attend president Obasanjo's inauguration who delivered an invitation to visit Russia. This invitation was honoured and Obasanjo paid a state visit to Russia March 5–7, 2001 which reactivated Nigeria-Russia bilateral relations. On March 6, 2001 there was signed the Declaration on Principle of Friendly Relations between the two countries. This led to the eventual establishment of the Intergovernmental Commission on Economic Scientific-Technical Cooperation (ICESTC) which laid the foundation for forging mutually beneficial relations and helped deepen their ties. This commission is to meet regularly to discuss on a wide range of issues concerning Nigeria-Russia bilateral relationship.

Obasanjo made a commitment to ensure improved mutually beneficial and enduring relations with Russia. This position was further strengthened in 2008 by the personal contact between Musa Ya'adua who took over from Obasanjo and Medvedev, the successor to Putin (2008–2012) in Toyaka, Japan during the G-8 summit. As a follow up to that meeting, President Dmitry Medvedev came to Nigeria on a state visit in June, 2009. That was the first visit of a Russian head of state in history which gave a boost to the evolving Nigeria-Russia relationship.

As the outcome of the meeting of the Nigeria-Russia Heads of state in Abuja, the following agreements were signed on June 24, 2009 among others:

1. Investment Promotion and Protection Agreement
2. Agreement on Cooperation in the Field of Peaceful Use of Nuclear Energy

3. Memorandum of Understanding in the Field of Exploration of Outer Space for Peaceful Purposes

4. Agreement of the Transfer of Persons Sentenced to Imprisonment

5. Memorandum of Association on Joint Venture between NNPC and GAZPROM, and

6. Legal cooperation between the Nigerian and Russian Ministries of Justice.¹

Codel International Limited of Nigeria and Asen of Russia signed an agreement at the Nigerian Embassy in Moscow on the construction of the Gas Turbine Electricity Generation Plant in Bayelsa state, Nigeria, in 2005. The Thermo Power Station in Kwara State had earlier been constructed by this same Russian company. This further displays the interest and confidence of Nigeria in Russian technology. This position was affirmed in a statement by Steve Azaiki, the secretary to the Bayelsa state government while signing the agreement in Moscow on behalf of his state government [11].

As a result of President Medvedev's visit that led to the signed agreements, there emerged several new initiatives. The Russians are working with the National Commission on Atomic Energy to build an experimental research nuclear plant in Abuja. There is also the agreement on the Russians providing technical assistance for beefing up Nigeria's peacekeeping and peace-support operations. In this regard, several security operatives from Nigeria had been sent and are being sent to Russia for special training to boost its defense capacities.

As a part of the new level of scientific and technological cooperation between the two countries, in August 2011, Nigeria launched Nigeria SAT 2 and Nigeria SAT X spacecrafts into orbit aboard the Russian Dnerpr rocket from a launch pad in the town of Yasny, southern Russia [10].

In a bid to foster mutually beneficial relationship between Nigerian and Russian business people, Glades Sasore, a special adviser to the president Jonathan of Nigeria (2010–2015) on export promotion, visited Moscow to showcase products made in Nigeria ranging from quality agricultural commodities, timber, solid minerals, gemstones and tanned leather. At her meeting with the Russian chambers of commerce and industry, Sasore emphasized the interest of Nigeria in Russian technology to boost industrialization drive. In August 2016, there was given a concession by the Russian chambers of commerce to exclusively import cashew from Nigeria.

Nigeria is increasingly becoming a key business partner to Russia in Africa. The volume of trade grew from three hundred million to about 1.5 billion dollars in 2010 in favour of Russia according to the Central bank of Nigeria figure². The major Russian companies have commenced operation in Nigeria. RUSSAL – the Rus-

¹ *The Nation*. 21 April 2011.

² *The Nation*. 5 April 2010.

sian aluminum giant bought a 77.5 per cent stake in Nigeria's aluminum smelter, ALSCON. Gazprom, the Russian national energy company, signed a Memorandum of Understanding with the Nigerian National Petroleum Corporation (NNPC) on the exploration and exploitation of the nation's huge gas reserves with a new joint venture company to be known as NiGaZ Energy Company, which will also take part in several other critical infrastructural development projects, including the training of Nigerians among others. Both companies are expected to invest up to 2.5 billion US Dollars in the joint venture¹.

The Russian oil giant Lukoil is working to expand its operation in Nigeria's oil market². The Chief of General Staff of the Russian armed forces General Valery Gerasimov met Nigerian Defense Minister Mansur Muhammad Dan-Ali in Moscow to discuss the bilateral agenda in the field of the military-technical cooperation on the 2012 agreement on joint project to design, develop, construct, operate and commission a nuclear power plant scheduled to complete in 2025³.

These are good indicators to the dynamic Nigeria-Russia relations, and it has led to though slow but steady growth of the bilateral trade and promotion of direct contacts between Nigerian and Russian officials, institutions, agencies and companies opening up opportunities for further cooperation. In June 2016, in Lagos, Nigeria, there was launched RuNiTrade (Russia Nigeria e-commerce platform) out of the partnership between Lagos Chambers of Commerce and Industry and Trail Trans Logistics Group of companies in Russia. The focus is to strengthen the bilateral trade relations between Russia and Nigeria and boost the economic activities between the two countries by providing information about business opportunities in the two countries. This is to stimulate the investments flow between the two nations.

In August 2015, there was launched Soyuznik (Association of Soviet/Russian trained professionals who worked or are still working in different sectors in Nigeria and abroad) under the leadership of Shina Fawole who later handed over to Jerome Okolo. This organization is making efforts in rejuvenating Russia-Nigeria relations. The productive exploitation of Ajaokuta steel rolling mills built during the Soviet era is a cause of serious concern to this organization.

Problems of Nigeria-Russia Relations

There are several challenges confronting Nigeria-Russia relations. For instance, in order for agreements among nations to become operational, they are to be passed by the National parliament and that forms their legal framework. The agreements

¹ *The nation*. 16 June 2010.

² *Sputnik*. 12 January 2016.

³ *Sputnik*. 8 June 2017.

signed with Russia are yet to be ratified by the parliament with particular reference to the Abuja agreement of 2009.

Adequate knowledge and clear understanding of culture, history, language, mentality, world-view, capabilities and potentials of other nations are crucial to foreign policy making. It facilitates correct and accurate perception on which policies on diplomacy rests.

There is weak indication that the two countries have sufficient and adequate perception of each other. This in part is responsible for the lack of the political will to fully implement their existing bilateral agreements. The other problems of Nigeria – Russia relations are as follows:

- * Political orientation. The majority among the Nigeria political elites are under strong influence of London and Washington whose interest is to distance Moscow from the affairs of African countries.

- * Trade imbalance. There should be created more adequate environment for Nigeria to increase its export to Russia. Tropical agricultural products like cashew, coffee, and cocoa can be sourced from Nigeria by Russian industries.

- * Inadequate information on business opportunities in Nigeria poses one of the major problems. Foreign investors including Russians have no access to update and reliable information on business prospects in Nigeria.

- * ALSCON, Nigeria's only aluminum smelting plant, handed over to Russian aluminum giant, United Company RUSAL PLC was closed down in 2014 placing more than 98 percent of its workforce out of job, most of them local hires¹.

Prospects of Nigeria-Russia Relations

Nigeria needs Russian technology to boost industrialization just as Russia needs Nigeria as a market for its industrial products and military equipment.

Many reasons account for the fact why Russia should be a strategic partner for Nigeria like the one expressed by Poliakov (Russian Ambassador to Nigeria) that "Nigeria and Russia exhibit commonalities which include the practice of federalism, have almost the same population size, the two countries are advancing from autocratic to democratic rule apart from that, they are endowed with human and material resources including agricultural land, oil and gas". Poliakov further stated that "Both countries even have "mission 2020" though with different goals: Nigeria aims to become one of the twenty most developed countries in the world while Russia is determined to be one of the world five largest economies" [12].

The common features which Russia and Nigeria exhibit are more compelling than politics and economy, population size or natural endowments. Afons Adebisi (2010) mirrored quite a number of similarities in the culture of these two nations,

¹ Bassy Udo. *Premium Times*. 2 June 2015.

which, in our view, if well explored should enhance their relationship. Particular attention was drawn to some of their traditions, mentality and way of live. For example, traditionally, Russians worshipped water which is a reflection of osun Oshogbo – (god of water) in Nigeria, also, worship of iron in Russia is similar to ogun (god of iron) in Nigeria. Of particular interest is the tradition of marriage in these two countries. Among the Yorubas in Nigeria, for example, marriage is described as: “carry the wife” (gbe iyawo.) As a sign of love, the Russians do carry their wives in their hands and sometimes walk distance before they embark on what they call ‘gulanie’ (strolling) either in a park or any historical place from where they proceed to the reception. “To carry” in this case symbolizes taking full responsibilities for her. Apart from all these, in terms of character, the Russian and the Nigerian people like making themselves noticeable wherever they found themselves, which is always accompanied by ‘some excesses’ in terms of the spending habit. In the area of governance, the tsarist era in Russia was a period of absolute power where the reign was passed from father to son. This is almost the same in the pre-colonial Nigeria even till date. This is well represented in Yoruba language: ‘aye-oba- aye- a –je- rorun’ which explains absolutism. In both countries leaders like being close to power. From Stalin in 1923 to Gorbachev in 1991, a leader either died being in power or was forced out of office. Only Boris Yeltsin remains the first and the only Russian leader to have voluntarily left office. In comparison with Nigeria, since its gaining independence to date, no election had been free and fair until 2015. They had all been characterized by violence and chaos, because leaders are not willing to relinquish power.

These attributes point to a number of similarities between the two countries. In spite of this, Russia is a developed nation, whereas Nigeria is not. The process that leads Russia to greatness is a path worthy of emulation by Nigeria.

As noted by Agubamah, Russia has a lot to offer Nigeria in terms of technological support in several critical areas. In addition, Russia has a track record of nurturing several countries to industrial success through strategic partnership. Such countries include China, India and Egypt, to mention just a few. It was Russia that helped to lay the foundation of the economic development of China, constructing several critical industrial complexes and deploying its engineers to help the Chinese. However, it should be understood that the Chinese leadership under Mao was particularly dedicated in pursuing the course of strategic partnership with the Soviet Union. After the victory of the Chinese communists in 1949, thousands of Russian advisers were sent to China to train their technicians, while a large number of Chinese students were sent to Russia for training. Mao launched a blueprint for the industrialization of China in 1953 on the background of fifty-three critical projects. Josef Stalin agreed to supply an additional ninety-one which Stalin’s successor Nikita Khrushchev also agreed to sell to China, as cited by Agubamah [9, p. 195].

Indian leaders, particularly Indira Gandhi, also found Russia a prospective partner. They gained trust and support of the Russians for the construction of giant industrial complexes, which, as the Indians supposed, played a critical role in the development of their country. Russia stood by India in the trying times and contributed to India's national security interest, providing muscle to the Indian armed forces by supplying advanced military hardware, predominantly underwriting India's economic growth [12, p. 116].

Nigeria has a major role to play in its relationship with Russia. First, by recognizing its needs within the areas where Russia has capacities and capabilities to provide assistance on the one hand and on the other, to follow up on these and working hard for the achievement of such set goals. There are two key areas in which Russia can assist Nigeria. First, to provide permanent solutions to the crisis which is caused by two major factors – social and technical. The social factor has to do with vandalism of pipelines for crude oil and gas. Russia has a long experience in providing maximum security for its pipelines in the Caspian down to the Black sea and all other areas. The Nigerian security agents working in this sphere can be further empowered by the Russians through training and equipment, which could extend to other aspects of the security system in Nigeria including the fight against insurgency. The other area is a technical one which borders on inability of Nigeria to refine its crude oil and the wanton insufficient storage facility. The biggest oil and gas company in the world is Gazprom, which is owned by Russia. Nigerian NNPC (Nigeria National Petroleum Company) can tap into the experience of this oil giant to enhance its capabilities, competence and service delivery. Russia can also help to address the problem of electricity supply which is mostly occasioned by the perennial shortage of gas to thermal power plants and weak transmission network which points to the need to construct a super transmission grid that can take huge power.

In November, 2010 Russian Minister of Foreign Affairs Sergei Lavrov visited Nigeria to mark the 50th anniversary of Nigeria-Russia diplomatic relations. The agreements of the two countries to give a new impetus to their relations through strategic partnership on the strength of their 2009 agreements need to be accorded deserved attention.

Conclusion

The diplomatic relations between nations are established to serve national interests. Nigeria-Russia relations should be focused and geared towards the promotion of the cultural heritage, scientific, economic and technical/technological cooperation. A strive to facilitate good knowledge as well as correct and accurate perception of each other needs to be given a place of priority for maturity of their

bilateral conceptions. All issues on the privatization of ALSCON to Russian RUSAL including the legal tussles require diplomatic solutions in a manner that will bring the company to function at its maximum capacity.

© Абиодун Адетокунбо, 2017

REFERENCES

- [1] Lenin V.I: Word collections. Moscow: Gosudarstvennoe bzdatelstvo politicheskoi literatury Publ., 1963; 6 (in Russian).
- [2] Gafurov BG. 1960 – Africa’s year. *Asia and Africa Today*. 1961; (3): 34–41 (in Russian).
- [3] Bill Vann, *The New Encyclopaedia Britanica*. 2002; 18.
- [4] Obiozor George A. *Africa in the Context of North-South Relation*. Enugu: Our grace publishing, 2002.
- [5] Chibundu Victor Nwaozichi, *Foreign policy with particular references to Nigeria (1960–2008)*. Ibadan: Success press, 2008.
- [6] The African European Interplay. *A frestschrift in Honour of professor Segun Odunuga*. Ibadan: Abisomo press 2006, pp. 12–19
- [7] Odunuga Segun, *East European Revolution and Nigeria’s Diplomacy*. Ibadan: University of Ibadan press, 1995.
- [8] Akinade Akinkunmi, Cultural dichotomy. *Journal of culture and religion*. 2001; 2 (1): 17–29.
- [9] Agubamah E. Nigeria-Russia Relations: After and now. *European scientific Journal*. 2014; 193–201.
- [10] *Moya Afrika*. Moscow; 2005 (in Russian).
- [11] Poliakov AD. *A seminar paper at the Department of European Studies*. Ibadan: University of Ibadan Publ., 2009.
- [12] Kaplila Gardy. In the interests of their nations. *SAGE journals*. 2010; (1): 26–41.

Article history:

Received: 26 April 2017

Accepted: 28 August 2017

About the author:

Abiodun Adetokunbo, Ph.D in Russian History, Lecturer in the Russian Unit of the Department of European Studies at University of Ibadan, Ibadan, Nigeria.

For citation:

Abiodun Adetokunbo, Nigeria – Russia bilateral relations: problems and prospects / Нигерия – Россия: проблемы и перспективы двусторонних отношений. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 477–490. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-477-490.

НИГЕРИЯ – РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Абиодун Адетокунбо

Ибаданский Университет
Ибадан, штат Ойо, Нигерия
tokunbonov@gmail.com

Дискурс о двусторонних отношениях между Нигерией и Россией продолжает привлекать внимание исследователей из Нигерии, России и других стран мира. Между тем слабо изученными остаются вопросы об особенностях данных отношений на современном этапе, существующих сходствах и различиях в менталитете, мировоззрении и образе жизни народов двух стран. Автор анализирует различные аспекты культурных, политических и экономических связей, указывает на их достижения и проблемы.

Результаты исследования позволили автору сделать вывод о росте объемов торговли между Нигерией и Россией, о формировании совместных институтов по реализации различных проектов. Это дает возможность говорить о том, что присутствие России в Нигерии становится все более заметным, в стране формируется позитивный, дружественный имидж России, который может способствовать повышению уровня доверия и взаимности двух стран не только в сфере торговли и политики, но и в глобальных делах.

Ключевые слова: Нигерия, Россия, Советский Союз, двусторонние отношения, сотрудничество

История статьи:

Поступила в редакцию: 26 апреля 2017 г.

Принята к печати: 28 августа 2017 г.

Информация об авторе:

Адетокунбо Абиодун – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры европейских исследований Ибаданского университета, Ибадан, Нигерия.

Для цитирования:

Abiodun Adetokunbo. Nigeria – Russia bilateral relations: problems and prospects / Нигерия – Россия: проблемы и перспективы двусторонних отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Том. 16. № 3. С. 477–490. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-477-490.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10 000 знаков, статьи и историографические обзоры объемом 40 000 знаков, включая сноски и межсловные интервалы (пробелы), в форматах PDF и MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены три файла.

Первый файл должен содержать в себе статью с указанием автора и информацией о нем. Файл направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала: rushistj@rudn.university

Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы).

После основного текста статьи размещается раздел «Документы и материалы» и «Библиографический список». Последний должен включать в себя не менее 20 наименований публикаций. Из них, как минимум, 3 – ссылки на новейшие иностранные публикации и, как минимум, 3 – на статьи из российских журналов, включенных в БД Scopus и Web of Science.

Каждому наименованию присваивается порядковый номер, заключенный в квадратные скобки. Перечень источников располагается в алфавитном порядке, перечень публикаций в «Библиографическом списке» располагается в порядке следования в тексте.

Ссылки на литературу внутри текста статьи также оформляются в виде квадратных скобок. Внутри скобок указывается порядковый номер издания из «Библиографического списка» и через запятую – страница текста.

Дополнения автора, документы без авторства (архивные источники, официальные документы, инструкции, интернет-материалы) оформляются в виде постраничных автоматических сносок.

Вторым файлом по электронному адресу корпоративной почты журнала **направляются: информация об авторе на русском и английском языках**, аннотация статьи на английском языке от **250** до **300** слов и русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;

Третий файл должен содержать текст статьи **без** указания ФИО автора и информации о нем. Данный анонимный файл автор прикрепляет на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:
<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Адрес электронной почты: rushistj@rudn.university

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2018 Г.

Том 17, № 1 (2018)	
Тема рубрики	Русские в мире
Прием статей до	1 декабря 2017 г.
Выход из печати	февраль/март 2018 г.
Том 17, № 2 (2018)	
Тема рубрики	История евреев в России
Прием статей до	1 марта 2018 г.
Выход из печати	май/июнь 2018 г.
Том 17, № 3 (2018)	
Тема рубрики	История тюркско-мусульманских народов России
Прием статей до	1 июня 2018 г.
Выход из печати	август/сентябрь 2018 г.
Том 17, № 4 (2018)	
Тема рубрики	Народы юга России: история, культура, традиции, менталитет
Прием статей до	1 августа 2018 г.
Выход из печати	ноябрь/декабрь 2018 г.

Редколлегия журнала

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
